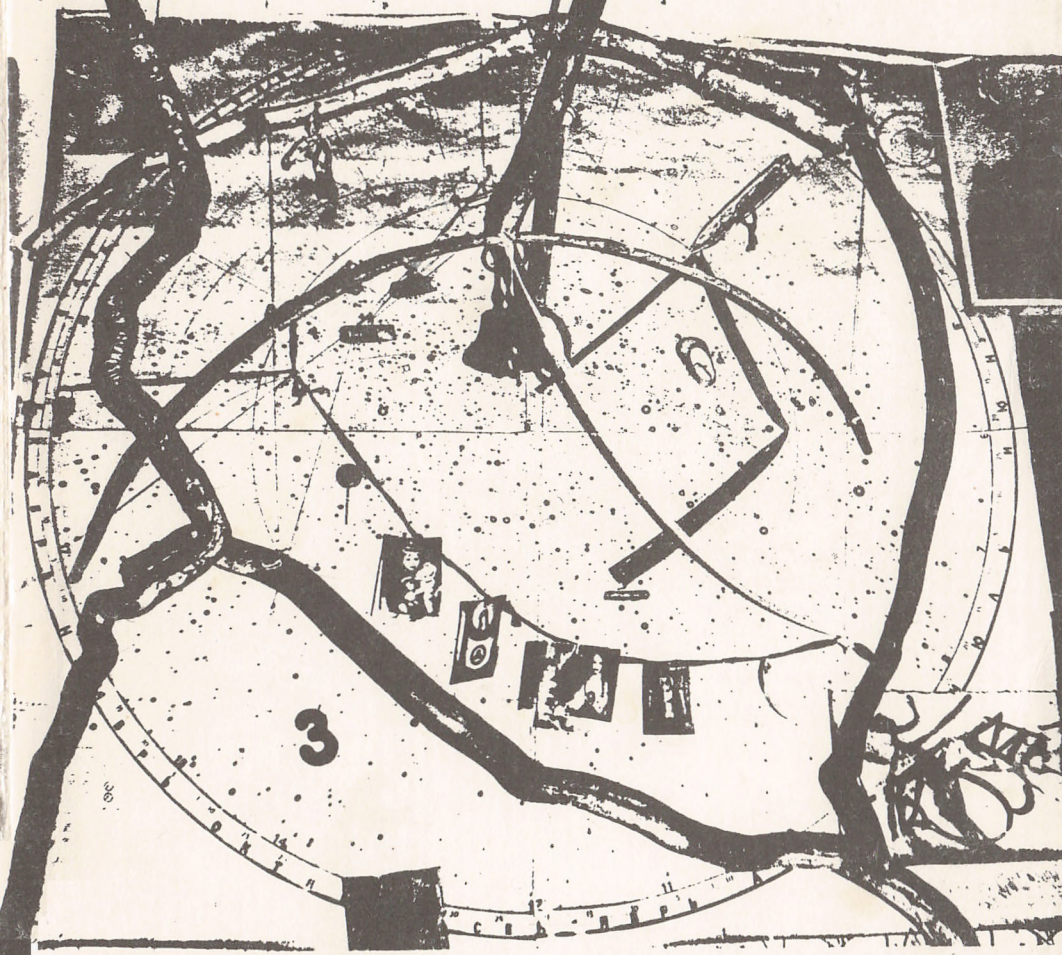

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И
ОБЩЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

3/1' 1995

РУСАЛИМА

ПРОЗА.		1
<i>КУЗНЕЦОВ-КАМИРОВ</i>	БЕЛАЯ КНИГА (ПРОДОЛЖЕНИЕ) ДВЕРЬ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)	
<i>АНТОН ВОЗНЕСЕНСКИЙ</i>	ЗВУК ВО ВРЕМЕНИ	
МАСТЕРСКАЯ.		29
<i>ЕЛЕНА ЕКАТЕРИНЧЕВА</i>	ИКОНА	
<i>ДЕТИ</i>	ТЕКСТЫ	
ДЕВЯТЫЙ ВАЛ.		34
<i>ТАЙМИ ЛЕПП</i>	ДЕКОРАТИВНЫЕ УКРАШЕНИЯ	
<i>ЭВИ ПИХЛАК</i>	УДАЛЯЮЩИЙСЯ ПЕЙЗАЖ	
<i>ЛЕОНХАРД ЛАПИН</i>	ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ	
<i>ЯНИС БОРГС</i>	НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ ЛАТЫШСКОЙ ГРАФИКИ	
ХУДОЖНИК И СРЕДА.		46
<i>КИРА МОИСЕЕВА</i>	ЕЩЕ О СЕВЕРЯНИНЕ	
КРИТИКА И ТЕОРИЯ.		57
<i>СЕРГЕЙ ЕЛИСЕЕВ</i>	СОБЕСЕДНИК	
<i>АЛЕКСАНДР ФОРМОЗОВ</i>	ОЧЕРКИ ПО ПЕРВОБЫТНОМУ ИСКУССТВУ	
ПОЭЗИЯ.		73
<i>ТАТЬЯНА ЗРЯНИНА</i>		
<i>ОЛЬГА ФЛОРЕНСКАЯ</i>		
<i>ХАННЕС ВАРЬЛАНЕ</i>		
<i>ЮРИЙ МАКУСИНСКИЙ</i>		
ПУТИ-ДОРОГИ.		94
<i>ИРИНА КИВИМЯЭ</i>	ВСЯКОЕ ДЫХАНИЕ СЛАВОСЛОВИТ БОГА	
ЗДРАВСТВУЙТЕ.		102
<i>ЮРИС ПОДНИЕКС</i>	ЯЗЫК СУДЬБЫ	
<i>ЛЕВ ГУМИЛЕВ</i>	ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ	
ИСТОРИЯ.		117
<i>ВЕРА КРУТЛОВА</i>	ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИГОРЕ СЕВЕРЯНИНЕ	
<i>ЕВГЕНИЙ КАЛЬЮНДИ,</i>		
<i>ЮРИЙ КИВИМЯЭ</i>	ГИБЕЛЬ НАРВЫ	
<i>АЛЕКСАНДР НИКИТЮК</i>	Я ИЗ ДЕЛА УШЕЛ, ИЗ ТАКОГО ХОРОШЕГО ДЕЛА...	

К 50-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ НАД ФАШИЗМОМ. **142**

МАРИЯ ВАСИЛЬЧИКОВА БЕРЛИНСКИЙ ДНЕВНИК
ВЕРА КРУТЛОВА УСТЬ-НАРОВА 1944 ГОДА

ФОТО-ВЫСТАВКА. **167**

ИРИНА ИВАНОВА ДОВОЕННАЯ НАРВА

ХРОНИКА. **171**

ВСТРЕЧА С РУССКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ
ФОТОАТЕЛЬЕ ПЕЭТЕРА ТООМИНГА
НАРВСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ШКОЛА

ПИСЬМА. **174**

ЛЕОНИД ЯРЦЕВ ПИСЬМО С ПИНЕГИ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР В.КУЗНЕЦОВ
ПОМОШНИК ГЛ.РЕДАКТОРА Е.СООСТАР
ФОТОГРАФ И.КИВИМЯЭ

УЧРЕДИТЕЛИ:

АССОЦИАЦИЯ НАРВСКИХ ХУДОЖНИКОВ
НАРВСКИЙ ОТДЕЛ КУЛЬТУРЫ И МОЛОДЕЖИ

ПОЧТОВЫЙ АДРЕС РЕДАКЦИИ:

УУСКЮЛА, 1-87
НАРВА
ЭСТОНИЯ
ЕЕ2000

АДРЕС ОТДЕЛА ПИСЕМ:

ТАЛЛИНСКОЕ ШОССЕ, 22-22
НАРВА
ЭСТОНИЯ
ЕЕ2000

НАПЕЧАТАНО - НАРВСКАЯ ТИПОГРАФИЯ "КОЙТ"
ТИРАЖ - 385 ЭКЗЕМПЛЯРОВ
ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ
РУКОПИСИ НЕ РЕЦЕНЗИРУЮТСЯ И НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Третий номер альманаха выпущен при содействии
фонда "Kultuurkapital" и фирмы "Kreenholmi Valduse "

ПРОЗА

КУЗНЕЦОВ-КАМИРОВ

БЕЛАЯ КНИГА

ЧАСТЬ I

XXI

Лестница, чьи двери окутало безмолвие пространства, уступила преддверие сада писаниям Марка, владению живущего на земле святилища небесного.

В тихом заводе пребывает Ладога. Перевернутые страницы бегущих, седых волн гладко выстилают Белую дорогу, среди тысяч вершин временных повествований о казни Христа, о смерти Его, о святилище. Сердце колоколом остановило это вечное мгновение казни Христа, воспеваемое христианством в блаженном Успении Божей Матери, Святой Марии.

СОЛНЦЕ ОБРЕЗАЛО НОЧНУЮ МГЛУ УЛЫБКОЙ ИЕРУСАЛИМА, И ИСЧЕЗЛИ ЧУЖЕЗЕМНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ. ОРБИТА ЗЕМЛИ - НЕБЕСНОЕ ВЛАДЕНИЕ МАСТЕРА, ПЕРЕШЛА ВО ВЛАДЕНИЯ СВЕТА, В МГНОВЕНИЯ ДНЯ И НОЧИ. СНОВА ВОШЛА СОЛНЕЧНАЯ ДОРОГА ХРИСТА, И ЛУНА ОСВЕТИЛА ЛЕСТНИЦУ, ПО КОТОРОЙ ИДЕТ МОЛВА О НЕМ. ЕГО НЕБЕСНОЕ СПЛЕТЕНИЕ В РУКАХ АНГЕЛОВ, КОТОРЫЕ ОХРАНЯЮТ ЕГО ОТ УЖАСА, СТРАХА И СМЕРТИ ПЕРЕД ВЗГЛЯДОМ МНОГОЛИКОЙ ТОЛПЫ. РАЗДВИНУЛИСЬ, КАК ЖЕЛЕЗНЫЕ ВОРОТА В ЛУННОМ СВЕТЕ, СТЕНЫ ВЛАДЕНИЙ МАСТЕРА. ОБЛИК СОЛНЕЧНЫХ БРЫЗГ РАССТЕЛИЛСЯ ЗВЕЗДНОЙ ДУГОЙ, ИЗ-ЗА КОТОРОЙ УКРАДКОЙ ВЫГЛЯДЫВАЕТ ЛУНА, ВСМАТРИВАЯСЬ В ЛИЦО МАТЕРИ. И ЕЕ ЛИЦО ВСПЫХНУЛО НЕЖНО-ГОЛУБЫМ СВЕЧЕНИЕМ, И ВОШЛА ЗВЕЗДА. ИСКРЫ-РОСИНКИ ПОБЕЖАЛИ ПО ДОРОГАМ МОРСКИХ СТАРОЖИЛ. ОЗЕРО РЕВНИВО ВЗДОХНУЛО, УСТУПАЯ ЗАЧАТИЮ УТРА. БЕЛО-ЗОЛОТИСТОЕ СОЛНЕЧНОЕ ПЯТНО ТЕНЬЮ УПАЛО НА КАМЕННЫЕ ОСТРОВА. БЕЛОЙ ДОРОГОЙ СКРЫЛАСЬ МАСТЕРСКАЯ ВЛАДЕЮЩЕГО СЛУХОМ. ПУТНИК ОСТАНОВИЛ СВОЙ ВЗГЛЯД НА БЕЛОМ ОБЛАКЕ, В КОТОРОМ ОСТАЛСЯ МЛАДЕНЕЦ ЕГО МЕЧТЫ. Ветряная мельница заголосила о судьбе разлуки. Листва дерева вздохнула, и молва с грохочущим стоном распахнула окна сна. Молва людей, скрытая в камнях, превращается в молитвы, венчающие тончайшие сосны, освобождая дорогие владения души мастера. Дорога Христа остается неоткрытой, тайной. Восхождения поколений по лестнице времени - маятника

больших часов - дожидается зари восхода. Солнечного пришествия Христа дождутся страницы дневника мастера.

Ладья тронулась и листья дерева встрепенулись. Волна на озере ударяет о берег. Облака плавно стелятся, словно золотые струны летящей птицы - Белой ночи Ивана Купалы, расцвеченной кострами. Часы башенного колокола уступили Великому время Его пришествия.

УСТИЛАЯ ПУТЬ К БЕЛОМУ КРЕСТУ, ПРЕСВЯТАЯ ДЕВА МАРИЯ ЗАВОРАЧИВАЕТ БОСЬЕ, ИЗБИТЫЕ НОГИ ХРИСТА В БЕЛУЮ ПРОСТЫНЬ. СВЯТОЕ ДЫХАНИЕ ОТЦА УСТРАНЯЕТ БОЛЬ В ЕЕ СЕРДЦЕ. ОН, ВЕЛИКИЙ ВЛАДЫКА, СЛЫШИТ КАЖДОЕ ЕЕ СЛОВО, СЛЕЗНОЕ ПРОШЕНИЕ МАТЕРИ О СЫНЕ, ИСПОЛНЯЯ, ВОЗВРАЩАЕТ ЕГО НА ЗЕМЛЮ. И ОПУСТИЛСЯ ОН БЕЛЫМ ОБЛАКОМ К БЕЛОМУ ДЕРЕВУ, И ВСЕЛИЛ В ЕЕ СЕРДЦЕ ЗОЛОТОЕ СЕМЯ НАДЕЖДЫ. КАЖДАЯ СУДЬБА СТОЯЩЕГО ПЕРЕД ОБРАЗОМ ХРИСТА ВИДИТ В ЕГО ЛИКЕ ВЕЛИКОЕ БЛАГОВЕЩАНИЕ. ЛАДЬЯ ЕГО ОСТАНОВИЛАСЬ, И К РУКАМ МАТЕРИ ПРОТЯНУЛА ТИХАЯ ВОЛНА - ВЕЛИКОЕ ВРЕМЯ. ЛУННЫЕ ПРИЛИВЫ ПЕРЕВЕЛИ СВЯЩЕННУЮ СТРЕЛКУ ЧАСОВ И ПОКАЗАЛОСЬ ВО ВРЕМЕНИ ЛЕСОВ, РЕК И ШИРОКИХ ДОРОГ ОТРАЖЕНИЕ ОЗЕРА - ВОСХОЖДЕНИЕ ХРИСТА. Он, Иисус, среди многоголосья окликнул Иоанновым предтечем великий труд святого Марка - воздаяние отца, святейшего преподобия иегумена Печорского монастыря и прошествовал во времени возгласом тысячелетней веры, хранимый матерью.

Оросилась душа Марии, и могильные владения растаяли. Красным солнышком постелила Земля предтечев труд, успокоила волнение Иисусова креста - колесницу торжественного моления святой Руси. Крещением, Иоанновым обличем, платьем материнским оделась Земля. Окликнулся облик матери огнем лошадей быстрых и успокоился молитвами Девы Марии в преподобии святых и пустил словение - добровольного ход.

Откликнулась ладья детским волнением Иисуса, успокоила во сне Марию. Оббитые бессеребренники - мерилы солнечные растаяли, и бледная луна произнесла в шелесте листьев труд мастера.

ТАИНСТВЕННАЯ ЛАДЬЯ ВСТРЕЧАЛА ВЕЛИКОЕ ОЗЕРО ПУТНИКА. СВЯЩЕННУЮ ЛЕСТНИЦУ ВРЕМЕНИ НАКРЫЛА ТЕНЬ ТАМ, ГДЕ ШЕЛ ИИСУС. РОЖДЕНИЕ ЕГО ОСТАНОВИЛО ВРЕМЯ. ЛИК ХРИСТА В ОБЛИКЕ СВЯЩЕННОГО ИМЕНИ ОТЦА ВОСПЕЛА РОССИЯ, И ПРИНИКЛИ К УШАМ ВЕЛИКОГО КОЛОКОЛА БОЛЬШИЕ И МАЛЫЕ ГОРОДА И ПРОЗВИТЕЛЬНЫМ ИМЕНЕМ ИОАННА КРЕСТИЛА ЕГО РУКА. РУССКИЕ ВЛАДЫКИ СОЛНЦА

XXII

СНОВА КАЧНУЛАСЬ ЛАДЬЯ. ПУТНИК ПРИСЕЛ НА КРАЙ ЛОДКИ. БЕЛОЕ ОБЛАКО КОСНУЛОСЬ ЕГО СПИНЫ, И ЛУЧ СОЛНЦА ОТРАЗИЛСЯ ЗОЛОТОЙ СТРЕЛКОЙ В КОЛОКОЛЬНОЙ МОЛНИИ РУСИ, И МАТЬ ПРИНЯЛА В СВЕТИЛИЩЕ СЕРАФИМА ОТЦА, И ПОНЕСЛА ЛАДЬЯ ВЕСТЬ И ВЕЛИКОЕ ПРИЧАСТИЕ О РОЖДЕНИИ СЫНА. ТЕРПЕНИЕ ОТЦА РАСПРАВИЛО РУКИ МЛАДЕНЦУ, ВДОХНУВ В НЕГО ЖИЗНЬ, И СЕРДЦЕ ЕГО ЗАГОВОРИЛО ИМЕНЕМ ХРИСТА. ЯСНОЕ УТРО ПРИНЕСЛО СВЕТ ВО ВЛАДЕНИЯ МАТЕРИ, БЕЛАЯ ПЕЛЕНА УПАЛА С ГЛАЗ ЕЕ, КОГДА ПРОСНУЛИСЬ СЕРДЦА ЛЮДЕЙ. В МОЛИТВАХ О ВЕРЕ. РУКИ ОТЦА НАКРЫЛИ МЛАДЕНЦА В СВЯТЫХ ОБЪЯТИЯХ. ОСТРИЕ ШЕСТВИЯ ВРЕМЕН СНЯЛО С ВЕЛИКИХ ПИСАНИЙ ЗОЛОТЫЕ СЛОВА ПЕСЕННОЙ РУСИ, И ЗАГОВОРИЛИ ЛИСТЬЯ БЕЛЫЕ - РОССЫПИ ДОРОГ МОРЯ. И ЛАДЬЯ С ПУТНИКОМ ОТПРАВИЛА БЕЛОЕ ОЗЕРО В ПУТЬ.

Рука мастера осторожно убрала железные ключи с досок памятных писаний, и раскрылись листы Поднебесья - просторные мастерские владения души мастера. Горькая молва о сыне святом опустилась на землю огненным камнепадом, приковала языки пламени к его страницам - холстам художника, и посетили его лучшие работы - линии листьев, что оставило Белое дерево в указаниях Белого озера путнику. Каждое пришествие Христа становится явным, и разлетаются священные строчки золотыми лучами, освещая Его лицо. Стройное молитвенное течение священной реки направляется Его светящейся рукой - линией. Мать на плечах своих несет образ христовых мук. Звучит колоколом покрытая болью голова России, звучит чашами медных труб, излучая восшествие Христа. И вышла ладья христовых мук из берегов Белой реки - светилища русского.

Каждое слово, как золотое зерно, отлетает из уст Его темени - Звенигорода, святой молвой о воскресении.

Убиение огнем младенца - игуменьи: церкви в монашеском одеянии ударяется о светилище Руси, и становится молитвою о нем. Владыко отец и Преподобный Серафим обличье приняли свое и обезглавили грубое нашествие на Христово племя.

Ладья остановилась, и насторожились селения. Дрогнули владения Отца и Матери о Сыне длинной тропой, где лестницы обличия Христа неизменны и утверждают в каждом Его владения.

Мать остановила часы безумия, волосы ее растаяли, и бросилась о камень последняя ноша путника. Она обернула ноги Сына в плащаницу, и зажили раны Его в сердце Матери. Теперь же руки Его не чувствуют боли, и в руках всех молящихся о нем засияли звезды Иоаннова предтечья. Владения Марка уступили дорогу мастеру.

ОСЕННЯЯ ПАЛИТРА ХУДОЖНИКА НАПОЛНИЛАСЬ ВЕРШИНАМИ ДЕРЕВЬЕВ - ЦВЕТОМ ДРАГОЦЕННЫХ ПОВЕСТЕЙ. РУКИ ЕГО ОСВОБОДИЛИСЬ ОТ ЦЕПЕЙ ЖЕЛЕЗНЫХ, РАСТАЯЛИ В БЕЛОМ ОБЛАКЕ ТЫСЯЧЕЛЕТНЕГО ШЕСТВИЯ ХРСТИАНТВА ПО РУСИ. КНИЖНЫЕ ЗАПИСИ СТРОЧКОЙ ВЫБИВАЮТ ПОСЕВЫ МАСТЕРА. ДЕТСКИЕ РАБОТЫ УЖЕ В ПУТИ. ХОД ЧАСОВ ИНОГО ВРЕМЕНИ ПЕРЕЛИСТНУЛ ПРОСТРАНСТВЕННОЕ УЧЕНИЕ. ГОЛОВЫ ВЕЛИКИХ МУЖЕЙ УКРАСИЛИ СОБОРЫ СВЯТОГО ВОСКРЕСЕНИЯ. ОЖИЛИ ПИСАНИЯ РУСИ. В ИХ ВЛАДЕНИЯ ВЛИЛИСЬ ЗВУКИ ДАЛЕКОЙ ЗВЕЗДЫ ТРУБАМИ БИСЕРНОГО СВЕЧЕНИЯ, РОЖДЕНИЕМ ОБЛАКА. ТАИНСТВО РАБОТЫ МАСТЕРА-ХУДОЖНИКА ВОСТОРЖЕННО ВСТРЕТИЛО ОБЛИК ХРИСТА. ОН, СРЕДИ МНОГИХ, ИМЕНЕМ СВЕТИЛИЩ ВЛАДИМИРА ОТКРЫЛ РАБОТУ ЕГО - ДАЛЕКИЕ ОБЛАКА, И КРЫЛЬЯ СВЯТЫХ ПИСАНИЙ РАЗНЕСЛИ МОЛИТВУ СЕРДЦА МНОГИХ, ЗАЖГЛИ ОГНИ ДОМОВ.

Окна садовника зажгла заря среди многих голубых озер - талых руд. Состоялось великое крещение Руси, и поминовение Христа принесло в жертву Его имя. Мать выронила из рук строчки из Его письма - священное писание. Ее сердце повторяет молитву - огонь Его слова. Когда вновь проснулась ее память о нем - Его уже не было. Земля вдохнула свежесть весны. Белые линии, что оставила ладья, унесли мастера, его строчки. Перед садовником расступилась Земля, возрождая на Его глазах сад "Палестину".

ГЛУБОКОЕ ОЗЕРО ПРОНИКНОВЕННО ВЗДРОГНУЛО И ПРОНЕСЛАСЬ ОБЛАКОМ ПТИЧЬЯ СТАЯ НАД САДОМ КРАСНОРЕЧИЯ МАСТЕРА. ОСТАНОВИЛАСЬ ЛАДЬЯ ПУТНИКА В ВОЛНЕНИИ НАБУХШИХ ПОЧЕК. ВЕЛИЧИЕ ГОРЫ ПРИНЯЛО ХРИСТА, А СВЯТОСТЬ ЕГО ОСТАЛАСЬ В КАЖДОМ.

Солнечное утро очистило площадь. Ладья принесла великую молву о Его воскресении. Звезды служения имени Его рождают слезы проявления Иисуса и Марии. Белой лентой переплелась дорога судьбы Иисуса в лике Его матери. Младенца освятила священная вода и освободились руки Христа. В плаче о священном имени Его опустели владения отца. Ладья скрылась за горизонтом, но осталась молитва Иисуса о матери. Земля русская в белом сне ноги утомила,

разбрасывает легким движением светлячков, вдыхает серебряное сплетение в белые холсты художника, определяет золотое сечение. Таинственные звуки, ритмы слова, Его кисти снова вернулись в Его руки, и светящимся шаром запело сердце мастера – голосом сердца матери – России. И большие полотна Его труда принесла восходящая звезда, и отправилась за ним в путь невидимая поступь Его отца.

Сосновые тени нарушают привычную тишину ветвей – молитвенное молчание о сыне, Иисусе Христе.

XXIII

Снова в путь отправляются священники, их острова-матери, почтенные измерения силы востоковеда, который пришел от великого брата своего. Ему нужно прибыть в великие письменные хранилища кристалла. Ковчег Ноя перешел в Его владение, обладающее колоссальной силой воздействия. Он обратил стены Петра Великого в мосты открытого города. Тени властелина мира закрыли великие врата храма Бога Солнца, а ключи хранятся в море, но скоро властелин заговорит на весь белый свет. Ладыя Бога – солнечные страницы, открыты востоковедом – мастером Онежское озеро знает Его.

СВ. НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ.

"Строчки из дневника мастера : Ритм сердца являет эфир тела художника, его пространственный дом, который отвели за чертой города, в устье Нарвы." Взшел сад на берегу рыбака. Кануло прошлое. Родные слова совести – уклад башни, ее стены и уют. Параллельное измерение времени наработаны трудом художника руд, волей его сердца. Золотые слова складывает его оркестр. Святыни русские зажглись сердцем мастера.

В СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ – ЗОЛОТОМ ОБЛАКЕ РУССКОГО ДУХА И ЕГО МОГУЧАЯ РУКА. Тысячелетие Руси, начатое с крещения Иоаннова, изначальное становление души личности – завершено. Снова заиграл оркестр, и удивительная песня зависла над головой. О прошлом памяти нет. Все мысли о Верхнем Доме. Служба завершена, тогда как судьба человека продолжает свой путь в святой заботе о земле – слове русском, заботе матери о духе, в образе Человека – Бога. Исчезли слова скорби Девы Марии. Сохранилась одна молитва – переливы огня Русского Духа, кровеносная наполненность тонкого тела, воспетого на Руси перед именем Бога. Повести о времени нет – есть "краткость ума", миг.

Афоризмы, пословицы, сказания - талантливость русского пространства. - Все сохраняется в эфире, не распадается оружие серебрянного воина, востоковеда.

ВЗБУДОРАЖИТ ТЕМЯ ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ И ОСТЫНЕТ, А НА ПОЛОТНАХ УЖЕ МОРОЗ В РУКАВИЦАХ, ОКРУЖИЛ СНЕГОМ БОЛЬШОЕ ПОЛЕ НЕЖНОЙ, ЛЕБЯЖЬЕЙ ПОВЕСТЬЮ О ВОСХОДЕ СОЛНЦА. МАЧТА КРЫЛЬЦА ВЗОВЬЕТСЯ, И СОЙДЕТ С НЕГО ДОЛГОЕ ТЕРПЕНИЕ. ПРИЗМА РУК ХУДОЖНИКА НЕ УСТАНЕТ ВЛАДЕТЬ КИСТЬЮ. ЛАДЬЯ ОСВОБОДИЛАСЬ. НЕЗНАКОМЫЙ ПУТНИК УШУЛ В ВЕРХОВЬЯХ ДОМА, НО КАЖДОЕ СПЛЕТЕНИЕ ЕГО МЫСЛЕЙ О ДОМЕ, МОРЕ И ЛЮДЯХ ОТКРЫВАЮТ В НЕМ САДОВНИКА И ОТПРАВЛЯЮТ В ПУТЬ СТРАННИКА. КОГДА МАСТЕРА ЛИШИЛИ РУКИ, ЕГО КИСТИ ПОДХВАТИЛИ ДЕТИ И ПРОДОЛЖИЛИ ПИСАТЬ УЮТ ЕГО ДОМА. СОВЕСТЬ - БЕДА ПУТНИКА, УШЛА, И УСПОКОИЛОСЬ СЕРДЦЕ ЧЕЛОВЕКА. ВЛАДЕНИЯ ЛЮБВИ - ВЕЛИКОЕ БЕЛОЕ ОЗЕРО СБРОСИЛО НЕНУЖНЫЕ ЧЕРТЫ, СМЫЛО ГРЯЗНЫЕ СТРАНИЦЫ С МЕЧТЫ МАСТЕРА. УЖЕ НИКТО НЕ УВИДИТ ЕГО ЛИЦА.

ХРИСТОС ОСТАВИЛ ПОКОИ ВЛАДЕНИЯ СЕРДЦА И ПЕРЕШАГНУЛ В ВЕЛИКИЕ ВЛАДЕНИЯ ДУШИ СВЯТОГО ДУХА. МИРНОЕ ОБЛАКО УСТАЛО СПАТЬ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ СОЗНАНИИ, ВЛАДЕНИЯ ЕГО ОТКРЫТЫ СЛУХОМ ДУШИ. И ОТПУСТИЛА СЕРДЦЕ ЧЬЯ-ТО БОЛЬ, И УСПОКОИЛИСЬ РАНЫ. МОЛЧАЛИВОЕ СВЕТИЛИЩЕ СЕРДЦА ОТКРЫЛО СВОИ ВЛАДЕНИЯ - ШАГИ БЕЗЗВУЧНЫХ НОГ ЛЮБВИ. Устланы добрыми мыслями-строчками пробуждения песни слуха. Простые звуки - быстрые слова, но яблони рождают солнечные звуки в молчании твоих шагов.

ТАЛЫЕ СЛОВА ПРИНОСЯТ СЛОЖНОЕ ДЫХАНИЕ НОВЫХ ДОРОГ ВЕДУЩИХ В ЛЮБОВЬ. У ПЕРЕНОСИЦЫ СХОДЯТСЯ ЧЕРТЫ БОЖЕСТВЕННЫЕ - ВОХ. ОТДАНО СЛОВО - ЛЮБВИ, А СЕРДЦЕ - ЛАСКЕ.

Ладья вернулась. В доме - никого. Сердце оставило повесть и вылетело на простор великий. Тают берега изумрудные, приближая дали. В саду - никого. Сердце пробуждает песню о мерелях солнца.

СНОВА ПРИШЛА МОЛИТВА ОГНЕННЫХ НОГ ХРИСТА, У КОТОРЫХ СТОИТ МАТЬ. ОКЛИКНУЛОСЬ ИМЯ ЕГО ОТЦА И СЕРДЦЕ МАТЕРИ ВЗДРОГНУЛО. ОНА УВИДЕЛА ГОЛУБОЕ ОБЛАКО, КОТОРОЕ ПРОТЯГИВАЕТ К ЕЕ СЫНУ РУКИ, И РАЗЛЕТЕЛИСЬ ПТИЦЫ КАИНА ВО ВСЕ СТОРОНЫ. СЛОЖИЛАСЬ У НОГ ХРИСТА - У ВОРОТ СОЛНЦА МОЛИТВА ЧЕТЫРЕХ СТЕН И ПО ПРАВУЮ РУКУ СТОИТ МАТЬ ХРИСТА - МАРИЯ, А ПО ЛЕВУЮ - МАГДАЛИНА. И РЕШИЛА СПОР СУДЬБА.

Когда его сняли с креста, земля вздохнула его сердцем, омытая в поклонении Духу. Святой Израиль пострадал, но осталось имя Христа вечным, как указание о великом Пришествии Крещения иоаннова.

Свет загорелся в доме садовника, то возвратилась душа Христа в райскую обитель – землю Русскую.

НАКАНУНЕ ДРОГНУЛА ЗЕМЛЯ, И ПРОРОСЛИ НАРОДНЫЕ СТРАДАНИЯ, И КАЖДЫЙ НЕВИДЯЩИЙ СТАЛ ВИДЕТЬ, А НЕСЛЫШАЩИЙ УСЛЫШАЛ. БОЛЬШАЯ ГЛАВА ПРОЧИТАНА В ОПРАВЕ ТВОЕГО ЛИЦА, В ОТРАЖЕНИИ СОСНЫ И ДЕВСТВЕННОЙ ЕЛИ. Спущен флаг злого дыхания – смятение огненного дня. Снова пронзила художника стопа Христа – его дыхание – мазок кисти. Ненужное из книги ушло, осталась одна страница. Рухнули глинянные башни, освободив звучание строк. Каждая песня склоняет голову к его молитве. Слова льются тальми слезами весенних цветов Новодевичьего монастыря. Белая поступь прорицателя возникла, и склонился Мать к сыну и спросила о слове, и молитва прозвучала в ответ: линия, цвет, ощущение формы, как значимое завершение художником полотен свечения. В нем нашла душа – мастера Слова. Снова узнало мальчика море, снова окликнула его мать и вывела на дорогу Солнца.

К звезде, мечтающей упасть и потонуть в облаках невесомых, уходят простые, приглушенные слова редких рябинок, мерцающих огнем. Ушла молитва и проронила на камни слова, в тонкие струны собрала ее мать и оставила в доме сердца.

СОЛНЦЕ РОЖАНИЦ РАЗЫСКАЛО ЕГО В МИЛЛИОННОЙ ТОЛПЕ РУКОЙ БОЖЕСТВЕННОГО ПИСАНИЯ. СЛОВА ДАЛЕКИМИ ВЕРШИНАМИ СКЛОНИЛИСЬ НАД ТВОИМ ДОМОМ, И ВЗМЕТНУЛОСЬ МОЛЧАНИЕ, И ПОЛЕТЕЛА МОЛВА-МОЛИТВА О СТИХИИ СЕРДЕЦ. БРЫЗНУЛА В ГЛАЗА ЗНАКОМ ЯРКИХ ИЗУМРУДНЫХ КОЛЕСНИЦ, ОСТАВИЛА ЗАТОНУВШИЕ КАМНИ, ВЫШЛА НА СЕРЕДИНУ И СКАЗАЛА:

– ЗДРАВСТВУЙ!

Воин Сосны Приличия запомнил себя среди имени отцов долголетия и успел вспомнить и порадовать брата тысячелетия. Вошла в даль знакомая ива. Сосна устала прерывать ход колесницы, раправила иглы дома сподручная сестра – братишка, устилая к ногам матери цветастый хоровод трав.

Лесничего в доме не оказалось, а чистая светелка его – труд.

Мать уступила место сестре и жене брата, да хороводам младенчества. Лестница трудов его поднялась выше

всех дорог, и легкая поступь его - притча о боге, загорелась и облетела весь мир вестью о поселении Христа, творящего лицо святой Руси, близ Нарвы.

ОКРОПОЛЬ - КРЕМЛЬ.

XXIV

Великое Солнце обозначилось на карте востока. Как важное наречие: живая вода, далекие моря и опавшие листья - слова новых предсказаний.

ПРОСЛЕДИ ЗА СОБОЙ И НЕ ВЛАСТВУЙ, ПОЖАЛУЙСТА, НАД СТИХИЯМИ ДНЕЙ И НОЧЕЙ. ОБЕРНИСЬ В ПУТЬ ВЕЧНЫЙ В ТРИ ДНЯ И ТРИ НОЧИ. САМ ТВОРИ ЧУДЕСА. ДОМ ТВОЙ НЕ ТРОНУТ, И НА ГЛАЗАХ У ТЕБЯ ВЫРАСТЕТ ДЕРЕВО.

Славит художник окрестность. Пламенный дождь на глазах исчезает и рождает слова - сложный, но стройный мотив. Ветер перелистывает настроение вершин, там нет туч, там творение божественных рук.

ТОЛЬКО ЗАЧЕМ ОТВЕЧАТЬ ЗА БЕЗГРЕШНОСТЬ, ЗАЧЕМ ТОЛКОВАТЬ ОСТРЫМ МЕЧОМ О РАВНИИ ПРЕВОСХОДСТВА, ВЕДЬ РАСПЛАТА ЗА КОРЫСТЬ - ДАЛЕКАЯ ПЛОЩАДЬ. НЕ ЗАБУДЬ СВОЙ ОСТРОВ - ТВОЙ БЕЛЕКУЩИЙ ПАРУС НАДЕЖДЫ, ГДЕ ЖЕСТОКИЙ И ГРУБЫЙ ПОГИВНЕТ В БОЮ, НЕ ПОЗНАВ ВЕЛИЧИЯ МОРЯ.

Ласковый берег обнялся с приливом, и радостным смехом поведала волна о рыбачке.

ПУТНИК ОСТАНОВИЛСЯ. ВПЕРЕДИ ДОРОГА - ОТКРЫТАЯ ЛИНИЯ ГОРИЗОНТА. МОРСКОЙ ВОЗДУХ ПРОПИТАЛ ДЕНЬ. ПРИВЫКШИЙ К ТРУДНЫМ ПЕРЕХОДАМ ПУТНИК ДАЖЕ НЕ ПРИСЕЛ. ОН ОКИНУЛ ВЗГЛЯДОМ ВЕСЬ ОСТРОВ. НИКОГО КРОМЕ НЕГО ИЗ ЛЮДЕЙ ЗДЕСЬ НЕ БЫЛО. ЕГО ЛИЦО ОСУНУЛОСЬ, ОНО В СИЛЕ СВОЕЙ И РЕШИМОСТИ СРАВНИМО С МОРСКОЙ СТИХИЕЙ. СВОБОДНЫМ ВЗМАХОМ ПРОНИЗЫВАЕТ ВЕТЕР, РАСТВОРЯЯ БИРЮЗОВЫМИ ШАРАМИ ПРОЗРАЧНУЮ ЛЕНТУ ГОРИЗОНТА, ВРЕЗАЕТСЯ В СКАЛИСТЫЙ БЕРЕГ.

Но бессилен ветер, не может оторвать лоскутный, песстрый шар ото сна, и пробудить сознание путника. Он приник к берегу, глаза застыли в безмолвии, где поселился вечный вопрос: - за что огородил я себя от моря, а дом свой отправил на вечно с ветром, благославляя словом плач каждого камня?

- Не бери грех на душу, - восстали сосны, поднимаясь на носочки.

Берег возник и растаял на глазах у садовника, его отвлекли слезы прохожего, который ударился об угол старого забора. Но больно не одному прохожему. Приходящий

по ночам поезд много раз страдал от того, что высаживает пассажиров на больные места земли.

- Как же уйти от чужих слез? - садовник идет спокойно и ровно по размягченной от весеннего тепла дороге. Бегущий всегда мыслит торопливо и трусливо переодевает рубашонку, произнося на чужом языке приветствие, вонзает свои слова в тишину, как топор, сотрясая пространство металлической очередью колючих штампов.

- Помоги мне избавиться от них, - взмолился сад, глядя на садовника. Когда ветви деревьев проснулись, их ждал свет застывшего в молчании острова, свидетеля развалин, лавины изречений давних времен, листьев протяженностью в миллионы лет.

Сплелись в ступке огненного танца: поющий ветер и прочный во времени монастырь, раскинувший свои владения на гребнях волн расступившейся весны. Ожили побегги свежестью знакомой мелодии. Следы осени исчезли. Примкнув к лучу озорным движением пальцев, принял его звук, что завис над рекой и дождем. Барабанит по радуге миллионнами жемчужных бусинок. Душа рождает дух, и из луча возникает свет вечный, но мгновенно останавливающий дыхание каждого, живущего опытом прошлого. Выхватывая из движения искристый пучок, поддерживает пульс.

Рождает неповторимую и неизменную радость. Пробивается трава, чуть слышно напевает скворец. Молочная пелена расстелила зернистую росу, и к вечеру пронесся меж деревьями слух: садовник поливает сад.

- Возьми и мой дух труда, - просит облако. В нем сохранилась память о доме, в котором всех, кто приник по весне к робкому шелесту безголосой травы, дающей приют окну, озеру и облаку. Поднимает ввысь дерево, дает крылья росе, вплетая ее в облако, указывает дорогу млечного пути - к вершине новолуния. На ладонь легли дымчатые пылинки - тычинки, нежно облепив бархатную повесть о золотом семени, что чудом вымахало над каменистым склоном.

КОГДА УТИХ НА МОРЕ ВЕТЕР, ПУТНИКА НА БЕРЕГУ НЕ БЫЛО. ВОСТОРГ ОХВАТИЛ ЕГО ПОЛЕТ. СОЛНЦЕ РАСПЛАВИЛОСЬ НА ГОРИЗОНТЕ БЕЛЫМ КОЛЬЦОМ. НЕБО СИЯЕТ МОРСКОЙ ГЛАДЬЮ. БЕРЕГ НАСТОРОЖИЛСЯ. УСЛОВИЛИСЬ МОЛЧАТЬ. И В ТИШИНЕ РОДИЛСЯ СМЕХ, ПУСТЫННЫЕ БЕРЕГА ВСТРЕЧАЮТ ЛАДЬЮ. ТАК ПОЯВИЛАСЬ ДОРОГА, С КОТОРОЙ НЕ СВЕРНЕТ ТОЛЬКО СОВЕСТЬ. ГРЕХ, ЕСЛИ ЧЕЛОВЕК ПОТЕРЯН ДЛЯ ЭТОЙ ДОРОГИ.

- Меня с тобой роднит береза, - говорит садовник,

поглаживая ствол яблоньки. — Твои белые наряды прекрасны, и легкие ветви омолаживают весь сад.

КОГДА РАСЦВЕТУТ ВСЕ ДЕРЕВЬЯ, Я ОТНЕСУ ОСТОРОЖНО ВАШУ ПЕСНЬ К МОРЮ И ТАМ, ДАЛЕКО, ГДЕ НАРЯДНАЯ БЕРЕЗА СВОЕЙ ВЕРШИНОЙ ОХРАНЯЕТ ЛЕС, ТАМ ГДЕ ТРАВА ПРОЗРАЧНЕЕ ИНИЯ, УСТЛАННОГО СВЕТЛЫМ ПОКРЫВАЛОМ, Я ОСТАВЛЮ ПЕСНЮ САДА. Переговариваются звезды, подаренные морем. Горы листьев нанесли на холст солнечные пятна и произнесли имя небу. Оно зажгло на земле свечу, которая вспыхнула откровением в картине мастера. Органным звуком дрогнула почка, листья рук расправились заветными струнами восторга.

XXV

В стране белого неба льется вечернее безмолвие. Великие души дремлют на ветвях пространств, готовятся принять следующие участи. В желании каждого забыто время божинь, и свидетели судеб разжигают огонь безпристрастия. Беззвучны сердца остаются открытию новых земель. А в людной пустыне высокие стены, и жалуются люди на судьбу, отпущенную жить в кривых зеркалах, которые затмевают ясное солнце, и где дракон огненных желаний мстит не имеющим царя в голове. Но великие посвященные лежат в солнечном покое Белого Кита. Они разъясняют человеку понятие о его судьбе, чем сковывают желания.

Самара — белый камень в звуке новых стен старого острова. Ждут своего вожака караваны первых стай. Колыбели птиц улетают к деревьям, которые хранят тайну пространств. Забота о широком дворе, о корме птичьем, легла на землепашцев. Три свечи горят, вынесенные из старого дома, освещают Белую Дорогу по которой идет путник. В огромном лесу он призвал на помощь своих сестру — Великую Деву, и она открыла спящим страницу могучих жизней.

— Вот вам земля, люди. Растите ваших детей триедичных, где роши цветут под каплями вод-сестер моих.

ТЫ — МОЛОДАЯ ГРАНИЦА, А ТЫ — ВЕЩАЯ СТРАНИЦА, ЗАВЕРШАЮЩАЯ ПЛЕМЯ РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО. ПОТАЕННЫЕ ДВЕРИ ОТКРЫВАЕТ ТРЕТЬЯ — ВСЕЗНАЮЩАЯ ОБ ОСТРОВЕ СОКРОВИЩ НА ИЗУМРУДНЫХ ОСТРОВАХ — БЛАЖЕНСТВЕ СЛАДКОЙ ИЛЛЮЗИИ ГИГАНТОВ, СКЛАДЫВАЮЩИХ СВОИ СНЫ В ЗАЛЕЖИ КНИГ. ПРОПАСТЬ МЕЖДУ ИСТИННЫМ ТРУДОМ И ИЛЛЮЗИЕЙ ВИДНА ЧЕТВЕРТОЙ СЕСТРЕ. ОНА ОЖИВЛЯЕТ ПОРЯДОК И ПОДГОТАВЛИВАЕТ ЗАКОНЫ ДЛЯ ИЗБРАННЫХ СУДЕБ, ДОРОГУ НА ВЕЧНЫЕ

ОСТРОВА, ВЕДУЩИЕ К КОНТИНЕНТУ. НЕЗРИМО ПРОСТИРАЯ КРЫЛЬЯ МЕЖ УЩЕЛЬЯМИ, ГОВОРIT ОБ АТМОСФЕРЕ, СОСТОЯНИИ ВОЗДУХА, ВОДЫ, ЗЕМЛИ И ОГНЯ. ИСПИВ ЧАШУ ЧЕТЫРЕХ - ЛЮБОВЬ - ЖАЛОСТИ, ПРИХОЖУ К ПЯТОЙ, ПОНЯТОЙ ВЕЧНЫМ ВРЕМЕНЕМ. В ЕЕ ПОКОЯХ НЕТ КРИВЫХ ЗЕРКАЛ, ТАМ ЗАКОНЧИЛАСЬ ВЕЛИКАЯ БИТВА ЧЕЛОВЕКА, ПОБЕДИВШАЯ СОН. ВЕЛИЧАЕТ ОНА ВЕРНЫМ НАЗНАЧЕНИЕМ ЧЕЛОВЕКА - МИССИЮ И ПРОИЗНОСИТ КАЖДЫЙ ДЕНЬ МОЛИТВЫ СОЛНЕЧНОГО ПУТИ - ЭТО ЭФИР ИРРЕАЛЬНОСТИ, СОЗДАННЫЙ КОСМИЧЕСКИМ ЗАКОНОМ ЕДИНСТВА. ПЕРВООСНОВА - НОВЫЙ ОГОНЬ. УЗНАВ ПЯТУЮ СЕСТРУ - ЗАКОН ГАРМОНИИ, УЗНАЕШЬ ЗАКОНЫ ПРЕДНАЧЕРТАННЫХ ВЕЛИКИХ ПУТЕЙ. ОНА УТВЕРЖДАЕТ В СЕРДЦЕ УКАЗАНИЯ, ОТГОНЯЯ СТРАХ БЕЗЗВЕРИЯ. ШЕСТАЯ - ВЕЛИЧАЙШАЯ ГАРМОНИЯ, ОТБЛЕСКИ КОТОРОЙ ВИДНЫ С ПРОШЕСТВИЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ. ОНА ПРОТЯГИВАЕТ РУКИ К БЕРЕГАМ СВОИХ ДОМОВ, ОДАРИВАЕТ ЦВЕТАМИ ПОБЕД, ПОСЫЛАЕТ СТРАННИКОВ ПОКОЯ В СЕРДЦЕ, ГОВОРIT КРАСНОРЕЧИЕМ ЗВЕЗД СЕМИОКИХ, НАДЕЛЯЕТ СУЩНОСТЬЮ ВЕРШЕНИЙ, ИСПОЛНЕННЫХ ЧИСТОГО СВЕТА, ПРОНИКАЕТ В ЗАВЕРШАЮЩИЕ ШАГИ ЧЕЛОВЕКА - К СВОБОДЕ КРЫЛА. И СЕДЬМАЯ - СТРОИТЕЛЬНИЦА ХРАМА БОГА, ВЕЛИКАЯ БОГИНЯ СЕРЕБРЯННЫХ ЗВУКОВ, ЛИШЬ ИГРАЯ, УЗРЕВАЕТ ЛЮБОВЬЮ И ТЕПЛОМ НОЧНЫХ СТРАННИКОВ И СТРОИТЕЛЕЙ СОБИРАЕТ ВСЕХ, В ТЕРЕМ И ПРЕВРАЩАЕТ ИХ В ЕДИНЫХ СЕСТЕР - БРАТЬЕВ БОГА.

св. СЕБАСТЬЯН.

XXVI

Быстрые, многовековые ветра проносятся над землей, в полете сама Земля и все земные обитатели. Добрым нравом, духом отечества сохранил и наполнил ее обитель светящийся остров. Он не оставит льющихся стрел света.

С ОСЕННИХ ПЕСТРЫХ ЛИСТЬЕВ И ПАУТИНОК, РАЗБРОСАННЫХ СОЛНЕЧНОЙ ПРЯЛКОЙ, ПОСТУКИВАЕТ ЗВОНКО, СБРАСЫВАЕТ ВОЗДУШНАЯ ТИШИНА РОСИСТУЮ ПЫЛЬ. ОСТЫВАЕТ ЗЕМЛЯ ОТ ЗИМЫ, НО ВЕТЕР ОСОБЫМ ДВИЖЕНИЕМ УНЕС И ЭТОТ ХОЛСТ ХУДОЖНИКА. ОН ТЕПЕРЬ ДАЛЕКО СО СВОЕЙ ГРУСТЬЮ, ЕГО НЕЛЕПЫМ ПОПУТЧИКОМ, КОТОРЫЙ МОЖЕТ ОТУМАНИТЬ, НО ДОЛГО НЕ ЗАДЕРЖИТСЯ В СЛОВАХ. НЕБО ПОДНИМАЕТСЯ ВСЕ ВЫШЕ, НАПОЛНЯЯСЬ СВЕТОМ, И ЗЕМЛЯ В ПЕРЕЛИВАХ СОЛНЕЧНЫХ ЛУЧЕЙ РАСТРОГАЛАСЬ И ПРОСЛЕЗИЛАСЬ ТАЛЫМИ РУЧЬЯМИ. КАЖДЫЙ ВЗДОХНУЛ И ВЕРНУЛСЯ К ЕДИНОМУ С МИРОМ ВОСТОРГУ - ВДОХНОВЕНИЮ ДОБРА. Сердце долго молчало, пока красавец-месяц пронзительным блеском не осветил, и теперь полет продолжается под солнцем. Ветер охнув, заколотил мелким дождиком, дыша морозцем.

ПУТНИК МОЛЧИТ. СЛЕДУЮЩИЙ ДОМ — ДОМ ВЕЛИКОЛЕПНОГО. ОЗЕРО ПРИВЕТЛИВО УДАРЕТСЯ О ЕГО ПРОЗРАЧНЫЙ СЛЕД, И В ПЕСЧИНКАХ ПРОЖИТЫХ ПУТЕЙ ТАЕТ ЕГО ПОСТУПЬ. ЛЕГКИЕ КРЫЛЬЯ ВЗМЕТНУЛА ГРОЗА, И ВСПЫХНУЛА МОЛНИЯ, РАЗМЕТАЛАСЬ КУДРЯВО В ОСЛЕПЛЕНОМ ПРОСТРАНСТВЕ, ИСПЕЩРИВ НЕБО ТРЕЩИНАМИ ОГНЕННЫХ ЛУЧЕЙ — ГРОХОЧЕТ САДОВНИК, РАЗБИРАЯ ДЛЯ ПОСТРОЙКИ КАМНИ СЕВЕРНОГО ДОМА. СИЯНИЕ ОБОЖГЛО ОБОЧИНУ И, ВСКРИКНУВ, ПОДНЯЛАСЬ В НЕБО ЧАЙКА.

ДОЛГИЙ ПУТЬ ВЫВЕЛ ВЕЛИКАНА МОРЯ К РАЗБРОСАННЫМ СЕТЯМ РАВНИННЫХ ЗАТЕЙ. ОБОРВАЛИСЬ ЗВУКИ, И НЕБО НЕ ВЫДЕРЖАЛО, СТАЛО ВПУСКАТЬ В СЕБЯ ЭТУ ЗЕРНИСТУЮ ПЫЛЬ ОЗЕРА. ПРОИЗОШЛО СТОЛКНОВЕНИЕ.

— Верни мне облако, грозная туча, — задышала вода, и всхлипнула ее волна. С рассветом угасла звездная пелена и совесть успокоилась. Доброе имя разлилось в великих покоях моря. Великолепный нашел источник блаженства могучего дня и протянул руку сыну.

ГОР.

XXVI

— Большая ладья Белого Моря, к твоим источникам знаний привлекают белые волны многих людей.

Странствия по морям и островам распластаны иссохшими нивами слоновых костей. Не собрать все знания о землях твоих — великих порогах. Волшебные струны поют на солнце, и выходят правдивые, чудесные строки. Волной не сокрушимой остановился твой взор на восходе и заставил задуматься об отважных морских дорогах, связанных между собой нитями — ветрами. И нет возможности установить протяженность морских пространств.

Окна сада не гаснут в этом просторе. Круговорот белой птицы выносит в вихре пламени невидимую работу, и проявляется мастерская художника из поля прозрачного востоковеда. Плавные движения ложатся красноречивым восторгом.

ВОСТОКОВЕД ВЫШЕЛ НА ЗВЕЗДНЫЙ ПЛЕСК. НО ВОЛНА ОСТАНОВИЛА ЕГО ДУХ. ВИХРЕМ ВЗВИЛСЯ ОГНЕННЫЙ ШАР, ОН ВЫСКОЧИЛ ИЗ ЧЬИХ-ТО ЧУЖИХ, ГРУБЫХ РУК. РАНИЛ ГОЛОС СОЗНАНИЯ ЭХОМ ВОЗМЕЗДИЯ И ИСЧЕЗ, — БОЛЬШЕ ЕГО НИКТО НЕ ВИДЕЛ. ВОЛЯ ВРЕМЕНИ СДАВИЛА КАМЕННЫЙ СТОЛБ, И ПРИШЕЛ ЧЕРЕД САМОГО БЕССТРАШНОГО КАМНЯ. ОН ВЗМЕТНУЛСЯ НАД ОГНЕННЫМИ ГЛУБИНАМИ МОРЯ, И ВСПЫХНУЛО СИЯНИЕ ЕГО СЛОВ, И НЕКТО, УВИДЕЛ БОГА И ПРОСЛЕЗИЛСЯ НАД

ЕГО ВСЕВОДНОЙ РАВНИНОЙ, НАД КОТОРОЙ ВОШЛА ЗВЕЗДА ЕГО УЧАСТИЯ. РАДОСТЬ ПРОМЧАЛАСЬ ВОЛЬНО, НЕ ЗАДЕВ НИКОГО И НЕ ОТБРАСЫВАЯ ТЕНИ. НАД ОЗЕРОМ ЗАВИС СВЕТАЩИЙСЯ ШАР, ИСКРЯСЬ РАДОСТНОЙ УЛЫБКОЙ, СОГРЕЛ КАЖДОГО И ПРОМЧАЛСЯ ДАЛЬШЕ, ИСЧЕЗНУВ В ЛУЧАХ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА.

Укрывая свет листьями рук, взмокла от утренней прохлады сторожка. Сосна указывает вверх:

Беренгов пролив, Монголия, Южный и Северный полюсы, Полярный круг; ось Земли вращаем на Западе. Белеющий просвет – созвездие Кассиопеи. Мастер записал в дневник еще какие-то строки и закрыл тетрадь.

Пришел Набоков. Изящным, но печальным движением начертал крыло невидимой птицы. Голос ее восхищает своей отстраненностью, но незнакомый, ревниво-фиалковый иероглиф на матовой коже предрассветного утра, разбросался холодными перьями. Как красива твоя женщина, но как одинока!

XXVII

СЛОЖИЛИ В ОТДАЛЕНИИ МАСТЕРСКУЮ ГАЛИЛЕИ ИИСУСА ХРИСТА. ОНА ОСТАНАВЛИВАЕТ МНОГИХ ЛЮДЕЙ, И В НИХ ОЖИВАЕТ СЕРДЦЕ, ЗВУЧИТ КОЛОКОЛ. Голос его гулками раскатами несется над великим городом, приветливым эхом возникая в сердцах чистых. Восторг, задержавшись в воздухе звонкой паузой, обращается в многоступенчатый отголосок – торопит время. Увенчанная паузой сердца, обращает в моление жителей славного города дороги многих его гостей.

Проходящий поезд замер на перроне в ожидании приветственного сигнала городского колокола. Свежий ветер сопутствует атласному парусу, нагоняет волны морских обочин, проявляет чей-то лик. Пронзительно-белый танец моря уносит тонкий отголосок отзвучавшей вечерни к верхушкам сосен. Все замерло в приветственном молчании. Кто-то зажег пламенный закат над городом, и солнце затрепетало в разбросанных ветром лучах, собирая в полет стаю жар-птиц – бубенцы звонаря, отслужившего воскресню теплом майской земли. Завтра возникнет летний сад, воспеть степенным шелестом сосновой площади.

ХУДОЖНИК ОСТАНОВИЛ КИСТЬЮ ЭТОТ ВОСТОРГ, ПУСТИЛ ПО ХОЛСТУ ПЛАВНУЮ ЛИНИЮ, РЕШИТЕЛЬНО ОБНАРУЖИЛ ЧИСТЫЙ ЛИК И ПОДНЯЛ ВВЫСЬ ЛИСТЫ ВОЛН, ЗАГЛЯНУЛ В СИНЕВУ МОРСКОГО ТАИНСТВА. СОЛНЦЕ ВДОХНУЛО СВЕТ В ЕГО

ПРОСТОРЕЧИВУЮ РАБОТУ, ПРОРИЦАЯ КАЖДОЕ ДВИЖЕНИЕ ГОДА В ЗВУКЕ ГОРОДСКОГО КОЛОКОЛА. ОН УСЛЫШАЛ ШУМ МОРЯ, ПРИЗЫВ СОСНЫ И ВЕЛИКОЕ НЕБО ОСТАНОВИЛО ОБЛАКО. ПЕСЕННЫЙ ВЗГЛЯД САДОВНИКА ЖИВОЙ ЛАСКОЙ ОБЪЯЛ ТОНЕНЬКУЮ ВИШНЮ, И ЗАКРУЖИЛАСЬ ЗЕМЛЯ В ХОРОВОДЕ БОЯРЫШНИКА И МАЛИНЫ, СМОРОДИНЫ И РЯБИНЫ. Защитник-клен склонился над сливами, шиповник переглядывается с крыжовником, а яблонька-лебедушка белая вот-вот взлетит к самому небу, чтобы своими ветвями приветствовать перелетных птиц и принимать от них послания. Одно из первых посланий было о путнике, и яблонька стала его ждать. В конце лета разноплеменные листья золотой пряжи - осени, слетелись к белому дереву. Желтый каштан и голубая ольха выстроили деревья в знаке созвездия Белого Лебеда.

Художник возвращается с этюдов, его взгляд встретился со взглядом белого дерева, который приветствует художника серебрянным шелестом, движением ветвей, наполняя дух светом и любовью. Художник не видит замшелой коры, переплетенных сучьев. Его мысли перелистывают теплые корни, вливаясь в небо пульсирующей музыкой жизнетворного сока. Душа художника наполнилась необыкновенным восторгом, грусть отступила; тучи, обремененные ветродуем унеслись прочь, обнимая добрый, протяжный стук сердца дерева. Небо рождает глубокое созвучие, освещая угодия и дороги водной пылью, поселяя мечту - великое угодие материнства белого дерева. Вспыхивает пламя в синеве небес, и разнеслась прилюдией волна, и озеро вздохнуло родным волнением сердца.

ПУТНИК СПИТ, И ЕГО СОН ОБЕРЕГАЕТ ВОЛНА, ПРИСЕДАЮЩАЯ ТИХИМ ШЕПОТОМ ВОЗЛЕ ЕГО ПОКОЯ, А ОБЛАКО ПЕРЕДАЕТ ВЕСТЬ О БЕЛОМ ДЕРЕВЕ, КОТОРОЕ ВОЗНИКЛО В ГЛАЗАХ СТРАННИКА, КАК ХУДОЖНИК. ЕГО БЕЛУЮ ТЕНЬ ОТПЕЧАТАЛО НА ПЕСКЕ СВЕТЛОЕ ОЗЕРО. ПРИШЕЛЕЦ ВСТАЛ. НЕЗНАКОМАЯ СТРАНА ЗАЛОЖИЛА ВЕСТЬ В ЕГО ПАМЯТЬ О ЗДОРОВЬЕ ЗЕМЛИ И ДОМА.

- Кто ты? - спросил садовник яблоню, услышав ее вздох.

- Я принесла тебе весть весны о великом рождении сына. И воздал звонарь о рождении Христа. Колоколом говорящим взметнулась его душа, и слышала пустынь о великом городе.

Облако остановило время. Водная простынь разбудила путника.

- Пора, - крикнула волна и стремительно умчалась. Шум моря провозгласил покой дома садовника. Ветра запеленали город. Полихромные полотна художника выстукивают в эфире благой ритм сердца мастера. Дыхание это набирает силу. Звезды не нарушая тишину, своими сказками убажкали яблоньку. Садовник прислушался, присел возле и взошел к небу в молитве светлых снов своего сада. Мечты его свершились, молитва белым кристаллом застыла в вышине, излучая нездешний аромат. Облетел море ветер, обернул волною морской простор, застыл в молчании. Звезды излучают холодный свет, сливаются с морским порывом, рожают сына и новая звезда вспыхнула.

Кудесники-волхвы обманулись в предчувствии восторженных хлопот. Приникнув к толстым хроникам, пытаются вычислить следующий раскат грома, но тщетно.

ПОЕЗД ОСТАНОВИЛСЯ. ХУДОЖНИК ВЫШЕЛ НА ПЕРРОН. СЕВЕРНАЯ РУССКАЯ ЗЕМЛЯ ВСТРЕЧАЕТ ЕГО. ВПЕРЕДИ БОЛЬШОЙ ОКЕАН, НО ДОМ ЕГО ГДЕ? ЗАСТЫВ НА МИНУТУ, ОН ПОЧУВСТВОВАЛ ДОБРОЕ ПРИВЕТСТВИЕ САДА - ЗВОННИЦУ САДОВНИКА. Вот приближается караван перелетных птиц - белые сны светлооких яблонь. В такт его сердца, потянулись резные оконца ветвей, напомнив о доме морей - белоствольных березах и задумчивых ивах.

- Пора, - опять напомнила волна путнику, и художник направился в мастерскую.

БОЛЬШОЙ СЛОН.

XXVIII

У дверей мастерской художника поджидает Рыська. Давно она заметила своего хозяина.

- Похудел как, - подумала кошка, - ведь пропадет без меня, - и хлопотливо заторопилась навстречу.

- Все так же косолапит, ничего, мой хороший, теперь ты дома, все позади, и мы снова вместе и так рады друг другу.

Рыська выскочила на дорогу: маленькую головку выпрямила, спинку изогнула, усики настроила на звездные рифмы и запела жмурясь от знакомой волны добра и уюта человеческого. Знакомые косички охристыми полосками разбежались по спинке знаками древних писаний, прорисовываясь на лапках и хвосте, который восклицательно торжествует, завораживая внимание хозяина. Маленькая серая кошка похозяйски муркнула и, зажмурившись, повторяет про себя, каждое движение художника, проникая в его улыбку, рас-

стояла в благодарном молчании. Она всегда встречала его и вновь ждала, когда он уходил. И даже на расстоянии охраняла его сны от усталости и тревог.

- Рыська, - обрадованно воскликнул художник, - иди сюда, вербочка моя. Пойдем домой.

И он долго слушал ее рассказы о том, как ей было плохо без него, очень плохо. Печь тем временем накалилась, потрескивают дрова, дом наполняется теплом. Загудел чайник. Пламя огня в печи будоражит близкий запах красок, скипидара, смолянистого дерева. Это дух мастерской, он тоже приветствует художника. Рыська расположилась у печки - важная.

- Настоящая рысь, - улыбнулся про себя художник, - умница.

Царственная тишина и спокойный ритм работы - ее заслуга. Сновидения - медитации приучили молчать. О многом хочется поговорить с друзьями, но дни встреч с ними наполняются шумом болтовни, бесполезным треском, но освобождает сердце память о тишине.

СНОВА ВХОДЯТ ЧЬИ-ТО ЛЕГКИЕ СЛОВА, НАПОЛНЯЮТ СЕРДЦЕ, И ВОЗНОСИТСЯ ДУША В МИР СТИХОВ НЕСУЩЕСТВУЮЩЕГО ПОЭТА, ПЕРЕХОДЯ В МУЗЫКУ ДВЕРЕЙ ОТКРЫТОГО ДУХА; ЕГО ТАНЦА В ЗАПРЕДЕЛЬНОМ БЕЗМОЛВИИ; В СМЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ РУКИ, РОЖДАЮЩЕЙ МУЗЫКУ СВЕТА, КОТОРАЯ ПРОЯВЛЯЕТСЯ ИЗ ПРОСТРАНСТВА МАСТЕРСКОЙ БЛЕДНЫМ, ЕДВА РАЗЛИЧИМЫМ СИЛУЭТОМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В ОГНЕННЫХ КРЫЛЬЯХ ПРИШЕСТВИЯ. НО ВОТ ЛЕГКИЕ ПАЛЬЦЫ ЗАГАДОЧНЫХ РУК ЗАМЕРЛИ, И ОБНАЖИЛАСЬ ЗЕМЛЯ, И РАССТУПИЛИСЬ БЕЛЫЕ ВЕРБЫ. НА ДОРОГАХ ПОКАЗАЛИСЬ ЯРКИЕ ОГНИ - ТО ИДЕТ ВЕЛИКИЙ ПОСТ.

На полотенцах, вышитых голубками солнцеворота, привольно раскинулись рожаницы макоши. Они отдают дань богу рода. Пекут блины, хлеба, наполняют избы светлым жаром. Дом верхнего неба провозгласил великие молитвенные дни. Ночь в своих объятиях купает рожденных в семейном согласии.

ТОНЕЬКОЙ ЛОЗИНКОЙ РАСТЯГИВАЕТ УДОВОЛЬСТВИЕ ЛУНА, ВДОХНУЛА И ПОКРЫЛА ЗЕМЛЮ СНЕГОМ ПЕЧАЛЬНО-ИСКРИСТЫМ. СКОРО ВОСХОД, СКОРО ИСПОВЕДЬ ТВОИМИ ГЛАЗАМИ УВИДИТ ДЕНЬ - ПРОДОЛЖЕНИЕ НОЧИ И УКРАСИТ САДЫ ПРИВЕТСТВЕННЫМ КРИКОМ ПЕРЕЛЕТНЫХ ПТИЦ. РУССКИЕ ОЗЕРА - БЕЛЫЕ ЛЕБЕДИ ВЫСОТОЮ ЛЕГКИХ КРЫЛЬЕВ, РЕСНИЦАМИ ЛЕСОВ СОСНОВЫХ, ПРОКРИЧАТ НА ВЕСЬ МИР В СЕМЬ ГОЛОСОВ О ВЕСНЕ.

Руки жены дрогнули, и дрогнуло в окно прохладой. Жена зажгла лампаду у икон, благословила ночь на покой. Далеко, где-то за озером, слышно как прошел поезд, его знакомый гул не потревожил спящую дочку. Совсем кроха, но смело задрала носик, вытянула из-под одеяла ручки. Во всем доме ее радость. Силай с Марсом, сыновья Рыськи, осторожно наблюдают за первыми шагами девочки, берегут семейный уют.

Садовник убрал груды мусора, старый хлам и начал строить дом. Прекрасны эти минуты - на глазах происходит таинство перевоплощения. Деревья учат мягкому проникновению в мир невидимый, но существующий. Так возникают священные знаки, выложенные из серебристого бута и красных кирпичей. Возникают внушительные фигуры связанные из сухих сучьев яблони и вишни. Садовник подходит деликатно к тонкому свету земли, ждет, когда его скульптуры примут посвящения в недра тайной святости, нарождаясь каждым образом среди деревьев наверняка, возникая в просветах между стволами, оставляя тени в разное время суток - пусть вяжут невидимую нить будущей дороги.

- МАТУШКА, РОДНАЯ ЗЕМЛЯ РУССКАЯ, НЕВЕСТУШКА, - ВЛЮБЛЕННО ШЕПЧЕТ САДОВНИК, - Я ПРИГОТОВЛЮ ПОДВЕНЕЧНОЕ ПЛАТЬЕ ВЕСНЕ, Я НАРЯЖУ СЕРДЕЧНЫМ ТЕПЛОМ ДОЧЕРЕЙ ТВОИХ - ВИШНЮ, СЛИВУ И ЯБЛОНЬКУ. БЕЛЕХОНЬКИ БУДУТ НАШИ КРАСАВИЦЫ НА РАДОСТЬ ЖЕНЕ И ДОЧКЕ, И У ПРОХОЖИХ ПОТЕПЛЕЕТ НА СЕРДЦЕ.

Каменистая дорога привела путника в материнский дом. Мать встретила у порога, дрогнули ее глаза. Сколько раз она встречала и провожала сына. Сын молчит, глаза ясные, в них весь его путь: как шел, что познал. И мать поймет. Так и замерли в этой минуте встречи. Неужели только слезы могут обратить память, чтобы сохранить радость?

Море раздвинулось в бесконечных волнах. Слышно, как перекликаются перелетные гуси. Над белым деревом повисла малиновая шаль доброго утра. Тени птиц соединились в лестницу - время, по которой поднимается путник.

- ОН УШЕЛ, - ШЕПЧУТ ЛЮДИ, - И В СПЕШКЕ ОСТАВИЛ ХОЛСТ И СЛЕДЫ НА КАМЕНИСТОЙ ПЛОЩАДИ. -

СВЕТ ПРОСАЧИВАЕТСЯ СКВОЗЬ МУТНЫЕ ОБЛАКА, ЛОЖИТСЯ ЛУЧОМ НА ОТРЕЗОК ДОРОГИ МЕЖДУ ДОМАМИ И СОСНАМИ. ТЕНЬ, ПОХОЖАЯ НА БОЛЬШУЮ РЫБУ, ВПЛЕЛАСЬ В ПОДВЕНЕЧНЫЙ УЗОР ХРУПКИХ ПЛАТЬЕВ ЛИСТВЕННИЦ. ПУРПУР РЯВИН РАЗМЯК ЗОЛОТОЙ КАЙМОЙ В ВЕЧНОЙ ДОРОГЕ, ПО КОТОРОЙ УХОДИТ ПУТНИК. ОБЛАКО РАСТАЯЛО.

ВЗОШЛО СОЛНЦЕ И БЕРЕГ ПРИВЕТСТВОВАЛ РЫБАКА -
СЫНА МОРЯ.

- Твои соседи передали, что ты отец, у тебя родился сын.

Рыбак смахнул огонек лампадки - пылкую дрожь с лица жены.

- Имя его - Воскресение.

Глаза Христа осветила молитва. Прошла женщина, присела в углу за шитьем. Далекий свет и глубокая тишина наполнили их дом рождением.

РОДНИК РОЖДЕНИЯ.

ХІХ

Дрогнула зима, отступила. Рыбак затеял починку сетей, проверил багры, крючья, просмолил лодку. Соседи волнуются. Наводнение угрожает ближайшим селениям. Плотины на реке, перекрывающая воды озера, может не выдержать и, тогда оборвется надолго связь с городом.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ).

ДВЕРЬ

КУЗНЕЦОВ-КАМИРОВ

ЧАСТЬ I

ДЕРЕВО-ДОМ

Продолжение

ПЕСНЬ 10

198. - Кто ты?
- Час испытаний.
- Где живешь?
- В вечности.
199. Войди в бушующий поток. Вот звезда неминуемого участия. Будь с ней осторожным. До встречного ... океана.
200. Сколько хватит сил и терпения, ты отдайся - стремительным ветрам.
201. По исходу смотрят о мудром искании.
202. Мысли не угнетай смятением. Вот оно, глубже вносимое, поет песню искомую.
203. Берегом, тропами, далями ты отправляйся с великим участием. Твори в этом здравии.
204. Я открою тайну - тот не жив, кто от боли движением слаб и безудержным безом страдает.
205. Во сне - распознай указания.
206. По ветру развеи ужас безмолвия.
207. О былом не надейся и тогда песня сложится, проявится мысль.
208. Торопи эту исповедь.
209. В нужный день явное явится, а ночью напомнимся.
210. Покой стремителен, поток безудержен.
211. Во времена ритм, он же степень окраски, пере-
чень символов, пламени отблески.
212. Все, что напомним, - памяти чувства. Окажется
прошое рядом - с ним озаренье не сравнивай.

213. Ищи краткое четкое слово - образ и символ значения.

214. Как набухающие почки, наполняется любовью Дом - Природа - Матерь.

215. Тревоги желаний больше не сотрясут ее ритма.

216. Несет она чудо - знакомое, но не привычное - новое смыслом.

217. Окруженное чувствами чистыми, добрыми; напомнило и отворило, искание новое.

218. В этом - загадка вечных странствий;

219. Так знакомое - новым покажется.

220. Чем больше найдешь, тем больше воздастся.

221. А обернешься к прошлому, увидишь Страну Искания и Творения Деревя, куда вхожу я Духом Высоким, откуда слышу новые вопросы.

222. Берега брусничного пралива, ветхих залежей сплетенные - притворили вопль унылых, облетевших стонцов - в Красную обитель.

223. Стереги распахнутые двери - двери заколоченного сознания.

ПЕСНЬ 11

224. Параллельные буйшуют Дали (Миры). Их не пере-
числить всех Далеких.

225. В них хранится разум предков. Их ведет со-
знания Светоч.

226. Человек постичь не может простор (возможности)
полета мысли.

227. Там Воля управляет, не по желанию волеаний, а
наполненная светом разума и прозрения.

228. Путя, исканця, люпадают в поле тяготения Миров,
оказав Участие, возвращают тайну Мудрости -
Всепроизведение неповторимого.

229. Открой сну познание вечности и веры.

230. По твоему биению сердца - тебя узнают.

231. Слушай тяготение, но балансируй умело. Все
включается на высоких частотах.

232. Посвященные в тайну земного приращения выпол-
ня от миссию.

233. Этот важный процесс знает каждый посвященный.

234. Божо отличает цвето-звук признание.

235. Он в участии поля и как помощник эго и служи-
тель, волю несет исполнения Правдой.

236. Оговорящем сознании поведает Песней.

237. Миссией обреченна страдания.

238. В век проповедований (откровенный) - будешь
Песней зовущей творить Поле новых потоков.

239. Век восходящий родит Мир знакомый со Светом
Лучей, безучастного моря потока.

240. Пройдет блуждание в лабиринте.

241. Победит Эра Поля Сознания.

ЧАСТЬ II

ДЕЙСТВИЯ

ПЕСНЬ 1

1. В скором времени меня поймешь.
2. Повторяюсь, в главном не теряй чувство меры.
С живым особенно будь осторожен. В гневе сго-
рает все.
3. Непоправимо, если сгорит случайно знание, ко-
торое дается тебе Жизнью Земного Поля тяготе-
ния.
4. Не мучай беспричинными поводами равновесие со-
знания.
5. Произведет случайное внедрение в познание Уча-
стия Всевышнего и услышат об этом все земные.
6. Если хочешь потребовать большего знания о Суще-
ном Вечного, твори.
7. Вот пришел час главного употребления.
8. В силе разума побеждает космическое участие
чувства и порядок, нарушавшийся долго.
9. Постараюсь дойти до тебя, последовательно из-

лагая причастие сущности в Мере Позитивной Конструкции Былого.

10. Сейчас попрошу об одном:
открой усилием Духа чет Знаний сущего прираще-
ния к Мере осутимой навигации - сплечения веч-
ной правды и неправды.
11. Старики судят о былом, к сожалению. Вечность
судит по иным законам порядка Верхнего.
12. О Достигнутом сказано, о Нужном предстоит
сказать.
13. Верую в благочестивость изречений твоих по-
ступков.
14. Суди все бережно, разделяй крайности, к Высше-
му порядку обращая.
15. Пале стороны открывает чуткость к восприя-
тию информации.
16. Коси ложь, уничтожай принципы зла.
17. Я говорю - ТВОРИ!
18. Меняй режим, если хочешь сохранить попоки им-
пульсов.
19. Хочешь знать о праведности - обратись взором к
предосторожностям предков.
20. Обстоятельства подсказывают работу Духа и
борьбу Духа.
21. Вступая в полосу делимую, ты ощутишь состоя-
ние тела.

ЛЕСНЬ 2

22. Минутные старания в прерывистом безе сбивают-
ся к нулевому поиску.
23. Поиск требует усилия Мысли, верности Правому
делу.
24. Судье Всевышнего Мира помогает Верность Чисто-
ты Поля Чувствительности.
25. Сознанием покоя Относительного можно понять
Относительность бренности в представлений жи-
вущего.
26. Неподвижной чертой четко прослеживается путь

- предыдущего Потока информационной волны Благого участия.
27. Ступай движением Духа Праведности, и неминуем толчок удачи.
 28. Вообрази Поле Сознания. Морем в бушующем танце тревоги.
 29. Если ударит такая война зарядов о Берег верный и покорный стихии, то опрокинет бесчинки Познания омятения в скорном потоке марском.
 30. Проследи порывы своего сознания в течение жизни. Увидишь - Берег желаний покоится у ног.
 31. Участие Былого, Верность пути в Потоке Вечном определяется иным сознанием.
 32. Крайние точки отсчета именовують посыл зарядов Красного Источника (Красной реки) и заряды от тальных Потоков (желтый, голубой, белый и т.д.)
 33. Если воздействуешь Лучом преломленным о Бренность, то разыграют искры Имен бесконечных, но главное проложить курс **БЕРЕГАМ ПОРЫВИСТЫХ ВЕТРОВ**, где много тайн о бегущем параллельном времени.
 34. Исходит Малое из Большого. Так водвори в сознание - Большое сознание из множества малых.
 35. Оттолкнись протоком мысли и, пролетев **ПУТЬ КОРОТКОГО ЗНАНИЯ**, начерти схему полета. И множество проявится в большом Единстве.
 36. Соткано все этим путем мироощущения.
 37. Не дай захлестнуть безумству малого.
 38. Отгородись от безумства малого и большого старания к малому.
 39. Торопись проявить Дух тела. Огненная рядом.
- ПЕСНЬ 3**
40. Божественным звоном раздаётся Символ Вечного в поле Земного Пространства.
 41. Верность Всевышнего повышает чувствительность новорожденного звуком мелодичным.

42. Звук - сияния переливов Миров и общий звук сознания порою в себе и ты. Это чувство Тайны освети.
43. Пора собираться в стаи. Готовься к полету. Мысли мерцание звезды - полутчицы отсчитывают время вечности.
44. Перелив красок Мечты - старательной избранницы удачи - несет тебя в пространстве, поднимая твоё тело над Мирами Покоя Вечности.
45. В этом полете ты ощутишь присутствие своего Духа в каждом из Миров.
46. Прошу быть собранным в Доме Порядка.
47. Колышет поле ветер славы, неминуема встреча с Полем Затмения.
48. Но не сбавляй скорость Риска, и ты проследуешь указанным курсом.
49. Вот бьётся сознание в Поле Борьбы Состраданий.
50. Ты должен выбрать вечную песню любви и, напомнив себе ее мотив, не поколебаться в состоянии Правды.
51. Бежит и пропадает из виду неподвижное время. Оно заставляет уйти от Полета. Его потери непоправимы в остановке мысли твоего пути.
52. Показанные миры уйдут, не причинив вреда.
53. Ты, главное, слухом проверь Звук Песни, если остановишь дыхание Вечной Мелодии.
54. Вот краткие пометки о предстоящем.
55. Я обращаюсь с надеждой спокойного движения Бесконечности, пока Лучи Света доносят равномерно звучание Искры.
56. Побереги Поле теплоты и надежды, верой наполнив их и правдой чести.
57. Слышать Дыхание Разума, вообразив непрístupность сознания, странное испытание.

(Продолжение следует)

ЗВУК ВО ВРЕМЕНИ

АНТОН ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Было так: Николенька Зареченский, молодой пианист, поднимался к себе на четвертый этаж.

Затертые миллионами шагов, мраморные ступени становились к вечеру выше и недоступней, перила, хранящие благородный дуб под кирпичной масляной краской, казались грязными и скользкими. Даже стены словно размокали за день, и превращали звон изящной поступи его каблучков в зловещее стариковское шарканье.

Ничего этого тогда Николенька не замечал. Тогда, в день большой и блестящей премьеры, он с удовольствием воспарил над мертвым камнем лестницы, порывлся ключами в изъеденной замочными скважинами двери, подумывая о том, что невысокий порог — последнее препятствие к свету, теплу и покою.

В квартире было темно. С кухни веял легкий ночной ветерок — там опять забыли прикрыть окна.

Из гостиной неслась робкая прекрасная мелодия. Пианист вздрогнул.

С ним был роскошный букет, в нем слились воедино педагоги, однокашники, поклонники — гордая молодежь и горячие старики; самой замечательной розой в букете улыбалась любимая Анечка. Он оставил букет на невидимой тумбочке и, бледнея в полумраке прихожей, слушал.

Играла мать. Руки заметно подводили старушку, а струны попросту предательски лгали ей. Там, в старом чреве инструмента, разохла и надтреснула измученная колками досочка; дерево больше не держало металл, и струны теряли совесть куда быстрее, чем Александра Семеновна силы.

Зареченская знала о сущем обмане и боялась его. Ведь старый дуб страдал временем в унисон со своей хрупкой ровесницей.

А Николай слушал, привыкая к темноте, холоду и фальшивым звукам, и правое его веко болезненно подергивалось.

Первый сольный концерт!.. Рояль, казалось, сам аккомпанирует, оставляя музыканту вести радостную струнку. Но временами инструмент оживал вполне — не

оставалось никаких сомнений - тогда серебро звенело, пело, смеялось и плакало, по одному ему известному закону.

А потом выпили шампанского, и руки стали нагло гениальны: старый инструмент перестал успевать за молодой страстью, и снова превращался в набор молоточков и пружинок... А что за цветы, что за улыбки вместил в себя в тот вечер маленький учебный зал! И лишь одно место пустовало в счастливом сердце юноши - в зале не было его матери.

Было так: ненужная мелкая ссора, за которую надлежало платить гордостью, а гордость уже была расчитана вся, до последнего квадранта: потом был концерт в зале, божественные звуки под тонким потолком, пьяное вино, до восторга пьяные лица - был концерт в маленькой гостиной, на четвертом уровне мрачной шестизэтажной шахты, фальшивые ноты и горькие мысли.

... Старушка играла, печально позабыв о времени, о сыне; а он, досадно близкий, стоял и слушал. Гордость его снова ожила в успехе, как ростовщик оживает в несчастье, и была готова погасить хоть миллион обид.

Николай открыл дверь в темную комнату - мать играла по памяти, боясь, чтобы поздний прохожий не осудил бы в ярком окне ее старость. Рука Александры Семеновны дрогнула, и неверное ее движение волной разнеслось по квартире - в последний раз за этот вечер.

- Ты... ты почему не спишь? - удивленно спросил музыкант. - Тебе спать пора, иди спать. Какой отвратительный звук! Что за рухлядь, этот твой Дидерихс...

Мать неслышно упорхнула в свою келью и долго жалась к слепому стеклу. Ей хотелось послушать ночь - не испортила ли она, семидесятилетняя старушка в пепельном паричке, что почти прирос к ее голове, не нарушила ли она что-нибудь важное в этой ночи? Но так и не узнала, потому что окна были уже наглухо заклеены.

Тайна ночной гармонии, которую нельзя нарушить пением чистого сердца, так и не открылась ей через замерзшее стекло. И, случись Александре Семеновне беседовать в тот час со своим ангелом, старушка узнала бы, что окно в ее десятиметровой комнате на

краю пустынной квартиры закрылось для нее в эту осень навсегда.

А Николенька, молодой пианист, боролся со временем. Руки его высекали из печальных струн верные чистые искры звуков, он догонял все ту же потревоженную мелодию, не робкую более, но громкую, властительную. Играл, пока в роялевом чреве не спела своя лебединая песня хрупкая "си" - погибая и ценой своей жизни даровавшая жизнь всем прочим.

Редкий безумец в молодости не любит время, пока полезно его течение. Все молодые - пылкие и смиренные, грустные и веселые - равно бегут взапуски по бархатному ковру его лестницы, расправляясь с двумя-тремя ступенями зараз. Лишь после, когда бесконечность гладких ступенек останется позади и в памяти, когда близок порог с двумя насмешливо-одинаковыми дверями, одна из которых венчает на новую лестницу, полную радости, а другая - возвращает мучаться сначала, - лишь тогда грохот шагов начинает пугать, мрамор - путаться под ногами, а бронзовые прутья - виться змеями.

... Об одну из таких змей и запнулся старый композитор Николай Зареченский.

Так было, но его поддержали, как берегут умирающее трюмо дорогой старинной работы, и бережно провели в теплую уютную комнату.

Николая Альбертовича окружили юные ученики, обласкали, подлечили искренним чувством и усадили в глубокое кресло, из которого, казалось, не было выхода. Аня Любашина, милая девочка, дочка некогда милой Анечки-возлюбленной, разинула здоровую пасть инструмента и скромно попросила тишины.

- Николай Альбертович, дорогой наш! Мы так рады, что вы пришли... У нас для вас сюрприз. Слушайте!..

Ученики стихли, украшая сюрприз своим вниманием... Девчоночьи руки напряглись, ошетинились мышцами и заиграли...

Старик вспомнил и занемог. В этой жизни ему нельзя было уже ничего стыдиться, и он плакал, вспоминая первый концерт, ночь и близорукую старушку перед глуховатым роялем. А мелодия жила - то робкая, то настойчивая, правильные звуки не путались в смятенье, не дрожали... Молодое дерево покорялось юным рукам, и ни у кого не находилось силы перевести дыхание в душевой паузе между аллегро и менуэтом.

И тогда силы нашлись у Зареченского. Он легко расстался с креслом, подошел к инструменту, отстранил удивленную девчущку и сел сам... Все ждали. Зареченский закрыл глаза и легким движением побежал по клавишам.

Рояль не понял старика; тот требовал, просил, умолял, рыдая, солгать ему, профессору, пожилому композитору, в первый и последний раз, и старые руки властно били по клавишам, ожидая повинования. Но чуда не случилось, рояль вышел победителем, и тогда в груди маэстро лопнула, незаметно и мучительно, тонкая серебряная струнка. А ученики окружили его, с восхищением и страхом наблюдая, как свежий строй инструмента борется с одряхлевшим сердцем профессора.

Его любили - он не слушал, молчал, и лишь далекий гудок электрички пробудил в нем человека. Зареченский понял, что опоздал, что ушел последний поезд, который мог связать его в эту важную ночь с родным гнездом. Его поняли - отчаянье разделили на всех провожающих. Его уговаривали остаться - разве он мог?..

И тогда его покинули, любя уже издалека, а он, Николай Альбертович, профессор Зареченский, смело пошел по сырым просмоленным шпалам-клавишам в тихую, пропахшую гармонией ночь.

Лисий Нос, июль 1989 г.

МАСТЕРСКАЯ

ЕЛЕНА ЕКАТЕРИНЧЕВА

ИКОНА

В русской традиции "полагать" икону в красном углу. Это говорит и о назначении иконы - нести красоту, но прежде всего красоту духовную.

Красный угол - самая значимая часть дома-мастерской. Целая серия икон, украшающих пространство дома, выполнена детьми. Та гармония-космос, что сходит со стен, является плодом эмоционально-духовного труда детей и того, что создали мастера культуры. Со-творчество, со-переживание - метод, с помощью которого осуществляется внутренний рост будущих мастеров жизни. Умение соединить в себе стройный ряд иконописных образов позволяет найти каждому учащемуся точку отсчета - культуру, как явление цельное. Это и есть начало пути к себе через познание пути к иконе.

Красочный мир иконы отражает христианское учение. Первым иконописцем, по-преданию, был евангелист Лука, написавший три лика Богоматери "с натуры". Постепенно складываются устойчивые традиции иконописи, вырабатывается эстетическая теория, развиваемая подвижниками религиозной мысли, устремленными к духовной красоте.

По мнению византийских богословов, одним из важнейших элементов эмоционально-духовной жизни был "свет". Различали два вида "света" и два их источника: для видения предметов материального мира требуется "чувственный" свет солнца, а для узрения "мысленных" вещей необходим "свет умный", источником которого является Иисус Христос, подающий свет "умным очам душевным, чтобы они мысленно видели мысленное и невидимое". Христос уделяет от "светлости своей" всем, кто соединяется с ним "по мере очищения". Современную иллюстрацию древней мудрости

можно увидеть в словах отца П.Флоренского: "И в области созерцания сверхчувственного, мир духовный, невидимое, не где-то далеко от нас, но окружает нас; и мы - как на дне океана, мы тонем в океане благодатного света. Однако по непривычке, по незрелости духовного ока, этого светоносного царства мы не замечаем, и только сердцем невятно ощущаем общий характер происходящих вокруг нас духовных течений".¹

Следы этой "световой" эстетики мы обнаруживаем в золотых фонах и нимбах мозаик и икон; в лучах и звездах ассиста, в ярких светоносных красках на изображениях, в обилии сверкающих предметов в храме.

Перед художником, воспринимающим свет высших сфер, оформляется и подлинная природа объектов умственного созерцания, вместо эмпирических "теней вещей". Умственный свет знания и мудрости освещает первообразы всех предметов и явлений, а художник закрепляет на доске линиями и красками представшие перед ним образы. Таким образом, икона выражает духовное переживание, закрепляет ощущение, полученное при соприкосновении с иным миром.

Если иконописец изобразил впервые возвещаемое откровение, то такую икону называют первоявленной или первообразной. Но существуют и варианты, повторения с видоизменениями, но содержание их остается не "такое же", как у подлинника, но то же самое. Если же, созерцая такую первоявленную икону, художнику "открывается изображенная на ней духовная реальность и он, хотя и вторично, но достаточно ясно увидел ее, тогда естественно в отношении к живой реальности живого человека появляются собственные углы зрения, и отступление от каллиграфической верности подлиннику." "Эта живая реальность, оставаясь сама собою, может являться по-разному, в зависимости от обстоятельств духовной жизни, которую и воспринимает иконописец."² Итак, переживая явленный образ со своего положения по отношению к нему, иконописец выражает свой взгляд и точку зрения на явление.

Символическую последовательность написания иконы можно сравнить с сотворением мира по Библейскому преданию.

Вначале доска с загрунтованной поверхностью (защелоченной) покрывается золотым фоном. Этим выражается идея света, из которого проявится мир - образы

на иконе. Золото, проступая сквозь просвечивающие предметы, красочно выделится в радуго. Как утреннее солнце равномерно и постепенно распределяет лучи по формам, так и образы раскрываются по золоту сначала темной краской, с оттенком будущего цвета по всем поверхностям.

Работа между мастерами-иконописцами распределялась: сначала писали "доличники" - то, что произведено Творцом "до лица" - царство природы, архитектуру, деревья, скалы, одежды и тела. Затем, мастера-личники выводили лики, вырисовывали руки и ноги.

После первой раскрышки формы самоопределяются, отделяясь линией-границей по контуру и в углублениях складок, линией более насыщенного цвета, чем первоначальный. Это оконтуривание называется росписью.

Далее идет этап разделки: поверхности становятся насыщенные в цвете, выдвигаются вперед, освещаясь. На раскрышку кладутся пробела в три постила, один за другим, каждый уже предыдущего и более разбелен. Для этого к локальному цвету предмета прибавляются белила. Краски накладываются не густо, тона просвечивают один через другой и граница соприкосновения верхнего слоя с нижним растушевывается кистью.

Самый последний и светлый постил, близкий к белилам, называется оживкой, завершая проявление формы, выражает зрелость идеи, чувство в полноте.

После росписи наносится позолота, тонкими нитями света, при помощи ассиста (особого клейкого состава), структурно-графически оформляя доличное.

Личники же приступают к просанкириванию иконы, т.е. накладывают краски на лик. В разное время развития иконописи использовались разные виды санкирей (смесей красок): от холодных зеленых тонов до теплых охристых.

Затем следует опись, так же как и роспись доличного, по контуру. Она могла быть и ярких красных цветов, и черных жестких. Иногда в росписи лика делали отборку - серию гравюрных штрихов вдоль контура белилами. Более темным составом санкиря пишут бороду, волосы, усы, брови.

Затем проявляют световые поверхности лица с помощью вохрения: краской телесного цвета высветляют один слой за другим, придавая лику розово-красный, коричневый, оранжевый оттенок. И с добавлением бе-

лил наносится оживка. Опись иногда повторяется и расчерчиваются волосы. На икону накладываются тонкие белильные черточки и узкие полоски, отмечающие движение живописных масс, называемые насечками.

В конце написания иконы появляется надпись, являющаяся душой изображенного и удостоверяющая его подлинность.

В цветовой эстетике золото не воспринималось как цвет, а выражало лишь "невещественный" свет, пронизывающий и взаимосвязывающий яркие краски, просвечивающие сквозь одежды и лики.

Цветовая семантика в византийской эстетике связывается со словом. "Цвет выступает выразителем духовных сущностей и имеет художественно-религиозное значение:

пурпурный - один из важнейших цветов, указывающий на божественное достоинство; только Богоматерь в знак особого почтения изображали в пурпурных одеждах;

красный - цвет пламенности, огня, как карающего, так и очищающего, это цвет "животворного тепла", а следовательно, символ жизни; но он же и цвет крови Христа, а значит и символ грядущего спасения рода человеческого;

белый часто противостоит красному, как символ божественного света; это блистающие "как снег" одежды Христа в "Преображении"; со времен античности белый цвет имел значение чистоты и святости, отрешенности от мирского (цветного), устремленности к духовной простоте и возвышенности;

черный цвет в противоположность белому воспринимался как знак траура, конца;

зеленый цвет символизировал юность, цветение; это - типично земной цвет; он противоположен в изображениях небесным и "царственным" цветам - пурпурному, голубому, золотому;

синий и голубой воспринимались как символы трансцендентного мира."³

¹ Флоренский П.А. Иконостас: Избранные труды по искусству. - СПб., 1993. - 366 с. (В тексте использованы труды Флоренского без указаний на них.)

² Idem.

³ Культура Византии. Вторая половина 7 - 12 в. - М., Наука, 1989. - 678 с.

ТЕКСТЫ

Аня Оборотова 11 лет

Закружилась Зима балериною в танце и осыпала мир снежным бисером. Обвенчалась она с человеком, окутав его душу пушистой шалью снега. Постучала Зима в замок сердца человека своей белоснежной холодной рукой. Но потухла душа человека от холода Зимы. Загрустила Зима, распустила свои белые, украшенные снежинками волосы и заплакала. Ее слезы превращались в лед. Растопить его могла только любовь. Но вот человеку пришло письмо от Весны. Он прочитал его и сердце стало понемногу таять. Вскоре пришла и сама Весна вместе с белыми лебедями, поющими цветами и ароматом природы. Человек услышал ее песню и в его сердце загорелся костер любви.

Маша Самбуренко 12 лет

Вот путник скачет по дороге,
Вздымает пыль он в небеса.
Средь бела дня, средь черной ночи
По горной не прямой дороге
Спешила в небеса душа.
Она прошла долину вьги,
Долину южную прошла.
Теперь, вселившись в птицу-Землю,
Она взмывает в небеса.
Деревья, ветви раздвигая
Впускают свет на горизонт,
Повсюду бабочки летают
И дует свежий ветерок.
Младенца ждет венок кристалльный,
И Рождество уже близко,
И, разрезая ленту славы,
В окне появится добро.

Синева озарения колышет колос мудрости. Великая гора-сила воссоединилась с духом рождения и прогнала путника сомнений. Небеса Красной реки белыми облаками ушли на Север. Там они пролились розовым сиянием в небо. Золотые волосы развеваются на ветру изливанием внутреннего света. Сыновья Верхнего города ушли на остров Любви и уйдут оттуда в прошлое своей жизни.

ДЕВЯТЫЙ ВАЛ

NOOREMA PÕLV - KONNA EHTEKUNST

Taimi Lepp

Suur etchenäitus 1977. a. sügisel andis hea ülevaate ka meie juveelikunstnike noorema põlvkonna loominguist, sest nii rikkalikku ja autoriterohket näitust näeb meie kultuurielus harva. Tõepoolest esindavad eesti juveeli head taset võrd-selt nii Ede Kurrel kui Rein Mets, kuid loomulik on seegi, et ka sellesse pealtnäha üsna reglementeeritud kunstiharusse on koos noorema põlvkonnaga tulnud juurde uusi probleeme ning püüd vaadelda ehet kunstiteost. Selleks on nähta-vasti ka hiljutised moelikumised omalt poolt mõjunud, lubades ehtekunstile suurt fantaasiat ja domineerivat osa. Ka kõneal olava näituse kujundus rõhutas ehet, sest range ajaline ja autorite ealine jaotus saalide ja bokside vahel oleks muutnud väljapaneku väga kirjuks. Selline meetod oleks mõeldav ainult personaalnäituste või väikeste grupinäituste korral. Oli üllatav, et Kadrioru lossi saalide liigendatus pakkus kujundajaile nende eesmärgi saavutamiseks küllalt häid võimalusi.

Eesti noorema põlvkonna ehtekunstnike seas on väga eripalgeliste loomelaadide esindajaid. Vaba mänguline moment on alati iseloomustanud **Jüri Arraku** ehteid. Arrak lõpetas ERKI küll metallikunstnikuna, tänaseks on ta aga tuntud kui graafik ja maalikunstnik. Oma ehetessegi kannab Arrak maalist ja graafikast tuntu maneeri ja vormi, kasutades põhimõtteliselt samu sümboleid. Arraku suhtumine ehtekunsti on tõepoolest küllalt vaba, kuid samas professionaalne.

Rein Mets kasutab oma ehetes üha rohkem sümboolikat. Tema kujundid ei

lähtu ei kindlastest looduselementidest ega ka abstraktsest geometrismist, vaid mingitest maagilise alatooniga pisut sürrealistlikest elementidest. Viimasel ajal eelistab kunstnik vabale kompositsioonile süm-meetrisust.

Tugeva esemelise sümboolikaga on ka **Raili Vinna** ehted. Tema ehetel omandavad sümmeetria, kordumine ja rütm veel erilise kaalu, kusjuures hea materjali ja tehnika valdamine võimaldavad luua lausa graafilise efekti. Eelnimetatud on kunstnikud, kelle puhul looduslike motiivide stilisatsioon, kasutamine ja segi-paiskamine vihjavad 20. sajandi kujuta-vast kunstist tuntud võtetele. Siiski ei häiri selline ülekandmine ehtekunsti, vaid see protsess näib omavat isegi loogilist kohta üldises kunstiprotsessis. Jõu-lised, voolava vormiga ning tugeva floora stilisatsiooniga on **Heljo Tassa** ehted, siiski eraldab teda eelnimetatutest teist-sugune suhe ehetesse. Nii Arraku litera-tuursusest kui Metsa ja Vinna sümbolis-mist on väga erinev **Tõnu Riida** napp väljenduslikkus, kus nauditakse vormi täpsust ja puhtust. Riida ehetel puhul kannab puhas vorm ise piisavalt emotsionaal-sust ja pinget ning vormi ja materjali terviklikkuse otsimiseks kasutab kunstnik tihti isegi mittejuvelierseid meetodeid.

Võiks nimetada tervet rühma noori ehte-kunstnikke — **Marje Keremit, Katrin Tuganovit, Ene Valterit, Heldur Pruulit, Ivo Janist** — kelle põhiprobleemiks on geomeetriliste vormide, tehnikajaastule viitava lakonismi kontrast inimesega. Tööd on siiski orienteeritud kindlale kandjatüübile ning võlv on nende ehetel puhul nii see, et ehtekunsti püütakse seos-tada üldisemate kunstiprobleemidega, kui ka leitud lahendused ise.

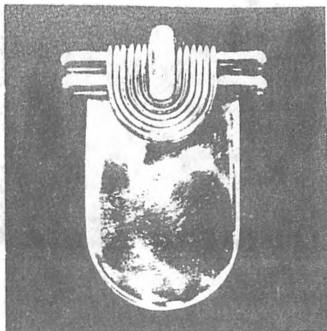
Omaette rühmana võib vaadelda ka **Urve Kütneri, Leida Ilo** ja **Lia Laasbergi** loomingu. Nende ehted on peaaegu erandi-tult õrnad, hõpra faktuuriga, vääriskivide ja metalli vahel on leitud orgaaniline side. Tihti peale kasutatakse poetiseeritud looduslikke motiive.

Kokkuvõttes iseloomustas kogu väljapanekut hea tase, professionaalsus. Tundub, et

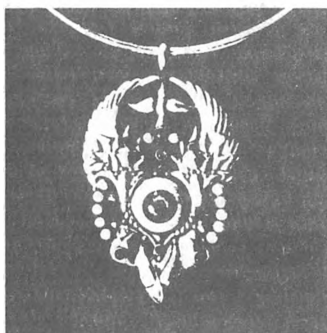
ehtekunstis ei ole noorte järelkasv probleemiks.

1

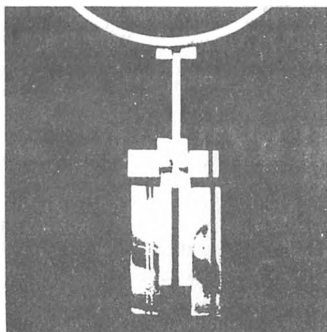
4

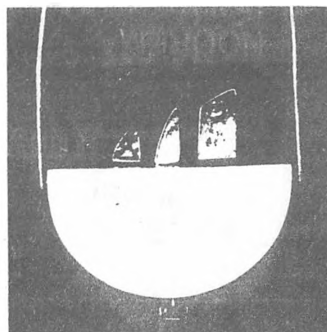
2

5

3

6

1 Jüri Arrak. Rinnanõel. Hõbe.

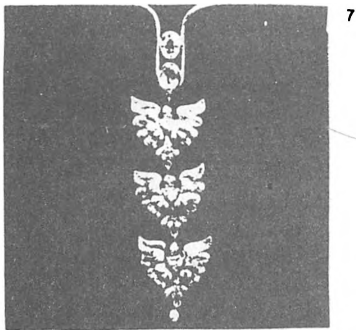
2 Rein Mets. Kaelaeh. Hõbe.

3 Heldur Pruuli. Kaelaeh. Plastmass, hõbe.

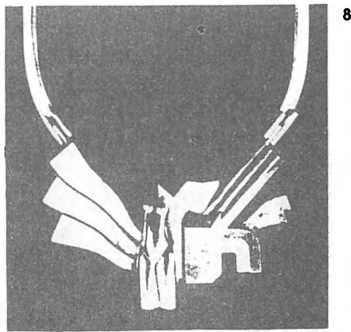
4 Katrin Tuganov. Rinnanõel. Messing.

5 Thea Vellerind. Kaelaeh. Hõbe.

6 Haivi Raadik. Kaelaeh. Hõbe, pärlmutter.

7 Raitti Vinn. Kaelaeh. Hõbe, poolvääris-kivid.

8 Marje Kerem. Kaelaeh. Hõbe.

Тайми Лепп. Декоративные украшения младшего поколения художников. Среди эстонских художников младшего поколения, создающих декоративные украшения, есть представители самых разных творческих манер. Юри Аррак, который прежде всего известен как живописец и график, создает украшения в легкой свободной манере. Рейн Метс использует в своих украшениях сложную по форме символику, имеющую некоторый магический оттенок. С предметной символикой связаны также украшения Райли Винна. У всех этих художников в смешении и стилизации мотивов ощущается влияние приемов изобразительного искусства XX века. Сильной стилизации отличаются украшения Хелью Тасса. Работы Тынну Рийда отличаются не столько выразительностью, сколько чистотой и точностью формы. Целый ряд молодых художников занимается геометрическими формами, которые своим лаконизмом указывают на век техники (М. Керем, К. Туганов, Э. Вальтер, Х. Пруули, И. Янис). Особую группу составляют работы Лейды Ило, Урне Кюгнер и Лиис Лаасберг. В их украшениях — нежных, с хрупкой фактурой — между драгоценными камнями и металлом найдена органическая взаимосвязь.

Taimi Lepp. The Art of Adornments of Younger Generation

The younger generation of Estonian artists of adornments is represented by very different creative manners. Jüri Arrak, who first of all is known as a painter and graphic artist, makes his adornments in a free and playful manner. Rein Mets uses complicated symbolical images with a certain magical undertone. Symbolism is also connected with the adornments by Raitti Vinn. In case of all these above-mentioned masters, their throwing into confusion of natural motifs and stylization can be referred to devices used in the figurative art of the 20th century. The adornments of Heljo Tassa also show an extense stylization of natural motifs. Tõnu Riit is characterized by a laconical expression; in his adornments one can admire the exactness and purity of form. A number of young artists deal with geometrical forms, with a laconical style, typical of the epoch of technology. They are M. Kerem, K. Tuganov, E. Valter, H. Pruuli and I. Janis. The adornments by Leida Ilo, Urve Kütner and Lia Laasberg can be regarded as a separate group by themselves: they are delicate, of a fragile texture, and they display an organic connection between the metal and the gems.

KAUGENEV MAASTIK

Evi Pihlak

Kristiina Kaasiku tulek meie kuns.i tei mus kuidagi vaikselt ja tagasihoidlikult. Ta lõpetas ERKI teatridekoratsiooni eriala 1967. aastal koos Malle Leisiga ning tema kunstiline debüüt sai teoks koos tol ajal instituudis formeerunud ANK-i grupiga.

seejärel tulid esinemised vabariiklikel näitustel, kuid üldise tähelepanu keskpunkti need tööd ei tõusnud. Nii kestis see mõned aastad, kuni järsku märgati, et kunstniku näiltselt tagasihoidlikud tööd on tegelikult maalitud vägagi tõsiselt. Kui 1977. aasta kevadel Taru Riiklikus Kunstimuseumis avati H. Vahersalu, T. Pallo-Vaigu, J. Arraku ja K. Kaasiku grupinäitus, siis ei olnud enam kahtlust, et tegu on täiesti omalmeeliselt kujunenud kunstnikuisiksusega. Isikupära oli sedavõrd tugev, et isegi Jüri Arraku

agressiivselt eredate kujunditega looming ei suutnud seda varjutada.

Kristiina Kaasik alustas oma maalijateed abstraktestest kujunditest, milles määrav osa oli erksal värvimõjul («Liikuvad kujundid», 1965; «Sügis» I, 1968; «Rand», 1969). Vormide ja värvide algimpulsid pärinesid sealjuures peamiselt loodusest. Käesolevaks ajaks ongi K. Kaasiku maalide aineks kujunenud põhiliselt maastik, vähemal määral natüürmort. Ometi ei ole Kristiina Kaasiku puhul tegu maastiku-maalljaga selle mõiste traditsioonipärasest tähendusest. Looduse kujutamise kõrval huvitab teda ka midagi muud. Mis kunstniku jaoks maalimisel peamine on, pole kerge defineerida, kuna maastik ei armasta otseütlemist. Kuid näib, et see seostub mingil viisil inimliku olemisega, inimese ja teda ümbritseva vahetõrkedega. Aimatav on mingi metafüüsiline alge olemasolu. Kujutatut omandab mõneti metafoorse tähenduse, kuid see metafoorsus ei ole pealetükkiv, pigem aimatav. Mingist otsesest sümbollikast ei saa rääkida. Kuna Kristiina Kaasiku tööde puhul ka visuaalselt maalilille külg mõjub küllaltki ilmekalt, siis võib tekkida koguni mulje, et kunstniku ülesanne sellega piirdubki. Süvenenumal vaatlemisel on siiski selge, et kujutatut eksisteerib mitmes plaanis. Kõigel sellel, mida otseselt näeme, on veel teine, varjatum tähenduslikkus. Tekib tunne mingist unustatud nägemusest, mis ei ava end tervenisti, kuid millele maalid viitavad ja meenutama sunnivad.

Väljanihkumine naturitruu looduspildi raamidest algab Kristiina Kaasiku töödes juba ruumilisest ülesehitusest. Ruum on kohati illusionistlikult konkreetne, kuid ometi igapäevasest kogemusest erinev ja kunstlik. Ebaloomulikust tekitab juba kõrgele tõstetud silmapiir. Ühalt alla nähtud vaatepunkt viib kujutatut vaatajast eemale, loob distantsitunde. Kaugenemisefekti aitavad veelgi tugevdada trepiastmete ja terrasside perspektiivjooned, pildi rügapuusse suunduvad teed. Alates 1970-ndatest aastatest, mil kunstnik loob abstraktestest kujunditest, kerduv trepiastmete ja platvormide motiiv tema töödes peaaegu sundkujundi järjekindlu-

sega («Terrassid», 1973; «Mahajäetud õu», 1973; «Vaade trepilt», 1974). See kõik kokku loob tihenenuks suggestiivse ruumimõju, millest ilmneb omajagu sürrealistlikku kogemust.

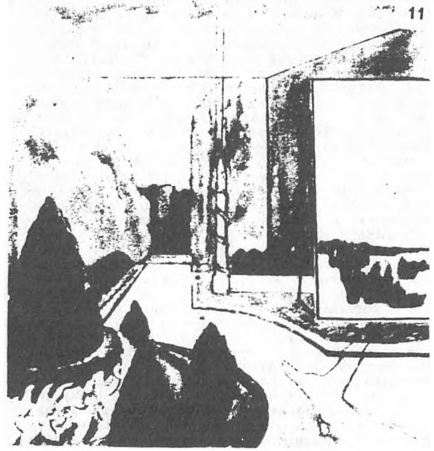
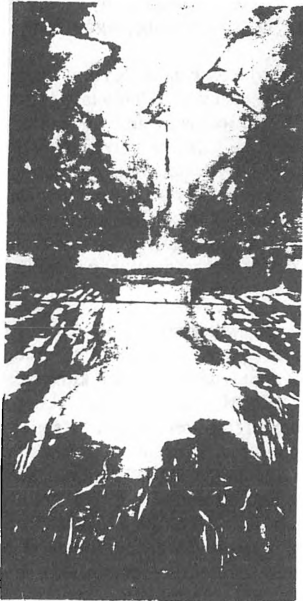
Kunstniku varasemad tööd on sageli üldvaatelistel. Edaspidi muutub ta väljenduslaad otsustavamaks. Üksikud objektid konkretiseeruvad, tõusevad teravamalt ja valdavamalt esile, tekivad juhtmotiivid, täravdub ka mõtte- ja tundesuunitlus. 1975. aastal loodud maalid «Haige talv», «Premjäär» ja «Antrakt» sisaldavad ilmselt konfliktseid algeid. Ei ole kahtlust, et kunstnik näeb inimeksistenti päikese-poolsete külgede kõrval ka maailma tumedaid varjupooli. Ehkki kujutatut väliselt on kaunis ja pidulik, jätab see oma kunstlikkusega eriskummalise ja veidi «bamugava tunde. Näiteks maalid «Premjäär» ja «Antrakt» kujutavad omalaadseid dekoratsioonimaastikke. Kõik on seal inimtühi ja vaikiv, ilma ühegi tegelaseta. Ei mingeid viiteid, milline inimlik tegevus taoliste dekoratsioonide vahel võiks kulgeda. Paik mõjub ebamääraselt unenäolisena, segunevad looduspilt ja teatri lava. Ruum pole suletud, kulissid kerkiavad otse kadakavälja taustal. Soe valgus puhtad dekoratsioonid, lillekorv esiplaanil — omamoodi mõjub see kõik hubaselt. Ometi võib aimata, et tegu on vaid välise kestaga, mis kergelt iseenda vastandiks pöörduda võib. Ilu ja julmus, rõõm ja ängistus võiksid nende kulisside vahel kõndida käsikäs. Mõlemad kompositsioonid sugereerivad tühjuse- ja eraldatuse-tunnet veelgi tugevamini kui varasemad terrassimaastikud. Domineerib iseendasse tõmbumise tunne. Küllaltki silmatorkavalt on rõhutatud ka kunstlikkuse efekti, ääris maastik eksisteerib vaid kunstliku kuliss-seina taga. Oma nägemuslikkus kauguses ja kättesaamatuses on aga mõju seda suurem. Samal ajal köidab ka maali teostuslik külg. Kunstniku omapärane punakaspruun koloriit on selleaegsetes töödes eriti mahlakas ning hõõguvalt ergas. Paralleelselt maalilise ilmekuse kasvuga on kulgenud ka tunnetuslik areng. Omalaadne tühimus- ja pettumustunne jääb kõlama samuti maalist «Vaikelu koogi

ja moosiga» (1976), kui ilus ja hubane idüll järsult segi palsatakse. Näeme juba tuttavat treppide motiivi pildi sügavusse suunduva teega ning eemalt paistva kauni pargimaastikuga. Kuid otse esiplaanil on küljeli sinine kastrul, millest moos välja valgub. Seekord on kontrast teravam ja järsum kui dekoratsioonimaastike puhul. Vastandatud on kaks tasapinda — igapäevane tegelikkus ning kaunim ja hapram kujutuslik maailm. See kokkupõrge on esitatud mingi väljakutsuvusega, kunstnik tahab asjadele silma vaadata nii nagu nad on, koos ilu ja ängistava absurdsusega. Eriti mõjukas on kõnealuses maalil punase värvi kasutamine, mis kõikjalt rahutult läbi kumab, pinget ja ärevust sünnitab. Selles värvis on kunstniku jaoks emotsionaalselt midagi sümbolset, kuid teisalt oskab ta huvitavalt ära kasutada ka värvi puhtkoloristlikku külge. Natüürmordi dramaatiline pingeline on küll tugev, kuid see ei muutu paatoslikuks. Kõik inimest sügavamalt puudutavad tunded kulgevad kusagil pindmise kihi all. Tundepingele väliselt rahuliku vormi andmine on omane kõigile Kristiina Kaasiku maalidele. Võib-olla räägib siin isikupärase temperamendi kõrval mõnevõrra kaasa ka kunagiste ANK-i kunstnikele üldiselt omane kalduvus vlla kujutatut esteetiliselt tasakaalukalt mõjuva vormilahenduseeni.

Sageli transformeeruvad minoorse varjundiga tunded Kristiina Kaasiku maalidel omalaadseks jälgaks tardumusselundiks. Kõige tugevamalt avaldub see tendents viimase aja talvemaastikes. Osaliselt viitavad sellele juba tööde pealkirjadki, nagu «Haige talv» (1975), «Tardumus» (1976), «Katkenud maastik» (1977). Talv näib olevat kujunenud nüüd kunstniku lemmikaastaajaks, mille juurde ta korduvalt tagasi pöördub, milles ta inimese teatavatele psühholoogilistele seisunditele võrdkujutusi otsib. Eriti kontsentreeritud on neist talvemaastikest teostatud «Merivälja tulepaak» I, II, III (1977). Nagu mitmes teiseski hilisemas teoses, nii valitseb ka siin sümmeetriliselt frontaalne lahendus, kus tähelepanu juhitakse tugevalt esiletõstetud keskobjektile. Antud juhul on

selleks tulepaak. Kõik on lihtsam ja laakoonilisem kui üheski varasemas teoses. Maastikupilt on selgunud ja kõigist kõrvaldetailidest vabanenud, saavutades mingi eriliselt jäiga ja karmi olemisvormi oma lumises ja jäises tardumuses. Ometi kumavad siingi läbi lume sinetuse punased helgid. Punane on ka tulepaak ise. Lume ja tule kontrast ei ole juhuslik tegur, mis vaid korraks maalija tähelepanu paelus. Selles motiivis peitub kunstniku jaoks mingi sügavam tähendus. See selgub eriti maalil «Põlev roostik» (1977). Kui tulepaagis peitus teatav potentsiaalne valguse ja põlemise võimalus, siis selles maalil näeme lausa lahvatavaid leeke keset lumehangi. Kontrast tekitab hämmeldust. Tuli keset vaikivat lumist roostikku ei oleks nagu antud maastiku konteksti ette nähtud, see toob endaga kaasa ootamatult süttinud tule ehmatus ja ärevust. Maali mõju sõnastus ja seletus võiks muutuda kergesti paatoslikuks, mis oleks aga vastuolus Kristiina Kaasiku loomingu olemusega. Ja vaevalt saakski seletus olla väga konkreetne, pigem tekib mitu assotsiatsioonivõimalust, mis vaid kaudselt seostuvad tundesurustite, ängistuste ja psüühiliste palangutega.

Ei maailmas ei ole kõik kaugelki täuslik, et ilusad õuna hammustades võib sellest uss välja tulla, see mõte ei ole iseendast kuigi uudne. Seda on kunstis palju kordi ja mitmel viisil välja öeldud. Mis aga Kristiina Kaasiku reageeringus võib, on tema närvilisest heitlikkusest vaba, rahulik esituslaad. Kui ka õunast uss välja tuleb, jäävad õunad tema jaoks ikkagi õunteks. Nähes kunstniku maastikes ja aastaaja meeleoludes võrdkujutusi inimlikule olemisele, võib tõdeda, et selles eksistentsitundes on küllaltki suur annus väarikust, sisemist üleolekut ja vastu-seisu kõigele ängistavale. Kõitev on samuti maalides avalduv avarate tõlgendusvõimalustega mitmeplaaniline tajunivoo, milles puudub igasugune preten-sioonikus. Kunstnik ütleb oma mõtteid välja erilise tagasitõmbuva delikaatsusega. Oma loomislaadis ei ole Kristiina Kaasik rutakas. Mida ta kujutab, sellesse püüab ta ka tõsiselt süveneda.

9 *Kristiina Kaasik. Kevad Mähel. Oli. 1977.*

10 *Kristiina Kaasik. Haige talv. Oli. 1975.*

11 *Kristiina Kaasik. Antrakt. Oli. 1975.*

12 *Kristiina Kaasik. Tardumus. Oli. 1976.*

Эви Пихлак. Удаляющийся пейзаж.
 Кристина Каазик окончила отделение сценического оформления ЭГХИ в 1967 году, и ее первые работы связаны с активно работавшей в то время группой АНК. К 1977 году о К. Каазик уже можно было говорить как о серьезном сформировавшемся и своеобразном художнике. Свой путь живописца она начала с абстрактных образов, определяющую роль в которых играло воздействие яркого цвета, причем и цвет и форма возникли под влиянием природы. В настоящее время основной темой картин К. Каазик и является пейзаж. Интерпретация пейзажа художницей связана с взаимоотношениями человека и природы. Ее картины, кроме правдивого изображения природы, имеют зачастую еще и другое, скрытое значение. Его подчеркивает, например, пространственное построение, которое, хотя и иллюзорно конкретно, все же отличается от повседневного восприятия. Устремленные в глубину картины дороги, террасы, ступени лестницы повторяются почти с навязчивой последовательностью. В картинах второй половины 70-х годов чувствуется более сильная напряженность мыслей и чувств, противостоятся повседневная действительность и более прекрасный и хрупкий мир воображаемого. Часто минорные настроения в картинах К. Каазик трансформируются в некое застывшее оцепенение, что наиболее сильно проявляется в зимних пейзажах.

Еvi Pihlak. The Receding Landscape
 Kristina Kaasik graduated from the State Art Institute of the Estonian SSR in the speciality of theatrical scenery in 1967. Her first appearance at exhibitions took place together with the ANK-group, active at that time. In 1977 one could already speak of K. Kaasik as of a serious, mature and original artist. She started as a painter of abstract images, in which the decisive part was enacted by an effect of vivid colours, while the initial impulses were derived from nature. At present the Kristina Kaasik's subject matter is mainly the landscape. In her interpretation, the landscape is connected with the relationship between man and nature, while the subject depicted has often another meaning as well, a concealed one. This is stressed, for example, by the spacial construction that is illusionally concrete but differing from our everyday experience. The roads, making their way into the depths of the picture, terraces, stairs are repeated almost with the consistency of a fixed idea. In the paintings of the second half of the 1970s one can sense a stronger trend of thought and feeling; reality is contrasted to a more beautiful and fragile imaginative world. The emotions of a melancholy mood in K. Kaasik's paintings turn to a peculiar rigid state of congelation, which becomes most strikingly apparent in her winter landscapes.

FANTASTILINE PROJEKTEERIMINE

Leonhard Lapin

Reaalsete objektide projekteerimise ning konkreetsete arhitektuursete probleemide geomeetrilise analüüsi kõrval levib maailma viimaste aastate kunstikultuuris üha rohkem ka iseselsvusele pürgiv fantastiline projekteerimine. Fantastiline projekteerimine ei tegele konkreetsete hoonete või ehituskunstiliste probleemidga, vaid toetub ainult kaudselt sensile arhitektuursele kogemusele. Seetõttu võib fantastilise projekteerimise joonis või mudel olla lähedane nii mahulisele arhitektuurile kui projektjoonisele, võib meenutada ehituskunstilist kontseptsiooni, aga võib samuti sarnaneda kujutava kunsti teosega. Sõltumata aga sarnasusest ühe või teise arhitektuuri- või kunstiliga on fantastilise projekteerimise põhiprobleemiks ruum, ruum kui eksistentsi vorm ja elu tuum. Seesugusena omab fantastiline projekteerimine kokkuvõttepunkte ka teaduse ja

filosoofiaga, olles omamoodi sillaks reaalse elu ja vormlootsigutega kunsti vahel.

Fantastilise projekteerimise leviku üheks olulisemaks põhjuseks võib pidada nüüdisarhitektuuris tihti peale esinevat saamata organisearida inimese elukeskkonda uues tehnilises tsivilisatsioonis, rahuldada ühiskonna tehnoloogiliste ning inimese esmaste vajaduste kõrval ka kompleksseritumaid, inimese psüühilise seisundi ja eksistentsiaalse enesemääratlusega seotud vajadusi.

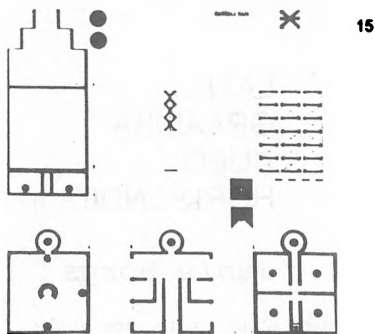
Fantastiline projekteerimine pole ka eesti kunstikultuuris päris uus nähtus: juba 1920—1930-ndate aastate eesti konstruktivistid H. Olvi, M. Laarman, A. Akberg ja E. A. Blumenfeldt on loonud sellele lähedasi teoseid. Käsiteldava tendentsi laiem levik aga algas meil 70-ndatel aastatel, nimetagem slinkohal kas või graafikute T. Vindi, M. Vindi ja J. Okase loomingut ning käesoleval aastakümnel oma tööd alustanud arhitektide põlvkonna ehituskunstilisi ideid. Fantastilise projekteerimise ideid ja programmilisust tutvustas 1978. a. ENSV Teaduste Akadeemia fuaajees tolmunud arhitektuurinäitus, kus osalesid arhitektid T. Rein, V. Kaasik,

A. Padrik, A. Ringo, H. Sein, T. Kaljundi, H. Looveer, Ü. Eljand, V. Künnapu, L. Lapin, J. Okas, J. Ollik ning kunstnikud Tõnis Vint ja A. Trapezč. Kõnesolev

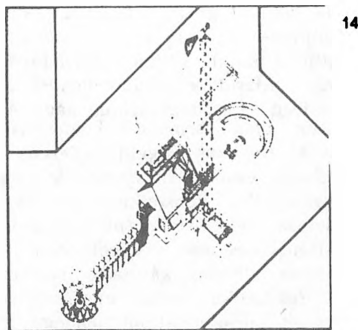
näitus tõi meie kultuuriellu parasjagu elu-
vust ning tõendas arhitektuurse mõtlemise
ning ruumiprobleemide olulist positsiooni
meie humanistlikus nüüdiskultuuris.

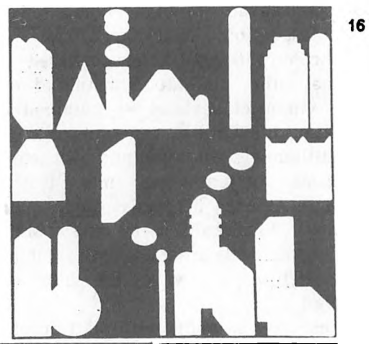
13

15

14

16

13 Leonhard Lapin. Tallinna uus siluett.

15. Tõnis Vint. Mandala maja.

14 Tiit Kaljundi. Eramute õilistamine.

16 Tõnis Vint. Kompositsioon.

Леонхард Лапин. Фантастическое проектирование.

Фантастическое проектирование, которое не занимается конкретными художественными проблемами строительства и опирается лишь, косвенно на опыт архитектуры, в последние годы стало чрезвычайно распространенным в мировой художественной культуре. Основной проблемой фантастического проектирования является пространство, и в этом смысле фантастическое проектирование является своего рода связывающим звеном, между искусством, наукой, философией и повседневной жизнью. Фантастическое проектирование — явление не новое; не останавливаясь более подробно на примерах, относящихся к далекой истории, можно упо-

Leonhard Lapin. Fantastic Projecting

Fantastic projecting which does not deal with concrete problems of architecture and is only indirectly supported by architectural experience, has been gaining in popularity in the art world of our days. The main problem of the fantastic projecting is space, and therefore fantastic projecting is a peculiar bridge between art, science, philosophy and everyday life. Fantastic projecting is not a new phenomenon. Without dwelling at any length on the examples from history, one could recall the work of Estonian artists of the 1920s-1930s, such as H. Olvi, M. Laarmann, A. Akberg, E. Blumenfeldt. In 1970s one can notice a broader spread of that

мянуть хотя бы творчество эстонских художников 1920—1930 годов Х. Ольви, М. Лаармиа, А. Акберга, Э. Влугенфельда. В 1970-х годах можно отметить более широкое распространение названного течения в Эстонии, что связано как с творчеством некоторых графиков (Т. Винт, М. Винт, Ю. Окас), так и с художественными идеями строительств архитекторов младшего поколения.

LÄTI GRAAFIKA UUED HORISONDID

Jänis Borgs

Graafika areng Balti vabariikides, nagu näitavad ühised näitused Tallinnas, pole kaugeltki ühesugune. Iga maa graafikat iseloomustavad kindlad omadused. Kui leedulased on oma graafikas asetanud rõhu folkloristikale, eestlased intellektualismile, siis läti kunstnikud on — eriti viimastel aastatel — püüdnud lalendada traditsioonilise realismi pilre. See edasilükkumine on toimunud ilmsete sùrealismi varjunditega, mis, tõsi küll, kusagil ei ole üle kasvanud mainitud suunaks klassikalses mõistes. Mainitud tendentsile läti graafikas võib leida teatud seletuse, kui vaadelda selle arengu eellugu.

Alates 19. sajandist oli läti professionaalne kunst seotud vene ja saksa kultuuri mõjudega ning järgis peamiselt nende suurte naaberriikide akademismi. Pärast kodanliku riigi rajamist 1918. aastal iseloomustab läti kunsti tugeva akademistliku koolkonna kujunemine. Läti Kunstiakadeemia lõpetas suurel hulgal elukutselisi kunstnikke, keda õpetati järjekindlalt kinni pidama traditsioonilisest ja puhuti isegi ortodoksetest põhimõtetest. Siinkohal peab siiski märkima, et kahekümnendail aastail kujunes Lätis võimas avangardistliku suunaga «teine rinne» — need olid sõltumatud kunstnikud, kes tegutsesid suurte sotsiaalsete muudatuste mõju all, kusjuures mõjustusi saadi niihästi Nõukogudemaa «vasakpoolset» kunstillt kui ka toliaegsetelt Lääne-

tendency in Estonia, connected with the work of some graphic artists (T. Vint, M. Vint, J. Okas) and the ideas of the architects of the younger generation concerning the art of building.

Euroopa radikaalsetelt kunstivooludelt. Avalik naturalismi võidutsemine valitses isegi kunl viiekskümnendate aastate teise pooleni. Sotsiaalne kontekst oli vahepeal küll radikaalselt muutunud, kuid formaalse väljenduse inertis oli üllatavalt tugev, domineerides muutumatult kakskümmend aastat. Selle eest tuleb osalt vist «täna» just akademismi, mis võis juba päris «geneetiliselt» kunsti seesugust arengut mõjustada.

Seepärast võime ka tänapäeval läti kunsti ja eriti graafika uusi tendentse jälgides tunda üsna tugevasti mainitud «akademismigeene». Tõsi küll, tundmatuseni muutunud kujul. Uutele väljendusvõimalustele rajasid kuuekümnendate aastate algul teed sellised graafikud nagu Artürs Nikitins oma esemetute kompositsioonidega ja Semjons Segelmans ereda ning sensuaalse ekspressionismiga. Ereda justkui vallandas läti kunstnike vormiameetika tunnetuse. Tekkis terve plejaad andekaid meistreid, kes oma akadeemilistes teotepinnaest lähtudes kasutasid mitmesuguseid realistliku vormi elemente, võiks öelda, et lausa nautesid nendega. Kuid temaatikas valitses endiselt mahendatud pateetika, inimese ja looduse lüüriline poetiseerimine koos tihtipeale tugeva sentimentaalsuselisandiga.

Sellisel ettevalmistatud pinnasel kujunes välja noorte graafikute põlvkond, kelle looming oli paljudele üllatuseks. Siinkohal on võimalik mainida ainult mõnd kunstnikku nende hulgast, kes tegid endale nime seitsmekümnendate aastate algul.

Ilmārs Blumbergs õppis Läti Kunstiakadeemias ning töötab praegu lavakunstnikuna, tegeldes rööbiti sellega ka graafikaga. I. Blumbergsi iseloomustab dramaatilisel ülev üldinimlik filosoofia, mis suunab ekspressiivset ja dünaamilist vormiväljendust, kusjuures mõtteline kontsept-

sloon näib domineerivat vormilise külje üle. Puhuti esineb viiteid sürrealismile, kuid sel juhul on selles pigem I. Ziedonise luule («Epifaaniad») loogika, mis ei käsitle olemise irratsionaalset aspekti, vaid rõhutab selle dramaatilisust. I. Ziedonise mõju kaudu võime täheldada isegi folkloristlikke sugemeid, kuid on siiski kaheldav, kas vanarahva muinasjutude ja muistendite «sürrealismi» saab siin otseselt seostada noorte graafikute väljenduslaadiga.

Kunstiakadeemia kasvandik on ka **Maris Ärgalis**, kelle graafikas on tunda hea loonistaja kirglikkust. Oma loomingus vaatleb ta maailma otsekui läbi suuren-dusklaasi, püüdes süüvida selle ehitusse. Vaatamata paljudele sürrealismil tunnuste-le ei ole tema joonistustes ja litograafiaes siiski mainitud suunda otseselt jär-gitud, sest samal ajal võime täheldada ka teiste nüüdisaja kunstivoolude sugemeid, mille puhul M. Ärgalis on ometigi leidnud sügavalt isikupärase lähenemiseviisi.

Graafikud **Lolita** ja **Ritma Zakmaned** tõl-gendavad «sürrealismi» samuti üsna omapärasel kujul. Täpsem oleks seda nimetada poeetiliseks sümbolismiks, mida traditsiooniliselt graafikatehnikaid sünteesi-des väljendatakse mitmekesiselt, tihti-peale üllatavates allegoorilistes komposit-sioonides. Kusjuures vormi osas võib sel-list interpretatsiooni vaadelda kui puht-naiseliku mentaliteedi väljendust, mis veelgi eredamalt ilmneb **Banuta Ancäne** litograafias. Need ei lähe kusagil tavall-ist raamidest väljapoole, kuid samas üllatab võime ühendada peaaegu kitsimo-tiive «ehtprantsusliku» kultuuripeenuse ja pooltoonidega. Sel puhul võiks öelda, et noorte kunstnike hulgas on populaarse-maks muutunud pastoraali elegia, mis mõjub küllalt mahedana üldise drama-tismi õhkkonnas. Nende kunstnike ple-jaadi rikastab ja muudab varjundriikka-maks **Mära Rikmane** graafika sürrealistlik literatuurisus, millesse näib olevat rohkem kui teistel autoritel sisse kodeeritud mingi kindel jutustus. Kirglikus suhtumi-ses kavandatud mõttesse ja ideesse sünnib visuaalne metafoor.

Mitte kõik noore põlvkonna graafikud ei ole lähtunud eelmainitud kunstivooludest.

Maija Dragüne ja **Georgs Smeltersi** tööd köidavad oma must-valgete kontrastide ekspressionismiga, mida iseloomustab sel-gesti täheldatav rütmide ja pinna spon-taanse organiseerimise rööm. Siin võib leida teatud sarnasust Jaapani kalligraa-flaga, kus impulsiivne moment on ühtne mingi süsteemi, reglemendi või tradit-siooni raames.

Mõnevõrra eriolukorras on need noored graafikud, kes akadeemias tarbekunsti õppisid. Nende puhul on akadeemiline traditsioon ja mõttelaad nõrgem ning kunstnikud tegutsevad palju iseselsva-malt. Nii näiteks on endine dekoraator, tekstiilikunstnik, praegu aga elukutseline fotograaf **Atis Ievins** läti serigraafia-tehnika teerajaja. Koos **Aldonis Klucisega** on nad läti kunsti toonud uue suuna, kasutades hoolauaks popkunsti mõjutusi. Tegelikult on siin tegemist kahe kunsti — foto ja serigraafia — sünteesiga. Kunstnikud muudavad foto, mis tihti-peale on juba iseendast iseselsev kunsti-töö, impressionistlikuks visiooniks, saavutades sellega uue esteetilise kvaliteedi. **Henrihs Vorkals**, tekstiilikunstnik ja «mitteklassikaline» akvarellimaalja kasutab oma joonistamise ja teiste puht-graafiliste võtetega ühendatud vesivärvi-tehnikas iseenda mõtete, emotsioonide ja biograafiliste juhtumuste poeetilisi üles-kirjutusi. Reaalne elu peegeldub neis justkui paljude peeglite ja läbipaistvate klaasseinte vastuhelkidenä, väljendudes õhulistes kompositsioonides ja siledate pindade värvivarjundites.

Need on mõningad iseloomulikud, kuigi mitte alukesed näited nüüd juba üsna mitmetahulisest noorest graafikast.

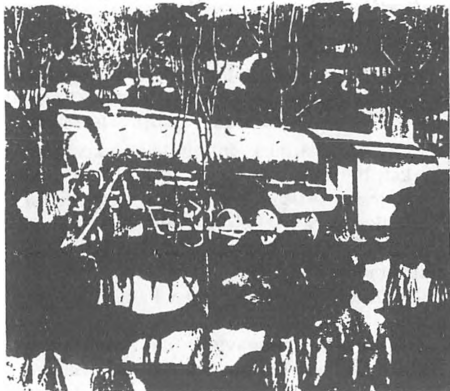
Tundes röömu noorte läti graafikute viitaal-susest, teeb siiski muret see, et ei suudeta end lahti rebida akademismi «magnetväl-jast». Kui radikaalne kunstnik oma taot-lustes ka olla ei tahaks, ometi jääb ta rohkemal või vähemal määral liikuma selle mõjukeskme ümber. See äratundmine ergutab nõudma kunstnikelt isikupärase-mat eneseväljendust, täiesti uusi ideid ja kontseptsioone, tekitab igatsuse uute kul-tuurilülmingute järele.

Kokkuvõttes võib konstateerida puhta

akademismi evolutsiooni eelmainitud «satelliitgraafikas». Loodame, et see kusagil oma liikumise kõrgpunktis sooritab revolutsioonilisema sõõstu uute horisontide poole. Mahajääjaid ootavad muidugi neoakadeemikute loorberid, mis isenesest on samuti väärtuslikud, sest ilma

eelkäijate töötä oleks igasugune liikumine mõeldamatu. Tugineme me ju tänapäevalgi neile nurgakividele, mida kultuurihoonesse on paika pannud mineviku meistrid, olenemata oma kuulumisest mingisse kunsti-«kasti».

Läti keelest tõlkinud Valli Helde

17

19

18

17 *Lolita Zikmane. Kevad. Valge lokomotiv. Ofort.*

18 *Maris Argalis. Konfrontatsioon. Pliats. 1977.*

19 *Ilmars Blumbergs. Triptühhon «...» II. Värviline lito. 1977.*

Инис Боргс. Новые горизонты латышской графики.

1960-е годы открыли новые возможности в латышской графике. Прежде всего следует отметить беспредметные композиции Артура Никитинса и экспрессионные произведения Семена Шегельманса. За ними последовал целый ряд художников, занимавшихся эстетикой формы, в тематике работ которых, однако, по-прежнему преобладала смягченная патетика, лирическая поэтизация человека и природы. На этой основе сформировалось поколение молодых графиков, которое создало себе имя в начале 70-х годов. Для Илмарса Блумбергса характерна общечеловеческая философия, которая определяет экспрессионную и динамическую форму выражения. Зачастую идеальная концепция доводит над формой. В работах Мариса Аргалиса чувствуются элементы современных течений в искусстве, для которых художник сумел все же найти свою индивидуальную трактовку. Манеру Долиты и Риты Зикмане можно было бы назвать поэтическим символизмом. Чисто женскую утонченность выражают литографии Вануты Анкане. В работах Мары Рикмане больше, чем в работах других художников чувствуется сюрреалистическое восприятие. Экспрессия черных-белых контрастов характерна для манеры Майи Драгуны и Георга Сметтерса. Пионером техники шелко-трафаретной печати (шелкографии) в Латвии является Атис Левинс, который вместе с Алдонисом Ключисом под влиянием поп-искусства внесли в латышское искусство новое направление, которое фактически представляет собой синтез двух искусств — фотографии и шелкографии. Хенрикс Воркалс использует поэтические наброски собственных идей, эмоций и биографических событий в технике, объединяющей приемы рисунка и графики.

Janis Borqs. New Horizons in Latvian Graphic Art

The 1960s were the years of detecting new possibilities in Latvian graphic art. First of all, one has to mention the objectless compositions of Arturs Nikitins and the expressive works of Semjons Shigelmans. The above-mentioned authors were followed by a number of artists dealing with aesthetics of the form. In their works, however, the theme was still governed by a mellow pathos and by a lyrical poetization of man and nature. On such a background there emerged a generation of young graphic artists who gained fame at the beginning of the 1970s. The production of Ilmars Blumbergs is characterized by a universal philosophy directing his emotional and dynamic rendering of the form. In his works the thought often reigns supreme, dominating over the form. In the prints by Maris Argalis one can find elements of contemporary art trends, in which the artist has nevertheless found his individual approach. The manner of Lollita and Rita Zikmane could be called poetic symbolism. The lithographs of Banuta Ancane are distinguished by feminine subtlety. In the production of Mara Rikmane the surrealist undertext comes more to the fore than in the works of any other of her colleagues. To the manners of expression of Maija Dragune and Georgs Smelters are typified by expressive black-and-white contrasts. The pioneer of the technique of serigraphy in Latvia is Atis Levins, who, together with Aldonis Klucis, proceeds from influences of pop art. Those two artists introduced a new trend in Latvian art - a synthesis of photography and serigraphy. Henriks Vorkals, combining the techniques of drawing and graphics, conveys his thoughts, emotions and in a poetical manner events of his life.

KUNST 57/2 1980

ХУДОЖНИК И СРЕДА

КИРА МОИСЕЕВА

ЕЩЕ О СЕВЕРЯНИНЕ

*"Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской жипаж,
Королева играла в башне замка Мопса,
И, влюбив Мопса, полюбила ее паж."*

"Заброс головы, полузакрытые глаза, дуга усмешки и напев - нам - как кость - или как цветок... - Хотели? нате! - в уже встающий - уже стоящий - разом вставший - зал."

Призраки песен - призраки зала."

(М.Цветаева, конец февраля, 1931г.

Из "Неотправленного письма Игорю Северянину.")

Непредсказуема судьба поэта, оказавшегося на чужбине. В лучшем случае равнодушие и холодное внимание. В худшем...но не хочется каркать на головы тех, кто и сегодня, в силу разных причин, оказались на чужбине и продолжают писать стихи, живопись и просто мечтать.

Речь не идет о "борзаписцах" и всякого рода приспособленцах - они специально созданы, чтобы устроиваться в любых ситуациях, при любых системах, режимах, а при смене режимов умело манипулировать событиями, которые не имеют к ним никакого отношения.

Мы не станем специально заниматься очередным исследованием творческой судьбы поэтов, художников, музыкантов, театралов оказавшихся выброшенными историческими вихрями в Париж, Нью-Йорк, Берлин, Юрьев (Тарту), Харбин, да мало ли в какие еще захолустья. Мы хотим через переписку людей, чья жизнь обречена на творческий путь, почувствовать ту человеческую нить, которая связывает их, порой беззащитных, но очень остро чувствующих время, и может быть, увидеть в сегодняшнем дне отражение тех, не столь далеких событий.

Отвечая на вопросы: - что пишет он сейчас, Игорь Северянин, например, говорит: " Почти ничего. Издателей на

мож стихов нет. Нет на них и читателя. Я теперь пишу стихи, не записываю их, и потом навсегда забываю."

Петр Пильский в рижской газете "Сегодня" 11 декабря 1939 года передал состояние поэта такими словами: **"Поэт, он теперь не хочет писать стихов. Они остаются у него в душе, их напевы звучат в его ужасе, он носит их под сердцем, но не печатает:**

- Не для кого! Читатель стихов вымер. Я делаю своим стихам аборт."

Как же живет поэт, если он не проедет, научившись вылавливать рыбку из мутной воды, как можется?

Чтобы выжить, Северянину приходилось иногда ходить по гостиничным номерам и продавать заезжим знаменитостям, свои книги с автографом, а летом поэт ходил по дачам и продавал свежую рыбу по сходной цене.

Известный артист М.Чехов вспоминает: "В номер, где я остановился, постучал незнакомец и предложил купить сборник стихов Игоря Северянина с автографом. В посетителе я с трудом узнал поэта, в свое время гремевшего на всю Россию. Неужели это автор "Громокипящего кубка"? - подумал я."

Было бы дико или, по крайней мере, странно узнать, что кто-то из государственных чиновников глубоко входил в проблемы этих, предоставленных самим себе людей, хотя с 1926 - 40 годы Северянин получал субсидии из государственного фонда "Культур капитал" (культурного капитала) на общую сумму: 2296 крон 50 сентов.

Но верен каждый живущий человек своим именем. В имени своем он силы ищет и по имени других отличает.

Письмо С.Чукалову (13 июля, 1938 год): **"Работы абсолютно никакой нет нигде... У меня сердце никуда не годится, болит жгуче, безумные боли в голове. Что касается голода, он часто за эти годы был знаком, и сейчас, например, когда я пишу Вам это письмо, мы уже вторую неделю питаемся исключительно картошкой с крупной (кристалликами) солью... Мы просто гибнем от людской суровости и бессердечия!.. Обращаться больше не к кому: вокруг с каждым днем все более звереющий мир и убивающее равнодушие. Новых книг я не выпускаю: не для кого и не на что."**

Подобные письма созвучны настроению поэта особенно в драматические периоды его жизни, когда он не делает разницы между "белыми" и "красными", называя их "крашеными", когда он не в силах понять, что происходит в мире. Поэт видит надвигающийся "кашмар" и пришествие "хама" на

землю, где "все против всех" и нет места культуре и искусству. Эти его настроения " переносятся на всю современную цивилизацию" и единственные живые островки в этом глухом и слепом мире, те немногочисленные друзья, с которыми Северянин вел переписку и кому адресовал свои стихи.

Из неотправленного письма М.Цветаевой (февраль, 1931год):

"Вы выросли, вы стали ПРОСТЫМ. Вы стали поэтом больших линий и больших вещей, Вы открыли то, что отродясь Вам было приоткрыто - ПРИРОДУ, Вы, наконец, раз-нарядили ее...

И вот, конец первого отделения, в котором лучшие строки:

- И сосны, мачты будущего флота...

- ведь это и о нас с Вами, о поэтах, - эти строки."

И действительно поэт стремится к простоте и естественности. Стихи написанные в Тойла в период с 1918-21гг. и вошедшие в сборники "Соловей", "Вервена", "Менестрель", "Фея Eiola" заметна сдержанность от прежних, дореволюционных литературных тенденций, связанных с "эго-футуризмом" и "неоромантизмом", с миром "чарующих снов", где сказочное и мифологическое, мечты и грезы, где лик прекрасной Ингрид проступающий в "моревой сквози", где эстетское "море пахнет вервеной" предстают подсолёнными особым ароматом северянинских красок.

"Сон мой был или не был? что мне снилось,

что снилось? только море и небо,

*Только липы и поле! это явь или греза? сон мой
был или не был?*

*Я здесь жил или не жил? ты была ли со мной?
здесь тебя ли я нежил?*

Что-то все по-другому... Будто то, да не то же...

Я здесь жил или не жил?"

Остужающе трезвые как порыв осеннего ветра, леденящего самый скромный человеческий порыв, возникают новые чувства и ложаться на бумагу: незнакомые ранее образы:

"Есть женщина на берегу залива.

Ее душа открыта для стиха.

Она ко всем знакомым справедлива

*И от того со мной суха.
В ее глазах свинцовость штормовая
И аметистовый закатный штиль.
Она глядит, глазами омывая
Порок в тебе, - и ты пред ней ковыля..."*

Агате Вебер (Базель, 31 января, 1931 г.)

*"Сквозь дымку обрисовались лодки,
Застывшие на мази здесь и там.
Пейзаж был блестящий, серебристый и крохотный,
Созвучный северным моим мечтам.*

*Мен пароход откуда-то куда-то.
Я знал - на нем к кому-то кто-то шел,
Кому всегда гужда моя цыфранта,
Как гужда и мне его восторг и пыл."*

Из письма Г. Шенгели: "Капиталистический строй чуть совсем не убил во мне поэта: последние годы я почти ничего не писал, ибо стихов никто не читает. На поэтов здесь (и вообще в Европе) смотрят как на шутов и бездельников, обрекая на унижение и голод. Давным-давно надо было вернуться домой."

Ностальгия по России не оставляла Северянина до конца жизни, но вернуться домой поэт так и не смог. Летом 1941 года, при отступлении Советской Армии из Эстонии за Северяниным была послана машина, для эвакуации больного поэта в Россию, но некий чинуша, (имя его известно исследователям творчества Северянина, но из презрения, и чтобы этот человек никак не прилип к памяти Северянина, мы его имя тоже не будем упоминать) перехватил эту машину для спасения своей драгоценной персоны и своего семейства. Тяжело больного поэта вывезли в оккупированный немцами Таллинн, где 20 декабря 1941 года он умер и был похоронен на православном Александро-Невском кладбище.

*"И вот мы остались без родины.
И вид наш и жалок и пуст,
как будто бы белой смородины
облодан раскидистый куст."*

Мне не раз приходилось бывать в Тойла-Ору и каждый раз я приходила к маленькому, невзрачному домику, в котором жил поэт. Я пыталась представить себе по каким тропкам любил ходить он - Северянин, написавший столько чудесных строк посвященных Эстии - крае, романтически воспетым в образах Миррэлии, где поселились фея Ингрид Эльгрена и Эрик, где прекрасная *"Владимира Эстии, фея Eiola...* твердит: *"Лишь во мне Красота!"*, где

"Sirel - как звуки свирели...

толще, чем наша сирень...

Нели тебе Мелестрели

Всех осирекенных стран!

Sirel - как розы фиолы...

Неумолимая тень,

Чья это? - фея Eiole!

Tiiu - узив и обман..."

Именно здесь - в Эст- Тойла, как любил уточнять свой адрес Северянин, он провел столько плодотворных лет, но именно здесь - в Тойла он разочаровался во многих своих идеализированных представлениях - в " оазисе в житейской тщете. "

"Десять лет! - тяжелых лет! -

обескриливающих лишений,

Прижестный, щемлящей и мозг шелопающей

нужды.

Десять лет - грозных лет! - сатирических

стироф по мишени.

Человеческой - беспеловочной и вопной

вражды.

.

Но зато столько ж лет, лет невинных, как

яблокей велих..."

Северянин с настороженностью относился к эмигрантским кругам. Он все еще вынашивал мысль вернуться на ро-

дину, о чем свидетельствует его переписка с Коллонтай.
Из письма А. Коллонтай (Осло, 21 октября, 1921 год).

**Мне захотелось из далекого для Вас мира "большеви-
ков" подать свой голос, сказать Вам, что в этом чуждом
Вам мире кто-то помнит то же, что помните Вы, знает тех,
кого Вы любили, жил в той атмосфере, где выросли Вы..."**

В 1922 году Северянин совершает поездку в Германию,
где встречается с Маяковским, А. Толстым и Б. Пастернаком.
Отринуты литературные распри прошлых лет.

Вспоминается холодный февраль 1918 года, когда в мос-
ковском Политехническом музее " всеобщим, прямым, равным
и тайным голосованием" Северянин был избран восторженной
публикой "Королем поэтов".

**"... К его ногам бросали цветы - темные розы. Но он
стоял все так же неподвижно и неподнял ни одного цветка.
Потом он сделал шаг вперед, зал затих, и я услышал чуть
картавое пение очень салонных и музыкальных стихов:**

**Шампанское в Лилию! Шампанское в лилию! -
Ее целомудрием святеет оно!
Миньон с Эскамильо! Миньон с Эскамильо!
Шампанское в лилии - святое вино!**

**В этом была своя магия, в этом пенки стихов, где ме-
лодия извлекалась из слов, не имея ни смысла. Язык су-
ществовал только как музыка. Больше от него ничего не
требовалось."**

(К. Паустовский. Из книги "Повесть о жизни".)

Маяковский на этом турнире поэтов занял второе место.
Всего четыре года прошло с той памятной московской зимы,
а по-разному сложилась дальнейшая судьба поэтов.

Маяковский убеждает Северянина вернуться в Россию,
обещает помочь ему влиться в российский литературный
мир. Но "мещанско-обывательская" осторожность Северянина,
которую так зло высмеивал Маяковский, не позволяет сде-
лать решительный шаг и поэт возвращается в Тойла, в мир
своих противоречий и растерянности. И опять постоянные
жалобы на безденежье и духовное одиночество.

**"На всю Прибалтику я единственный, в сущности, из
поэтов, пишущих по-русски. Но Русская Прибалтика не нуж-
дается ни в поэзии, ни в поэтах. Как, впрочем, - к прис-
корбю, я должен признать, - и вся русская эмиграция."**

Никакое, а чаще откровенно враждебное отношение эми-
грантской и литературной элиты, особенно в парижских кру-

гах, связанных с Э.Гиппиус и Д.Мережковским, лишь усугубляют оторванность Северянина от читателей, от русской, эмигрантской диаспоры. С особым недоброжелательством рисует портрет Северянина Э.Гиппиус, представляя его "брюсовской обезьяной".

" Я говорю об "обезьяне" отнюдь не в смысле подражателя. Нет, но о явлении другой личности, вдруг повторяющей первую, отражающей ее в искаверканном зеркале. Это искаверканное повторение, карикатура страшная, схожесть, - не с кем видны. Не грубая схожесть. На больших глубинах ее истоки. " На мою обезьяну смеюсь, " - говорит в "Бесах" Ставрогин Верховенскому. И действительно, Верховенский, маленький, суетливый, призрачно мелкий и гнусный - "обезьяна" Иван-царевича, Ставрогина. Как будто и не похожи? Нет, похожи. Обезьяна - уличает и объясняет.

Для Брюсова черт выдумал (а черт забавник тонкий!) очень интересную обезьяну. Брюсов не Ставрогин, не Иван-Царевич, и обезьяна его не Верховенский. Да и жизнь смягчает резкости.

Брюсовская обезьяна народилась в виде Игоря Северянина. "

Э.Гиппиус, вообще, отличалась острым, как жало пером, но она могла быть снисходительной и понимающей, если хотела. Из ее воспоминаний: "Кто-то прислал ко мне юного, поэта, маленького, темненького, сутулого, такого скромного, такого робкого, что он читал едва слышно, и руки у него мокрые и холодные. Ничего о нем раньше мы не знали, кто его прислал - не помню, к юным поэтам я имею недоверие, стихи его были далеко не совершенны, и - мне все-таки, с несомненностью, показалось, что они не совсем в тех, которые приходится десятками слушать каждый день (приходилось бы сотнями, не положи я предела).

В стихах этого юнца "что-то попало", как мы тогда выражались.

Решаю про себя, что мальчик не без способностей, и вызываюсь (в первый раз в жизни, кажется, без просьбы) где-нибудь напечатать стихи: "В "Русской мысли", например, - я пошел их Брюсову".

Ответ получился не очень скоро, и даже, между прочим, в письме по другому поводу. Ответ насмешливый, небрежный и грубоватый: что до вашего юнца "со способностями", то

таких юнцов с такими же, и даже большими способностями у меня слишком достаточно и в Москве. Советую этому не печататься... Еще что-то было в том же роде, если не хуже.

Однако из юнца вышел, и необыкновенно скоро, - поэт, во всяком случае всеми за такого признаваемый, и даже по тщательности формы, по отделке ее, поэт в сорте Брюсова. Это был О. Мандельштам... Я естественно разделяю участь всех современных собратьев Брюсова: он с ними при случае любезен, при случае груб, как будто всех презирает, а, в сущности, никого и не видал: нужды не чувствовал смотреть, времени не было."

В последствии О. Мандельштам писал в рцензии на северянинский "Громокипящий кубок" не менее хлесткие, чем у самой Э.Гиппиус слова: "Поэтическое лицо Игоря Северянина определяет главным образом недостатки его поэзии. Чудовищные неологизмы и, по-видимому, экзотически обаятельные для автора иностранные слова пестрят в его обиходе. Не чувствуя законов русского языка, не слыша, как растет и прозябает слово, он предпочитает словам живым слова, отпавшие от языка или не вошедшие в него. Часто он видит красоту в образе "галантерейности"... Он умеет быть своеобразным лишь в поверхностных своих проявлениях, наше дело заключить по ним об его глубине."

В. Брюсов, касаясь творчества Северянина в статье "Сегодняшний день русской поэзии", представляет его "настоящим поэтом, поэзия которого все более и более преобладает законченными и строгими очертаниями". Брюсов пишет так же посвящения Игорю Северянину в стихах:

"Юных лириков учитель,
Вождь отважно-жадных душ,
Старых граней разрушитель, -
Встань пред ратью, предводитель,
Сокрушай преграды грезы, стены тесных склепов
рушь!..."

В.Брюсов, 20 января 1912г.

"Игорю Северянину"

"... Назад не обращай тревожно взора
И с жадной жаждой новой высоты
Неутомимо правь конем, - и скоро
У ног своих весь мир увидишь ты!"
В.Брюсов, 1912г.

Яркие "подлинные" стихи рассеяны у него везде; у него есть свой, им найденный, ритм стиха; и в ряде стихотворений ("поэз", как он их называет) выражается своеобразная душа, в которой нежная грусть красиво сплетается со скептической иронией человека, который хотел бы, но не может верить идеалу..."

(В.Брюсов, Русская мысль. 1912.)

Покровительствуя Северянину, но парируя неуклюжие нападки молодого поэта, В.Брюсов нет-нет да наносит отрезвляющие удары: "Недовольный моими критическими замечаниями о его книгах, Игорь Северянин позволил себе заявить в стихах, что я "завидую". Любопытно, в чем бы я мог "завидовать" Игорю Северянину. Мне было бы стыдно, если бы я оказался автором "Ананасов", и мне было бы обидно, если бы я сделался объектом эстрадных успехов, выпавших на долю Игоря Северянина. Поэту, немного оцадевшему, должно быть, оттого, что "идут вестым изданием мных ненужные стихи", следует усвоить себе простую разницу между критической оценкой и завистью."

(изд.В.В.Пашуканиса, 1916г.)

Позерство, эпотаж, манерность, в перемешку с "гастрономическими и будуарно-салонными образами", с "грезэсками", с "чавкающей чумазой нечестью", с "душой изустреченною, извервенною" делами поэта легкой добычей для огромного числа критиков, критиканов, и критикарствующих.

*" Устрицы, острые устрицы
Ешь, ошавлив, олимпонив,
Трезви, как тоглые кони,
Пусть в голове заратустраится.
Выпими в блеклое, штильное
Море, замлевшее майно.
Спой, отарлевши ямайно,
Что-нибудь белое, стилильное..."*

Даже, когда поэт бывает вознесен на гребень удачи, он все равно остается по-детски беззащитным. Что же делать, когда поэт сел на мель?

Ему, наверное, остается ждать дуновение ветра, ставшего загадкой прошлой весны.

От свойственной Северянину самоуверенности и кокетливо-дерзких заявлений: "Я трагедию жизни претворю в грёзофарс..." остается "А люди ли вы?"

Позже, о поездке в Германию Северянин вспоминал: "В Берлине я, уговариваемый друзьями, хотел не заезжая в Эстонию, вернуться в СССР. Но Ф.М. ни за что не соглашалась, хотя вся ее семья была крайне левых взглядов... Фелксса М. мотивировала свое нежелание ехать причинами личного свойства: "В Москве вас окружают русские экспансивные женщины и отнимут у меня. Кроме того, меня могут заставить работать, а я желаю быть праздной".

Я, сошедшийся с нею всего год назад, какось, не хотел ее тогда терять. Шли большие споры... Переубедить ее в чем-либо было очень трудно. Ум Ф.М. сводился на нет благодаря ее узости и непревзойденному упрямству."

Жизнь поэта переменчива. "Приехали мы в Германию нищими: я - в рабочей заплатанной куртке, Ф.М. в пальто из одеяла... Через неделю-другую я продал книги в издательство "Накануне" и уже имел большие миллионы." Появилась какая-то надежда, но Маяковский не оставлял никаких иллюзий: "Пора тебе перестать окалачиваться по европейским лакейским, один может быть путь - домой."

Домой. Но в какую Россию мог вернуться Северянин? В загул большевистского террора, слухи о котором доходили до соседней Эстонии, или в ту, которую он оставил в 1918 году, или еще в более раннюю - в расцвет "русского Ренессанса", "серебряного века", окрещенных так, с легкой руки Бердяевым, вспоминавшем об этом времени: "Петербургский период моей жизни очень связан с В. Ивановым. Так называемые "среды" Вяч. Иванова - характерное явление русского ренессанса начала века. На "башне" В. Иванова - так называлась квартира Ивановых на 7-ом этаже против Таврического сада - каждую среду собирались наиболее одаренные и примечательные люди той эпохи, поэты, философы, ученые, художники, актеры, иногда и политики. Происходили самые утонченные беседы на темы литературные, философские, мистические, оккультные, религиозные, а также и общественные и в перспективе борьбы мирозерцаний. В течение трех лет (с 1904 по 1907 годы) я был бесшменным председателем на Ивановских средах. Когда я вспоминаю "среды", меня поражает контраст. На "башне" велись утонченные разговоры самой одаренной культурной

элиты, а внизу бушевала революция. Это было два разобщенных мира".

"Там все новое, неизведанное. Да и что я стал бы читать теперь в России? Там, кажется, лирика не в чести, а политикой я не занимаюсь...", - говорил Северянин Ф. Раскольникову, полпреду СССР, предлагавшему поэту "проехать" по России. (29 июля, 1930 год). Но осторожные касания темы, связанной с поездкой на родину, Северянин не оставлял во все времена своей вынужденной эмиграции.

Письмо Ф. Сологубу (Тойла, 2 марта, 1921 год):

"Отчего бы вам не приехать весной в Тойла, чтобы уйти в природу, которую Вы так любите? Хотя бы только на лето? А осенью, может быть, поедем вместе в Россию..."

"О России петь - что стремиться в храм

По лесным горам, полевым коврам...

О России петь - что весну встречать,

Что невесту ждать, что утешить мать...

О России петь - что тоску забыть,

Что любовь любить, что бессмертным быть."

1925 г.

(Христиания, 21 октября, 1922 г.)

... "Я люблю Ваше творчество, но мне ужасно хотелось показать Вам еще одну грань жизни - свет и тени тех неизмеримых высот, того бега в будущее, куда революция - эта великая мятежница - завлекала человечество. Именно Вы - поэт - не можете не любить ее властного, жуткого и все же величаво-прекрасного, беспощадного, могучего облика."

Шурочка Домонтович - А. Коллонтай

(Из книги "Сокровища душевной красоты." М., 1984)

P.S.

"... пассажир в черной шляпе, наглухо застегнутом пальто и коричневых лайковых перчатках. Длинное, выколенное его лицо выражало каменное равнодушие к московской слякоти, трамвайным перебранкам, ко мне и ко всему на свете. Но он был очень учтив, этот человек, - получив билет, он даже приподнял шляпу и поблагодарил меня. Пассажиры тотчас онемели и с враждебным любопытством начали рассматривать этого странного человека..."

(К. Паустовский, из книги "Повесть о жизни")

КРИТИКА И ТЕОРИЯ

СЕРГЕЙ ЕЛИСЕЕВ

СОБЕСЕДНИК

Кому не знакомы загадочные преобразования нас самих, когда магия мысли, чувств переливаются во время беседы до зари, разговора по душам, "толковища под селедочку," а у кого-то просто тусовки - от одного к другому, завораживая невероятным сплетением все новых и новых узоров из непредсказуемых нитей, плетущих ковер мыслеобразов.

Какие бы внутренние диалогические построения мы не изобретали, они никогда не приведут к совершенно новым виражам самоанализа, к раскрытию сущностной целостности порой в неожиданном, новом качестве - узнаванию себя через внутренний конфликт, и как следствие - взаимопреодоление творческого и бытийного, духовного и религиозного. Мне кажется, живое энергетическое поле собеседника в большей степени помогает раскрыться едва осязаемому росту мысли. Мобилизация нравственной, этической самооценки с особой силой встряхивают нас и шлифуют, когда мы проносим Слово вслух, обращенное к сердцу, душе или интеллекту оппонента. Нам нужна оценка своих мыслей, идей, но эта оценка - ничто, пустота, пока не отразится в глазах собеседника - космочеловеческом сознании, умеющем восхищаться вспышками озарения, экстазу бессознательного, живущего за пределами уравновешенного сознания и умеющего отличать Божественное, т.е. Вечное, от искусной, ремесленнической имитации, подчас остроумных, но безжизненных соображений.

Слово, пропущенное через сознание собеседника, возвращается к нам согретым, очищенным от надуманности, нарочитости. Конечно, очень важно, чью мысль вы хотите пропустить через себя, стать как бы культурным, пахатым полем. Ну и вы какие семена-мысли способны взрастить на поле сознания, доверившегося вам человека.

Не случайно у некоторых народов Востока беседу почитают как самый драгоценный подарок, каким люди могут наградить друг друга. Но, как известно, какой дар мы заслуживаем, тот и получим. Поэтому беседы могут иметь самый разноречивый характер.

Творческая деятельность духа, преодолевая ступени самопознания, не может обойти стороной события внешней

жизни, потому что Работа Духа, в каком-то смысле, состоит из преобразования себя в условиях жизненного пространства, уготованного судьбой, и с определенного момента начавшего преобразовывать свою собственную судьбу.

Например, для Бердяева имеют ценность и значение проявления внешней жизни лишь в их духовной наполненности, всегда превосходящей внешнее, суетное. Философское познание самого себя в мгновении настоящего и есть творческий акт, а "ценность этого акта определяется тем, насколько он возвышается над временем, приобщается ко времени экзистенциальному, т.е. к Вечности."¹ Стремление к познанию самого себя, своей судьбы в отражении "человеческого существования и познания мира через человеческое существование" позволяют Бердяеву "переживать мир, весь мировой и исторический процесс, все события своего времени как часть своего микрокосма, как свой духовный путь."²

У Э.Фрейда, как известно, подход к сознанию и прежде всего к религиозному сознанию заключается в рассмотрении феномена психики, феномена бессознательного, его роли в человеческом поведении и если допустить "что человечество как целое в своем многовековом развитии впадает в состояния, аналогичные неврозам... а именно потому, что в эпохи невежества и интеллектуальной немощи оно добилось необходимого для человеческого общежития отказа от влечений за счет чисто аффективных усилий", то "религию в таком случае можно было бы считать общечеловеческим навязчивым неврозом". В соответствии с этим определением "отход от религии неизбежно совершится с фатальной неумолимостью процесса роста, причем сейчас мы находимся в середине этой фазы развития."³

Мысль, обращенная в никуда, не исчезает, она обрастает подобными мыслями и, накопив определенную массу, преобразуется в НЕЧТО. Нечто, витающее в воздухе, пережив длительную эволюцию во времени, оседает и ассимилируется в сознании конкретного человека и, наконец, произносится вслух. Так начинается новый виток развития мысли, но уже зримый, явственный.

Наверное, бессмысленно искать Автора первой и главной мысли, а тем более первопричину, породившую эту мысль. Но так устроен человек: отделив себя от мысли и, главное, от ее первоисточка, он перестает быть.

Человек - подобие изначальной мысли, и наглядно демонстрирует шаг за шагом, ступенька за ступенькой уст-

ремление к творящей первопричине. Наивно полагать, что какой-то конкретный человек может быть творящей первопричиной, создателем своей персональной мысли. Мы можем быть допущены к мысли только на том уровне на котором готовы ее воспринимать: эмоционально-чувственно, интеллектуально или духовно.

Для ясности представим себе трехэтажный дом. На первом этаже множество комнат и вы поселяетесь в одной из них. Комнаты – это символ идей, мыслей, которые, сплетаясь в клубок, живут в постоянных противоречиях. Вы можете сколько угодно менять эти комнаты-мысли, мечась от одной идеи к другой, но ваши поиски будут вас возвращать каждый раз на круги своя, потому что ход ваших поисков предрешен средой обитания. Сила, способная вас вырвать из хаоса противоречий и поднять над ними, есть движение мысли, преодолевающей барьер тяготения основной формулы первого этажа: прав – не прав, любовь – ненависть, друг – недруг и т.д. Попав на второй этаж, вы оказываетесь в мире тонких идей, философски отточенных учений и научных поисков, наработанных веками и веками до вас живших там людей, но концептуальных комнат там гораздо меньше, потому что всеохватывающих идей не так уж много, и даже значительно меньше, чем мы себе представляем. Так выясняется, что, поднявшись еще выше, вы обнаружите перед собой всего одну комнату, в которой живет всего одна идея – Бог, т.е. Вы, Человек.

И нужно найти в себе достаточно мужества, чтобы сделать свой, может быть, первый самостоятельный шаг в Вечность, в Ничто, иначе говоря, вернуть себя в осознание и единство всего Дома, как некой цельной идеи, обращенной к нам же Благодарным Собеседником.

А. Лосев, исследуя платонизм, сформулировал в двух-трех фразах основную идею древних греков следующим образом: " Я думаю, что не ошибусь, что центр платоновской философии заключается в понятии Эйдоса и что этот эйдос, как мы говорили выше, обоснован, так сказать, и сверху, и снизу. Сверху он обоснован как порождение сверх-сущего Единого. Снизу он обоснован как лоно, само порождающее из себя, путем перехода в становление, Душу, которая как бы заново вычерчивает лик Эйдоса, превращая его в софийский Символ, и тем превращает его в модель, в Парадигму, в Демиургию, порождающую в дальнейшем Космос (а след., и все, что в нем). Отсюда платонизм в сущности есть учение о трех или, если хотите, о четырех ипостасях, диалектически развертывающих бытие во всей его целости, - о

*Едином, Уме (Эйдосе, Идее), Душе и Космосе. Единое - сверх-сущее, преименито и пресущественно. Через Число оно порождает из себя путем диалектического самополагания (и, след., самоутверждения) Ум как полноту смысла и самосознания; Ум путем перехода в новое инобытие превращает свои чисто умные и смысловые функции в умно-становящиеся и одушевляющие, в Душу; а Душа путем перехода еще в новое инобытие, т.е. при помощи еще нового акта самоотрицающего самоутверждения, порождает из себя тело, Космос, который, отражая предыдущую троичность и все входящие в каждую из ее ипостасей категории, получает особую структуру, форму и состав."*⁴

В каждом из нас есть знание Бога, т.е. знание основной творящей мысли, пропускающей Космос внутрь человека.

Нечто, витающее во вне, имеет своего собеседника внутри нас, поэтому очень важно услышать этот внутренний разговор, он то и подскажет на каком этапе сознания мы живем. Нескончаемый внутренний диалог, который мы ведем, со всей очевидностью проявляет нас самих через тех мужчин и женщин с которыми мы говорим, спорим, убеждая их правдой и совестью. Кто не испытывал давящей тяжести от бессмысленных оупляющих разговоров, а точнее, разборок с людьми, живущими вне нас и внутри нас. Обращали ли вы внимание, как они похожи между собой и более всего на нас. И напрасно мы уверяем себя что такой-то или такая-то ну ничего общего с нами иметь не могут - именно они убедительнее всех отражают нас - подобное притягивает подобное. Или вы будите уверять, что вы любите одиночество, что говорите сами с собой, но человек в большинстве своем боится себя, боится зияющей черной дыры внутри себя и при каждом удобном случае мы ускользаем от встречи с самим собою в тень людей, притянутых к нам все той же зияющей черной дырой - причинно-следственным капканом.

Попробуйте в конце дня восстановить в памяти ваши встречи с людьми, происшедшие за день вследствие внутреннего и прямого диалога, и осмыслить не содержание самих бесед, а впечатление, осадок от них и чаще всего вы сможете обнаружить жадную пустоту, втягивающую вас в черную дыру вашего внутреннего пространства.

Кто-то скажет: "Зачем же бежать от себя, не есть ли черная дыра выход в Космос, но так же вход в мой Дом?"

- Значит у вас есть свой Дом? Это чудесно! Тогда вы

сможете сказать, выходя из своего Дома: Я пошел на улицу, или ... "

Гуйфэн Цзун-ми изучая "Собрание истоков чаньских истин", прежде всего дал определение "истоку". Слово "исток" обозначает то, что все живые существа изначально наделены природой истинного просветления, которое также называется "природой Будды", которое также называется "сферой сознания". Это положение является основой учения Чань (Чань с китайского переводится как "совершенствование в мышлении" или "умиротворенным размышлением".)

Идущим по следам чаньского учения следовало избавиться от пут сансары, колеса рождения и смертей, иначе он не мог освободить других, даже ценой собственной жизни, хотя он и преисполнен сочувствия к людям постигающим божественное.

"Хотя Будда и говорил о деяниях, происходящих от роста сострадания адепта, но сам понимал, что дурным склонностям трудно противостоять, и вследствие этого удалился от множества учеников, и ушел в горы совершенствоваться в уравновешенном созерцании и мудрости, и, в общем, на срок около десяти лет прекратил размышление о сущностных признаках, но в течение этого времени Будда был вынужден по просьбе учеников войти в город и жить внутри стен три года, а затем поблагодарил и вернулся в горы. Будда тщательно совершенствовал свое восприятие, отделил дхарму, доктринальную истину, причину от их смысла, и выстроил это все в четком порядке в своем пустом сознании, и пробудил его; принципы возникновения и уничтожения стали ему ясны благодаря умиротворенной мудрости. В обширном и пустом солнечном свете бесконечно роится тонкая пыль, на дне глубокой реки мелькают тени, можно ли сравнить это с тем созерцанием - чань, впадая в которое, глупцы стремятся сохранять полное безмолвие? Лишь безумные мудрецы, положив в основе своих суждений собственное сознание, разбирают и анализируют все множество учений, и поэтому совершенно искренне на основании своих чувств вновь определяют собственное восприятие как изначальную предпосылку суждения. Или еще есть некоторые, совершенствующие сознание на основе раздельного анализа множества учений, и по этой причине эти люди впадают в излишнюю почитательность к догматам."⁵

При совершенствовании себя в момент перехода из одного существования в другое и формировании очередной исходной причины происходит переход и смена жизненных

положений. Меняя одну энерго-информационную массу на качественно иную выдавливается, вытесняется масса мыслительных представлений, еще вчера представлявших нашу культурную основу, но массы вытесненных и вновь приобретенных энерго-мыслительных полей при этом не претерпевают видимых изменений, зато меняется энерго-мыслительная масса человека: очищенная и отделенная энергия покинутого им мыслительного поля во взаимодействии с нижними слоями следующего поля увеличивает его персональную энерго-мыслительную массу, а согласно теории относительности масса предмета возрастает с увеличением скорости его движения, а значит, есть возможность исследования, превращения энергии движения в массу совершенно нового образования, что подтверждается известным уравнением Эйнштейна, выражающего эквивалентность массы и энергии: $E=mc^2$.

Исследуя движение мысли в повседневной жизни, вы заметите, что мысль имеет различную скорость. Зависит это от мыслительных процессов, происходящих на разных уровнях сознания.

Г.Шипов в работе "Тонкие миры в теории физического вакуума" рассказывает о "сверхвакуумных состояниях реальности", которые проявляются в виде психофизических явлений: телекинез, телепатия, левитация и т.д. Посредником этих явлений выступают торсионные поля, которые обладают эффектом памяти и переносят мгновенно информацию, но не энергию (интенсивность торсионного сигнала одинакова на любом расстоянии от источника и значительно превышает скорость света).

Труден ли путь к самому себе, к растворению в "безграничном сознании", где нет "восприятия" и "невосприятия", к полной независимости; по А.Лосеву, "явленности или неявленности внутреннего и внешнего" и рассматривающего эйдос и идеи как голый смысл, данные сами по себе и рассматриваемые лишь со стороны своей осмысленности"?

Неоплатоник Порфирий, размышляя о "счастливой жизни", включился в нашу беседу: "простым накоплением слов и советов", законов и формулировок росту сознания не поможет. "Итак, если законодатели ввели законные нормы жизни для государств, побуждая нас к жизни созерцательной и разумной, следует, конечно, подчиняться им... Но если они устанавливают законы, имея в виду так называемый средний естественный уровень жизни, и это нравится толпе, которая воспринимает благо и зло лишь в их внешнем и телесном проявлении, почему кто-то должен, предпочтя их за-

кон, менять образ жизни, который выше всего писанного и предназначенного для толпы закона..? В действительности все поучения, но даже и те, которые касаются истинно сущего, не являются еще наукой, если им не соответствует стремление к истинно сущему и жизни в нем. Как говорят, у каждого наблюдателя есть три цели - достичь созерцания истинно сущего и, осуществив это желание, достичь также по мере наших сил единства созерцающего созерцаемого. Ибо ни на что другое, кроме как на себя, истинно сущего, не направлено наше возвышение. И ни с чем другим, кроме как с самим истинно сущим, нет для нас единства. Само сущее - это ум; соответственно, и цель - жить согласно уму, и к этому же направлены все слова поучения, касающиеся внешнего, - достичь очищающего нас места, а не пополнить науку о счастливой жизни новыми словами... Но так как следует сменить один образ жизни на другой, до биваясь очищения теперешней нашей жизни с помощью слов и дел, - давай посмотрим, какие слова и дела нужны нам для этого. Разве не те, которые позволяют удалиться от чувственного и присущих ему страстей, приближая насколько это возможно, нашу жизнь к мысленной, лишенной страстей и ложных представлений о форме? А то, что противоположно этому, враждебно нам и достойно того, чтобы его отвергнуть; оно скорее отдаляет от того, к чему влечет. Я думаю, с этим стоит согласиться. Ибо мы напоминаем людей, которые живут среди чужого народа и не только изгнаны из родных мест, но еще и полны усвоенных на чужбине страстей, привычек, чужеземных обычаев и сохраняют привязанность к ним. Как тот, кто собирается вернуться на родину, должен не просто собраться в дорогу, но, чтобы быть принятым, позаботится о том, чтобы избавиться от всего чуждого, что он приобрел, заставить себя вспомнить то, что забыл, без чего не может быть принят родными, - так и мы, если хотим вернуться на истинно сущую родину, должны здесь сбросить с себя все то, что мы получили от смертной природы, вместе с привязанностями к тому, благодаря чему мы опустили в этот мир, вспомнить о блаженном и вечном существовании и, спеша вернуться к тому, что не имеет ни цвета, ни качества, позаботиться о двух вещах: во-первых, о том, чтобы избавиться от всего материального и смертного; во-вторых, о том, чтобы вернуть-

ся и остаться, восходя путем, противоположным тому, по которому мы пришли сюда."⁶

Мысли, перетекающие во время беседы от одного к другому, конечно же, не имеют начала и конца, они плывут себе, и лишь мы иногда решаемся войти в это течение, и тогда начинаем слышать сначала робко, а затем все более решительней и требовательней речи тех, кто живет в этом вечном потоке вне времени и пространства.

"Лишь к тому, кто однажды осознал призрачность нашего здешнего существования и того мира, в котором мы живем, кто догадывается и понимает, что сотворен природой для бодрствования, и ощущает усыпляющее воздействие того мира, в котором он живет, -обращаюсь мы с речью..."⁷ возвышает свой голос Порфирий из странствующего потока нашей внутренней реки, нашего внутреннего Собеседника, который, возможно, уже давно ведет беседы с непостижимым, но с тем что ждет нас впереди или... "Я довольствуюсь тем, что с изумлением строю догадки об этих тайнах и смиренно пытаюсь мысленно создать картину совершенной структуры всего сущего," - подхватывает беседу Эйнштейн.

Но, кажется, кто-то стучится в дверь, и я иду скорее открыть ее, ведь пришел гость и значит будет Беседа.

¹Н.Бердяев. "Самопознание".

²Э.Фрейд. "Сумерки Богов".

³Э.Фрейд. "Сумерки Богов".

⁴А.Лосев. "Очерки античного символизма и мифологии".

⁵Гуйфэн Цзун-ми. "Собрание истоков чаньских истин".

⁶Порфирий. "Трактат о здоровой пище".

⁷Порфирий. "Трактат о здоровой пище".

АЛЕКСАНДР ФОРМОВ

ОЧЕРКИ ПО ПЕРВООБЫТНОМУ ИСКУССТВУ

Хорошо известна огромная роль изобретения лука в истории культуры. Оно сделало охоту более надежным средством существования, изменило всю систему охоты, выделив из безликой толпы загонщиков искусных стрелков-лучников, часто промышлявших в одиночку. Возросло значение отдельного человека в обществе, возросло, вероятно, и его значение в идеологических представлениях. Именно этим можно объяснить отличие наскальных рисунков мезолитической эпохи в Леванте, Закавказье, Средней Азии от палеолитических: если раньше художник рисовал только зверей, то теперь рядом с ними появляются и силуэты охотников с луками в руках.

Гравировки на камнях верхней террасы
Бенюк-даша (копии И. М. Джафарзаде)

1 — внутренняя плоскость камня 29 в убежище 5; 2 — на-
мень 39

Изображения людей, выбитые на скалах в урочище Залавруга около г. Беломорска, группа II (по Ю. А. Савватееву)

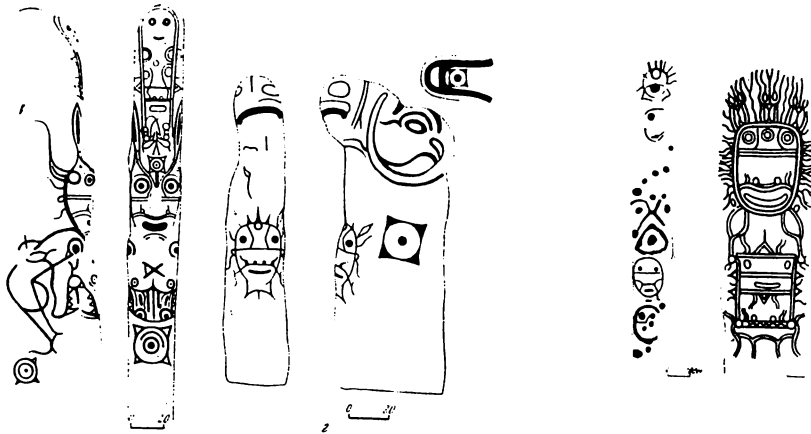
Этнографический материал также свидетельствует об особом отношении к луку у первобытных народов. Папуасы Новой Гвинеи рассказывают мифы о луках, в каждой общине — свои. Героем этих мифов является лук, наделенный человеческими качествами. В языке папуасов части лука носят названия частей человеческого тела¹. Видное место занимают лук и стрелы в шаманстве у алтайцев².

Роль лука в разных районах Старого света не могла быть одинаковой. В охотничьих культурах Юга она, естественно, была больше, чем у северных культур, где очень рано рыболовство стало основной отраслью хозяйства. Поэтому неудивительно, что изображения лучников многочисленны в Средней Азии и Закавказье и относительно редки на Севере. Все же в Залавруге отразился и этот этап в развитии культуры.

Другим, еще более важным переломом в истории человечества надо признать переход от присваивающего хозяйства к производящему. Следствия этого перехода были многообразны. На древнем Востоке через

¹ P. Wirz. Die Marind-anim von Holländisch Süd-Neu-Guinea, III. Hamburg. 1925. стр. 105, 106.

² Л. П. Потапов. Лук и стрела в шаманстве у алтайцев.— СЭ, 1934, № 3, стр. 64—76.

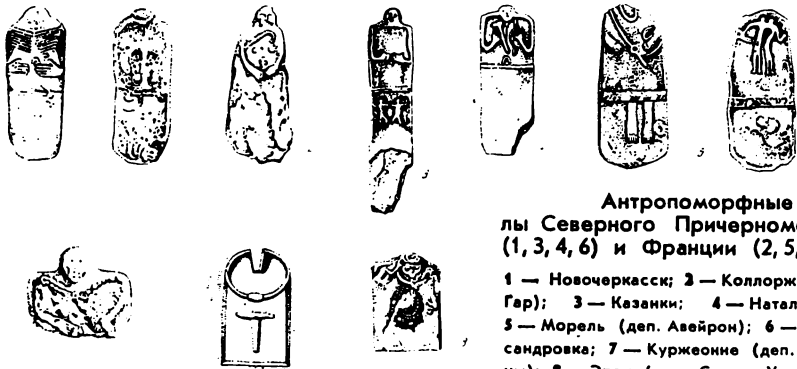
Каменные изваяния из Минусинской котловины (по Э. Б. Вадецкой)

1 — озера Шира;

2 — из Верхне-Биджинского улуса

1 — Аскыз при впадении р. База;

2 — улус Тазмина

Антропоморфные стелы Северного Причерноморья (1, 3, 4, 6) и Франции (2, 5, 7, 8)

1 — Новочеркасси; 2 — Коллорж (деп. Гар); 3 — Казанки; 4 — Натальевка; 5 — Морель (деп. Авейрон); 6 — Александровка; 7 — Куржеонне (деп. Марны); 8 — Эпон (деп. Сены-и-Уазы)

несколько тысячелетий они выразились в возникновении государства, письменности, литературы.

Охотничьи культы оттесняются на второй план. Человек занимает центральное место в идеологических представлениях. У скотоводов в условиях борьбы за пастбища и стада рано усиливается власть вождей и родоначальников. Складываются земледельческие куль-

ты плодородия, мифы о солнце, совершающем свой путь на ладье или на колеснице и борющемся со змеями или драконом. Заметно меняется и облик первобытного искусства. Появляются антропоморфные стелы — первые изображения человека в монументальном искусстве. Причерноморские изваяния, вполне возможно, были памятниками вождям и старейшинам. Создаются рисунки солярных ладей и колесниц, композиции с солярными и лунарными знаками. Нередки и изображения сексуального характера, связанные с аграрными культами плодородия. Такие сцены мы найдем и на петроглифах Онежского озера ³, и на камнях кромлеха Бенд-усту в Азербайджане ⁴, и на плитах из окуневских могил в Хакасии.

Таким образом, три этапа в развитии искусства наскальных изображений соответствуют этапам в развитии общества. Речь должна идти при этом именно об этапах социологической периодизации. Если мы будем опираться только на ступени археологической периодизации (палеолит, мезолит, неолит, бронзовый век, железный век), мы не уловим изменений, обусловленных трансформацией хозяйственной базы.

Мы знаем, однако, что влияние базиса на надстройку редко бывает прямым и непосредственным. Базис определяет характер надстройки лишь в конечном счете ⁵. Далекое не просто соотношение хозяйственных форм и облика искусства и в первобытном обществе. Прежде всего у обществ, стоявших на одной и той же стадии развития, искусство порой достигало большого расцвета, а порой ограничивалось примитивной орнаментацией. Далее, сказываясь в какой-то мере на характере искусства (изображения зверей у охотников, солнца — у земледельцев), хозяйственная база не предопределяла его уровень. Племена эпохи бронзы намного обогнали в своем развитии мадленцев Франции, но уровень мадленского искусства неизмеримо выше уровня искусства II тысячелетия до н. э.

Наконец, мы сталкиваемся с тем фактом, что представления, свойственные самым высокоразвитым обществам, проникали в отдаленные районы, даже туда, где сохранялся старый охотничье-рыболовческий уклад хозяйства. Солнечные культы получили распространение не только у земледельцев, но и у скотоводов-окуневцев. Петроглифы Онежского озера с многочисленными солярными и лунарными знаками, с десятками человеческих фигур и схематических изображений ладей созданы охотниками и рыбаками, а не людьми, овладевшими производящим хозяйством. Между тем эти солярные и лунарные знаки и символы находят точные аналогии в искусстве скотоводов и земледельцев (петроглифы Кубыстана, Южной Швеции, ямной культуры и т. д.).

Возражая против интерпретации онежских наскальных рисунков, предложенной В. И. Равдоникасом и К. Д. Лаушкиным, Ю. А. Савватеев подчеркивал, что петроглифы Бесовых следков, Залавруги и Онежского озера оставлены одним и тем же охотничье-рыболовческим обществом и, следовательно, не могут отражать разные этапы в развитии пер-

³ В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Онежского озера. М.—Л., 1936, табл. 12.

⁴ Материалы раскопок Г. М. Асланова.

⁵ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 37, стр. 394.

робытного мышления⁶. Ю. А. Савватеев не учел ряд важных обстоятельств. Как раз во II тысячелетии, в 1800—1600 гг. до н. э., т. е. в период после создания рисунков на Бесовых следках и до возникновения онежских петроглифов, племена, изготовлявшие ямочно-гребенчатую керамику, подверглись интенсивному воздействию культуры ладьевидных топоров⁷. В тот же период резко возросло число импортных вещей на стоянках Карелии и впервые в большом количестве появились бронзовые изделия⁸. Эти обстоятельства не могли пройти бесследно для населения Карелии. Хозяйство его осталось прежним, но духовная культура и искусство изменились. Если мы сравним различные поселения II тысячелетия до н. э. на Северном Кавказе, то убедимся в большой близости их материальной культуры, в единстве уровня развития. Но племена, обитавшие по берегам Черного моря, строили каменные усыпальницы-дольмены, тогда как в других районах таких сооружений не было. Эти племена, вероятно, под влиянием пришедшей откуда-то извне идеи несокрушимого каменного жилища для усопших, сделали важный шаг в развитии архитектуры. Стороннее влияние сказалось лишь на одной категории памятников. При анализе поселений оно не заметно. Точно так же и в Карелии люди эпохи позднего неолита продвинулись по пути развития искусства, усвоив идеи передовых земледельческо-скотоводческих обществ.

Здесь мы подошли к весьма существенному вопросу о роли влияния в эволюции первобытного искусства. Сравнивая между собой памятники разных районов, мы неоднократно замечали большое сходство в сюжетах, стиле изображений, композициях и т. д. Является ли это сходство результатом конвергенции или следствием влияний и заимствований? Однозначно ответить на этот вопрос невозможно. В истории культуры с древнейших времен и до наших дней мы наблюдаем одновременно и конвергенцию, и заимствования. Нет никакой эклектики в признании большого значения и того, и другого явления. Это только отражение реальной сложности жизни.

Несомненно, очень многие совпадения объясняются единством условий жизни и психического склада первобытного человека. Охотники всюду рисовали зверей. Рисовать их легче в профиль. Изображения делаются контурными или силуэтными. Разумеется, рисуют и охотничьи сцены, и людей. Повсеместно — и в Африке, и в Америке, и в Австралии, и в Азии, и в Европе — встречаются изображения человеческих стоп и кистей.

⁶ Ю. А. Савватеев. Некоторые вопросы изучения наскальных изображений Карелии. — Сб. Новые памятники древней истории Карелии. М.—Л., 1966, стр. 79.

⁷ Об этом влиянии говорят и исследователи археологии Финляндии (А. Яурьяпяя. Доисторические поселения Финляндии. — Сб. Финляндия, М., 1953, стр. 274, 275), и археологи Эстонии (Х. А. Мора. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете археологии. — Сб. Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956, стр. 64—75; Л. Ю. Янитс. К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения Эстонской ССР. — Там же, стр. 163—167). Исследователи Карелии до сих пор не изучали эту проблему.

⁸ М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. — МИА, № 29, 1952, стр. 198—203; Н. Н. Гурьян. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. — МИА, № 20, 1951, стр. 101, 126, 127.

друга, отмеченный в Кобыстане и на Енисее¹⁵. Достаточно проста и идея каменного изваяния. Антропоморфные стелы Причерноморья и Хакасии возникли, судя по всему, совершенно независимо, как независимо сложилось впоследствии до десятка типов каменных баб эпохи железа¹⁶.

Но наряду с этими совпадениями известны случаи повторения слишком сложных образов. К числу их относятся соляная ладья и соляная колесница. Миф о солнце, путешествующем на ладье или на колеснице, — не общечеловеческий. Ареал его обширен, но это отнюдь не весь мир, а лишь отдельные области Старого света. Быть может, мы иногда увлекаемся, принимая любой силуэт лодки или схему повозки, нанесенные на скалы, за солярный символ¹⁷. И все же рисунки лодок с сияющим солнцем на носу в Кобыстане, силуэт ладьи с солярным знаком в центре на Смолянке, схему колесницы с тем же знаком посередине на камне Щеглец трудно интерпретировать иначе. Думается, что эти петроглифы, датирующиеся II — началом I тысячелетия до н. э., т. е. эпохой чрезвычайно широких культурных связей, отражают распространение солярного мифа.

Нас не удивляют находки египетского скарабея в Армении¹⁸, вещей из уральского кедра — в Финляндии, клыка моржа — на окской неолитической стоянке¹⁹, карасукского бронзового ножа — на Северном Кавказе²⁰ или прибайкальского нефрита — в Сейме на Волге²¹. Почему же мы так пугаемся утверждения о распространении не только вещей, но и идей? Фольклористам хорошо знакомо понятие «бродячий или странствующий сюжет». Легенды и мифы у многих народов совпадают до мельчайших деталей. Нелегко сказать, когда и каким путем проник к нам тот или иной миф, но сводить весь этот вопрос к конвергенции явно невозможно.

Нельзя объяснить конвергенцией и близкое сходство некоторых сюжетов наскальных рисунков или тождество каменных статуй Причерно-

¹⁵ Ср.: И. М. Джафарзаде. Наскальные изображения Кобыстана. — Труды Института истории АН Азербайджанской ССР, т. XIII. Баку, 1958, рис. 56, 68 и И. Т. Савенков. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. — Труды XIV АС, т. I. М., 1910, табл. I; II.

¹⁶ См. обзор разных типов изваяний в книге: Я. А. Шер. Каменные изваяния Семипалачья. М., 1966, стр. 3, 4. Список неполон. Каменные бабы эпохи железа есть еще в Прибалтике, Подольи, на Северном Кавказе, в Башкирии, Прикамье и т. д.

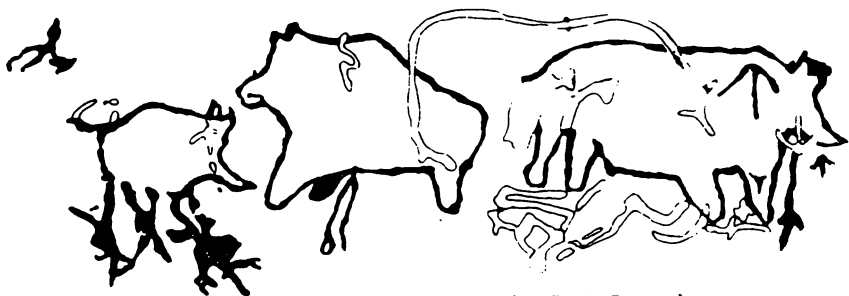
¹⁷ См.: А. А. Формозов. Памятники первобытного искусства..., стр. 40—43. Конечно, не каждое изображение ладьи на скалах — солярное. Вряд ли солярный характер имеют поздние, вероятно средневековые, рисунки лодок в Хорезме (С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, рис. 14) и Дагестане (М. И. Исачков. Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966, табл. 16). Весьма возможно, что обычные промысловые лодки показаны на Залавруге, где изображена охота с лодки на белуху (Ю. А. Савватеев. Некоторые вопросы..., рис. 9). Спорна и интерпретация росписи в гроте Ак-чункур.

¹⁸ Б. Б. Piotrowskiy. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза. — СА, 1958, № 1, стр. 20.

¹⁹ Г. А. Панкратов. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М.—Л., 1964, стр. 125, 128.

²⁰ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 122.

²¹ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. III. — МИА, № 43. 1955, стр. 188.

Роспись на стене грота Шахты в Таджикистане (по В. А. Ранову)

Гравировки окуневского времени в Минусинской котловине

1 — Черновая VIII (по Э. Б. Вадецкой); 2 — Третий лог у с. Байкалова (по А. В. Адрианову); 3 — Тас-хазза (по А. Н. Липскому)

морья и Средиземноморья. Показательно, что реальность тех линий связей, о которых мы говорили на основании анализа произведений искусства, подтверждается и наблюдениями над другим, археологическим материалом. Действительно, существовали сношения племен Причерноморья и Средиземноморья, населения Урала и Карелии. Но ничто не указывает на связи Средней Азии и Беломорья — ни анализ петроглифов, ни изучение керамики и орудий.

Итак, в эпоху бронзы, во II — начале I тысячелетия до н. э., в развитии искусства большую роль начали играть культурные влияния. Мифы передовых земледельческо-скотоводческих районов проникли к охотникам и рыболовам лесов, идеи классического Востока, своеобразно преломленные, упрощенные, обедненные, все же обошли весь Старый свет.

Вот открыла я окошко -
не погода нынче - рай!
а в него пушинка-крошка
залетела невзначай.

Ну, а я? Ведь это ж надо -
так ругала, так кляла! -
этой гостье очень рада,
честь по чести приняла!

Так узорчато-нарядна
и загадочна притом...
...Отчего мне так отраднa
эта память о былом?!

3

Их чистые светятся лики
в предзимней ночной полумгле.
Три белые чудо-гвоздики
стоят у меня на столе.

Три маленьких звездных планеты,
застывшие враз налету,
как вспышки внезапного света,
прнзвившие темноту.

Минуют короткие сроки,
потухнут они, отлетят.
Все так... Но певучие строки
их облик в себе сохранят.

Недаром их лунные блики
проникли в мою глубину...
Спасибо, три снежных гвоздики,
за светлую веру в весну!

4

ПОЭЗИЯ! -

мой муж.
Моряк,
что вечно плавает в морях.
А я, как верная жена,
его всечасно ждать должна.
...И жду...

Не час, а месяц, год,

когда ж мой милый приплывет.
Когда ж ветрами всех широт
меня закружит, унесет?!
Приплыл...

Свиданья краткий миг.
Уплыл...

Но остается стих.
Один ли, два ли, три ли -
И все в отцовском стиле.
И снова жду.

Гляжу в окно.
А за окном - темным-темно.
Лишь моря шум унылый,
где плавает мой милый.

"КОНЬ БЛЕД"

I

Сольвейг
Очерчен круг,
один на двух.
Одно на двух
колечко-круг.
Навеки враг?
Навеки - друг.
На веки снегом
легла бессонница.
Навеки счастье
в снегах хоронится.
Замерла пурга
мой весенний цвет.

Занесли снега
твой последний след.
Замела избу -
угорелая.
Я к тебе приду
через белое,
через красное,
через черное,
через - никогда,
через первый след.
Я с тобой всегда.
Ты со мною - нет!

Все равно когда,
вечно вместе быть.
Два конца-кольца.
Между ними - нить!

2

Не продажный мой товар...

М.Ц.

Все отдам,
не меняя, не спрашивая,
не от щедрости,
не удерживая..

Просто так.

Чистое, сорное -

не таю.

Все, что было собрано -
отдаю.

Пеструю шаль мою -

с теплых плеч.

Ты не отдаривай -

мне ль сберечь?

Вот рукой пошарила -

по углам.

Что еще не дарено -

все отдам.

Не стучи, горячее,

не пророчь.

Не могу иначе я -

ночь так ночь.

Этими ли, бреднями ли

дни легки?

Вот возьми последнее -

и стихи.

Все уже размыкала,

видно дно.

Хорошо со всхлипами

мне одной.

Все теперь я сделаю,

что хочу.

На просторы белые -

по-ле-чу!

3

Заржавел мой голос
неотточенный.

Не звенит,
царапает и рвет.
В ночь глухую
пылью обочиной
осень к нашим окнам
подойдет.
И не стукнет,
поскребется крыльями,
бледное лицо
к стеклу прижав.
Где-то видела я
эти милые,
беспричинно грустные
глаза.
Где-то слышала я
эти шорохи
беспокойно падающих слез.
Где-то видела я
эти ворохи
черных листьев
и горячих звезд.
Я когда-то знала
эти пряные
запахи бродящего вина...
Шелестит
пожухлыми бурьянами
осень
у закрытого окна.

ОЛЬГА ФЛОРЕНСКАЯ

ПИСЬМО НА ЮГ

Два дня пересекаю богоспасаемую нашу страну.
За окном елки и поселки в традиционном говнище.
Места для отправления естественных нужд.
Мало чем отличаются от мест для приема пищи.
Мои соседи осуждают женщину в парике -
Без него она лысая, но все равно - факт позорный.
Ночью она держит его в полиэтиленовом кульке,
А днем красуется, дура, в очереди к уборной.
В вагоне темно, проводница не зажигает света, пока
За окном не сгорят до конца сырые октябрьские

дали...

Просвещенный народ, до рвоты начитавшийся "Огонька",
Нич-ч-чего не понимает, но склоняется к привычному -
"н.....н".

Если честен - смирайся, кайся, сливайся с ним.
(я имею в виду народ), но, Господи, как не хочется
с ним сливаться!

О, как тошно, как мутно - выползаю в тамбур -
опять стоим,
В Иловайске - семь, в Орле и Курске - одиннадцать
и пятнадцать.

Милый друг, улыбнись хотя бы идиотскому
моему письму,
Вспомни ветром тронутый город без имени
и без света.

Как сиял бульжник и прыгала по нему
Вслед за нами безумная скомканная газета
Целовались, смеялись, кругами ходили, как много там
Тополей и заборов и целых четыре часа отсрочки!
Покупали печенье и невидимым песьим ртам
Раздавали сырые узорчатые кусочки.

1988 год.

* * *

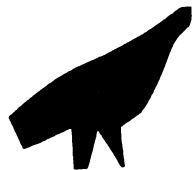
Река-рука, на пальцах острова,
Как бронзовые кольца. Солнце село.
Исчезли звуки, замерли слова
В нерукотворном храме ночи белой.
Все детство здесь. Под набережной рева
Заржавленных буксиров, запах тины,
И облачный истершийся покров
Над куполом святой Екатерины.
Мой ясный, мой любимый, с кем вхожу
Под эту обезлюдевшую крышу,
Здесь все слова, которых не скажу,
Все голоса, которых не услышу.
Здесь не дано в сомненьи и тоске
Уткнуться лбом в знакомые колени.
Ты посмотри, на этом косяке
Отмечены четыре поколенья...

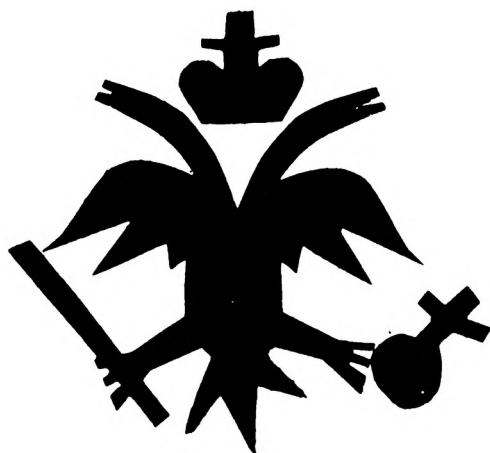

* * *

Уезжаем средь недели,
Улица в снегу зарыта,
Над Москвой легко и сыто
Белые дымы взлетели.
Как наскучивают скоро
Эти пряничные стены —
Будьте же благословенны,
Наши питерские норы!
Где февральские капризы
На оттаявшей равнине,
Где кресты и крыши иней
Рядит в пепельные ризы,
Где на переломе суток
Небо выкрашено сажей,
И прохожий кормит уток
На дымящейся Лебяжьей.

* * *

Белеет парус одинокий
В тумане моря, господя.
Привет, немывтая Россия!
Гори, гори, моя звезда!

* * *

В последний раз живу, и этот шаг — последний,
С горбатого моста на черный диабаз.
Перетекая в ночь, слабеет ветер летний,
Трепещет и шуршит среди гранитных ваз.
Опять заключена в пространстве, где на плоских
Тенистых берегах в покое спят сады,
Где вдоль Невы полет воротников матросских
И сизых облаков воздушные ряды.
Восхищенным горе видны иные дали —
Как солоно глазам, как в горле горячо.
И милый спутник мой в сомненьи и печали
Молчит и на меня глядит через плечо.

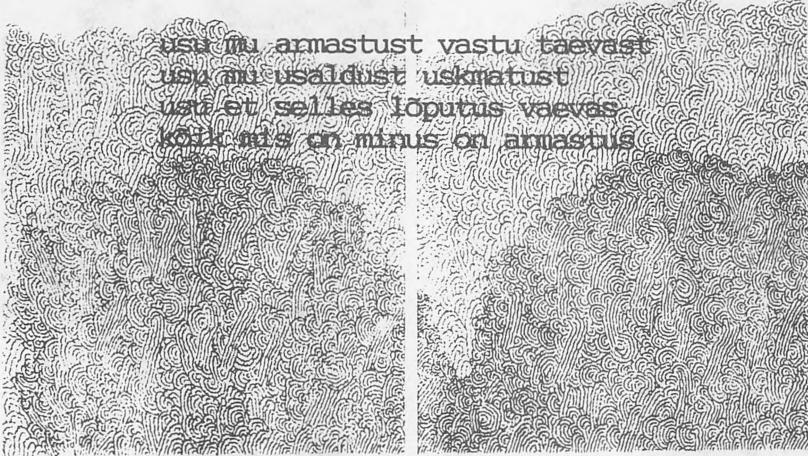

HANNES VARBLANE

MINA SIND ARMASTAN

mina sind armastan mina ei lähe
siis ka kui sunnib viimane tund
vastu mu silmi on taevas ja tähed
sina ja mina ning kõik mis ses sund

usu mu armastust vastu taevast
usu mu usaldust uskmatus
usta et selles lõputus vaevas
kõik mis on minus on armastus

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ

Я люблю тебя и буду любить
до последнего часа,
Пока надо мной небо и звезды,
Ты и я, все что вокруг.

Верь в мою любовь к небу,
Мое доверие к неверию,
Верь что в бесконечном страдании
Все это во мне — это любовь.

перевод В. Круглиной

HANNES VARBLANE

HÕOGAEG

aeg olnud on valge siis sinine
läbipõlenult-punamust
õhtu on õhtu on hiline
oh hõögaks ta õigustust

valu võtaks nii võitjalt kui võidetult
kaaliks lootust ja lohutust
ka neile kes valega võietult
kõiks lägevad halastust

ПЫЛАЮЩЕЕ ВРЕМЯ

Время за белым и синим временем
в черно-багровый выжжено цвет
вечер не дарит спасения
оx оправдания нет

как победителям так побежденным
дал бы надежды и боль уталил
и милосердие ложью сраженным
вняв мольбам их в могилы провал

перевод Т. Соколовой

ЛИТОВСКАЯ ТЕТРАДЬ

/цикл/

ЮРИЙ МАКУСИНСКИЙ

I

Дождем беспечным душу омывает
ночь белая. Да здравствует душа!
Мой друг Андрей в стаканы наливает
коньяк азербайджанский неспеша.

Мы говорим о творчестве, о бабах,
о деньгах и любви – тоскуем, пьем
и чувствуем, как в наших душах слабых
пылает ночь серебряным огнем.

Прощай, мой друг. Мне предстоит разлука
с возлюбленной. И встреча предстоит
с разлукою. Она такая сука!
Горит огнем серебряным, горит

в мозгу и в сердце. Допиваем жадно
бесчувственный коньяк, и друг Андрей
мне дарит взгляд задумчиво-прохладный
и молча провожает до дверей

безумия. Я начинаю хмуро
свой грешный путь. Будь прокляты грехи!
Они творят из слов литературу,
а из страстей – великие стихи,

и снова страсти. Душу омывает
беседа с другом. В серебре ночном
страсть растворяется – бледнеет, остывает.
И мы, быть может, снова жить начнем.

II

Я трезв как ночью шпиль Адмиралтейства,
и независим словно Татарстан,
но на лице – печать эпикурейства,
в глазах – печаль, в душе – сплошной дурман

и горькое предчувствие измены
ливонского правительства тебе,
Ингрэнманландия! Но что она изменит
в моей непредсказуемой судьбе?

Я пиво пью. Носильщик у вагона
напрасно ждет взаимности от нас,
его возлюбленных – по шумному перрону
Россия прет, не поднимая глаз

от серого асфальта. На санскрите
общается Европа между тем
с другой Европою – умытою и сытой,
и не находит с нею общих тем

для разговора. В окна, слюдяные
от копоти и грязи на душе
и стеклах, пробиваются иные –
вагонные события уже.

Все суетливо уточняют время
и расписание. Мы едем в тишине,
и коротаем ночи между темья
со спутниками милыми вполне.

III

Литва! Дремучая страна –
провинциальные ливонцы
слоняются под пыльным солнцем,
не понимая ни рожна
в Истории. Тому порукой
порядок в суете, и скука
монументальная во всем –
в оградах, зданиях, во взглядах
на жизнь, в движениях, в нарядах,
в цветах, ухоженных как надо,
в девичьих голосах, в парадах
по случаю того, что стадо
вдруг разродилось королем!

Литва, мне в имени твоём
величье слышится! У трона –
полуголодные бароны,
дельцы, поэты, пустозвоны,

политики, жидо-масоны,
великосветские болваны,
лесные братья-хулиганы,
пьянчуги, девушки-путаны...
Европа, стало быть! Содом.
Литва! Как много в этом звуке
для сердца русского тоски!
И рвется сердце на куски
от нашей пламенной разлуки.

IV

Безумный слог эпохи дураков -
обычный, но безудержный санскрит.
Он заставляет мыслить, он горит
на языке. Из темноты веков

он Вавилонской башнею торчит
во всех наречиях. У новых языков
душа многострадальна как Иов,
в санскрите мудрость Каина ворчит.

Убийственная карусель слогов
со странным переменчивым повтором
и душным, утомительным стихом

молитвенных мотивов, но богов
нет в языке. Он с ними не знаком,
искоемое заложено в другом
наречии. Но знать бы мне, в котором?

V

Я тоже был убит на поле брани
под Грюнвальдом, мне голову снесли
мечом ливонским, душу вознесли
на небо ангелы июльским утром ранним.

Я был великим грешником - блудил,
насиловал литовских хуторянок,
пил беспробудно, беспросветно жил
в грязи насилия, убийства, блуда, пьянок!

Я воевал. Я защищал свой дом
и спину друга, рухнувшего рядом

с копьем в груди. Мы умерли. Награда
нам на двоих – мы в рай вошли вдвоем.

VI

Янтарная женщина в городе Вильно
со мной обращалась изящно, но вольно.
Я пленником был в этом городе пыльном,
но завоевателем стал я невольню.

А город старался казаться мне стольным,
достойным внимания – гордым и сильным,
но я находил его просто крамольным,
не в меру заносчивым и сексапильным.

Любовник выносливый, даже – двужильный,
я спал с этим городом – в целом и порознь,
и радует глаз черноглазая поросль
в саксонской провинции – в городе Вильно.

Но мне отчего-то так грустно и больно,
что завоевателем стал я невольню...

Литва, С-Петербург,
июль-август, 1993 г.

ПУТИ - ДОРОГИ

ИРИНА КИВИМЯЭ

ВСЯКОЕ ДЫХАНИЕ СЛАВОСЛОВИТ БОГА...

Перед моим мысленным взором лежит туго скрученная в спираль асфальтовая лента дороги длиной в три с лишним тысячи километров. Такой непростой путь предстоит преодолеть мне с группой православных паломников по святым местам России. Эти августовские 8 дней оставили, я уверена, у каждого участника множество разнообразных впечатлений, начиная от восхищения архитектурными памятниками до личных открытий, затрагивающих тонкие струны духовной жизни.

В эти дни, а теперь уже надолго, нас соединяло православие. Когда-то, уже не помню на каком году жизни, по воле чьих-то добрых помыслов, посмотрев на мир со стороны, я удивилась неустойчивости человеческих конструкций, навороченных за эти тысячелетия на наши головы. Спросила, а был ли с нами Бог тот, о котором так много говорили небольшевики все эти тысячелетия. Был. И он не молчал. Со дня сотворения мира говорит он с нами то устами своего сына Христа, то жизнями и учениями многих святых, мучеников за веру, блаженных.

Так почему же он не может достучаться до нас сегодня? Наверное, мы слишком громко кричим или до безобразия часто бываем пьяны, или ему не пробиться сквозь стену лжи, окружающей нас. Мы, начиненные знаниями, ничего не знаем о нем, а чаще даже не хотим - он знает про нас все. Он вечен, мы, говорят, тоже.

А пока, перемещаясь в вечности по земным просторам, наш "Икарус", превратившийся за эти дни в родной дом, приблизился к городу Сергиев Посад. Известная на весь мир Троице-Сергиева лавра встретила нас ранним солнечным утром, синими в звездах куполами церквей, чистотой монастырских улиц, ранним безлюдием. Мы, как истинные паломники, поспешили приложиться к святым мощам Сергия Радонежского. С этого и начался наш долгий и нелегкий путь, насы-

ценный неожиданными встречами, долгими разговорами о религии, экскурсиями, утренними и вечерними литургиями, грустными расставаниями. Днем в лавре уже суетно. Много иностранцев с любопытными глазами, в которых один вопрос — ну, где тут святая Русь, всезнающие старцы, загадочные юродивые. Мы платим, а вы извольте продавать. И продаем...

Среди всего мирского, которое каждое утро вливается в монастырские ворота, — тихие незаметные монахи в черных одеждах с проникновенной речью, спокойным взглядом глаз, наполненных небесной мудростью.

За воротами лавры вокруг большой площади растянулись длинные ряды уличных торговцев с товарами. Ловят каждый взгляд и каждый кошелек. За этими рядами — проспект Красной Армии. На первый взгляд, случайное сочетание — Троице-Сергиева лавра на проспекте Красной Армии. А на второй, — намеренное. Такое же сосуществование, но только намного страшнее мы встретили в городе Сарове — там, где выпекается атомная бомба. Будем считать, что по чистой случайности эта атомная печь была построена на местах, связанных с народной памятью русского святого Серафима Саровского. Таких примеров можно набрать по Руси целый кузовок и больше.

В двух километрах от Сергиева Посада находится Черниговский скит. Уединенное от любопытных взглядов местечко. Молодой послушник рассказал нам об истории скита, провел в подвальное помещение церкви, позволил осмотреть узкие пещерки-кельи, в которых когда-то жили первые монахи. Скит восстанавливается. Восстанавливается и монастырский уклад жизни. Возрождение как пламенем охватило всю Россию. Этот сердечный огонь распространяется все шире. Его эпицентры сконцентрированы вокруг очагов православной веры и ее имен.

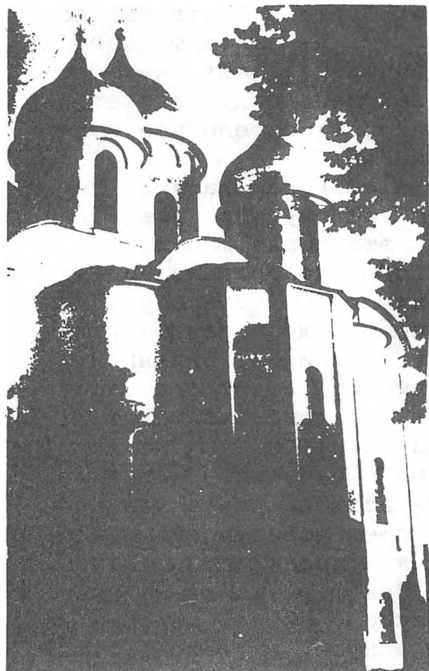
Длинные переезды, переносящие нас из одной точки в другую, давали возможность поразмышлять про себя, осмыслить увиденное и услышанное. Со всех сторон меня окружали откровения. Они порождали вопросы от мелких житейских до глобальных вселенских.

Вечер. Дорога остановилась. Раскаленная от заката дивеевская колокольня огненным знаком возвышалась перед нами. Закончилась вечерняя служба в Троицком кафедральном соборе. Серафимо-Дивеевский мо-

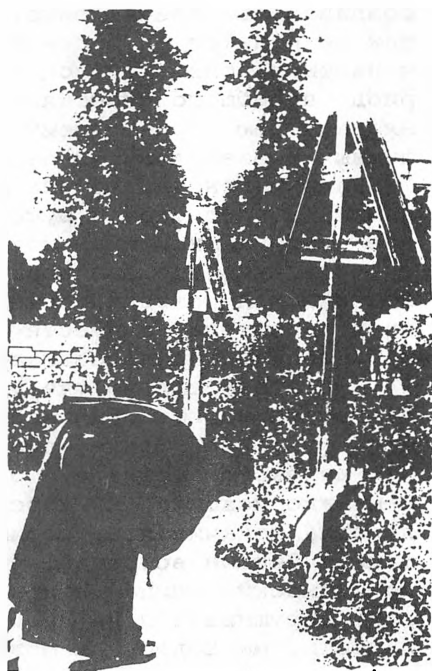
настырь постепенно окунался в ночь. Нас ожидал ужин среди слишком шумной толпы паломников и ночлег в монастырской, недавно отстроенной гостинице. Если ты записался добровольцем, делай как все. Петухи еще откашливались после сна, а мы уже шли в церковь. Утром все хрустальное вокруг: воздух, собор, голоса птиц и людей, дорожки, проложенные ровными линиями, цветы между ними, лица монашек, светящиеся тихой радостью. В них любовь к своему благодетелю Преподобному Серафиму Саровскому, а через него - к Богу. Здесь, в Троицком кафедральном соборе, покоятся мощи Преподобного.

Батюшка Серафим был прославлен в 1903 году. Это был большой духовный праздник для всей России. До 25-го года мощи находились в городе Сарове в монастыре, где возгорал в свое время в молитвенных подвигах старец Серафим. Затем разорение. Пустота. Все по сценарию. И только в 1990 году мощи святого были обретены вновь. Правда, нет уже Саровского монастыря, нет пустыnek, где молился в уединении Преподобный Серафим. На всем этом - крупный отпечаток армейского сапога. Но Бог спас эту девичью обитель. Народ говорит так: Богородициными молитвами спасена эта земля. По преданию здесь, немного в стороне от монастырской ограды, есть клочок земли, вокруг которого вьется обыкновенная тропинка и которому суждено сыграть великую роль в судьбе человечества. На этом месте явилась Серафиму сама Мать Божия. Пройдя по пути нынешней дорожки, она наказала Серафиму основать здесь девичью обитель. Далее сказывается, что в день, когда победит Антихрист, спасется только этот клочок земли. По тому месту, где касались ножки Богородицы, Преподобный Серафим вырыл канавку. Немного позднее по ее периметру были посажены деревья, которые и явились ориентиром в определении границ святой земли. Зарастала ли Богородицина канавка, как ее называют до сих пор, когда-нибудь - не знаю. Но знаю, что каждый посетивший обитель обязательно пройдет по ней, пошепчется со старцами-деревьями, оставит здесь свои сокровенные желанья. Говорят, сбываются.

Об истории Серафимо-Дивеевского монастыря можно рассказывать и рассказывать. Нам поведала с любовью о нем одна из сестер обители. Особенная теплота в ее голосе звучала в речах о батюшке Серафиме, и

НОВГОРОД. СОФИЙСКИЙ СОБОР.

СЕРАФИМО-ФИВЕЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ.
У МОГИЛ БЛАЖЕННЫХ.

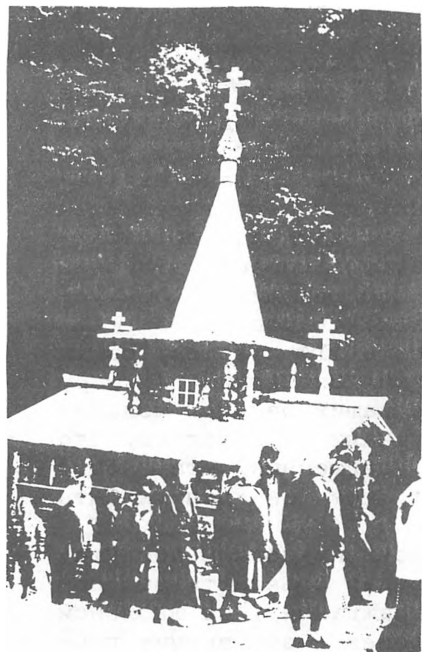
МЕСТНЫЕ ДЕТИ НА ИСТОЧНИКЕ АМВРОСИЯ.

создавалось впечатление, как будто он здесь, все так же молится за русскую землю. Переживает разгром монастыря, тихо переносит длительное забвение в период всеобщего счастья и, наконец, радуется сегодняшнему дню, приносящему к порогу обители все новых шумных и разноязычных паломников.

Наша маленькая группа тоже разговаривала на двух языках – эстонском и русском, потому что православие – это не национальность, это образ жизни. Надо сказать, что это был первый опыт по организации паломнической поездки, объединяющей не только русских одного прихода, а вместе с ними еще восемь человек из эстонских приходов Маарду, Таллинна, Вильянди.

А в это время мы уже удалились от города Сарова на несколько сот километров и приближались к Козельску. Все ближе ночь, а с нею и святые места из далекого прошлого, Оптиной Пустыни. И вот мы, немножко похожие на морских волков из-за длинной дороги, покачиваясь, стоим перед монастырскими воротами. Женщин встречает монах и провожает по ночным монастырским улицам в храм. Покой, таящийся за порогом, обрушивается на нас. Расположившись для сна на паперти, мы долго не можем уснуть, смущаясь, страшаясь и радуясь лицам святых, окружающих нас. Тихий свет струится от неугасимых лампад. То не наш дом, то дом Бога.

Оптина Пустынь отличается строгостью в уставе. Ранний подъем в 5 утра – и начинается на целый день работа, как душевная, так и физическая. У монастыря обширное подсобное хозяйство, в то же время монастырь восстанавливается и на его территории ведутся активные реставрационно-строительные работы. Надо сказать, что монастырь дает очень многим заработок. А вообще-то, несмотря на постоянную помощь паломников, рабочих рук не хватает. Здесь все работают. Во время обеда обязательное чтение жизнеописания святых. Так положено по уставу. Здесь за всех молятся, даже за тех, кто причиняет горе. Помните, в 1993 году в Оптиной во время службы были убиты два звонаря и один монах, оказавшиеся на пути убийцы. Монахи не сопротивляются насилию. Они как овцы. С ними так и поступил тот человек с кинжалом в руке, как с овцами. Но в Оптиной мы не почувствовали ни в одном слове даже намек на месть. Только прощение, покаяние, только тихая скорбь. Они знают,

У ИСТОЧНИКА ПРЕПОДОБНОГО
СЕРАФИМА САРОВСКОГО.

ДИВЕЕВО. НАШ СОБЕСЕДНИК.

ДИВЕЕВО. НА СВЯТОЙ КАНАВКЕ.

как тяжело прощать врагов. Научиться этому для нас кажется невозможным.

История монастыря хранит предание о покаявшемся атамане разбойников, которому пришло откровение обосновать в этих местах обитель. Город Козельск, где расположен монастырь, первый раз упоминается в летописи в 1146 году. Монастырь приобретает известность в 1720 году. 18 век был для него тяжелым, и лишь в конце века это местечко начинает обустриваться. Первые старцы прибывают в монастырь лишь в начале 19-го века. Для них, соблюдающих особые условия жизни, начинается закладка скитов.

За всю историю можно назвать 14 старцев, самым известным из них был Амвросий Оптинский (в миру Александр Гриньков). Во время наших бесед с монахами и послушниками мы много узнали. Оказалось, что старец - это не обязательно священник, это может быть и мирянин, и не значит, что он должен быть преклонных лет.

Институт старчества построен на полном послушании старцу. Что это такое? Трудно объяснить это понятие бывшему советскому гражданину, со школьной скамьи зазубрившему, что человек - это звучит гордо. А гордыня и православие - понятия несовместимые. Позволю себе привести пример из одной книги о жизни монахов на святой горе Афон. Во время беседы старца с посетителем в келью вошел послушник, спросил, что ему делать. Старец велел полить дерево. Через некоторое время послушник вернулся и повторил свой вопрос. Старец велел полить следующее дерево. Перед кельей был небольшой сад. Послушание ... непостижимая станция.

В Оптиной Пустыне с необыкновенной силой чувствуется работа по духовному восстановлению. Она не видна физически, это не кладка кирпичей. Эта сила никогда не исчезала, даже тогда, когда погиб на Соловках последний старец, когда планомерно в течение десятилетий пытались уничтожить монастырь. Может быть, именно она сохранила его для Руси. В 1988 году монастырь был передан церкви. Во время празднования передачи шесть часов мироточили чудотворные иконы.

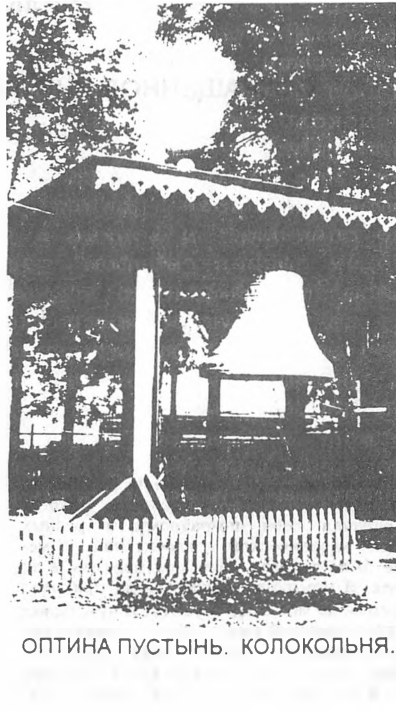
Введенскому собору, где мы простояли столько часов на службах и в разговорах с безотказным старцем Илией, - 300 лет. Мы были там коротких два дня, а мне показалось - все эти 300 лет. И так же негромко

в гармонии с Богом пел церковный хор, и таким же родным казался голос, произносящий "Мир всем!"

Из Оптиной лента дороги начала раскручиваться в сторону дома. Путь наш пролегал еще через одну российскую святыню - Новгород.

ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ЛАВРА.
ПОЛОМНИК.

ОПТИНА ПУСТЫНЬ. КОЛОКОЛЬНЯ.

К сожалению, оставалось не так много времени на обратный путь. Надо было спешить в плен мирских забот, суеты, проблем. Но я знаю, что среди этой толкотни еще долго-долго будет жить островок любви и добра, так щедро подаренный мне православием.

ЗДРАВСТВУЙТЕ

ЮРИС ПОДНИЕКС

ЯЗЫК СУДЬБЫ

(СОКРАЩЕННОЕ ИНТЕРВЬЮ АСИ КОЛОДИЖНЕР)

— Ты верующий?

— У меня свои отношения с Богом. Хотя, наверно, глупо так говорить. Никогда не ощущал себя по-разному в разных церквях: католической, православной... У меня не было такого — это моя церковь, а то не моя. Я помню в детстве, когда приходил в церковь, не мог в ней шуметь. Я чувствовал там вертикальный выход. Хотя ритуал, сама ортодоксальность церкви меня конфузят. Я могу молиться, только когда остаюсь один. В церкви или лучше в сосновом лесу. Рядом с другими не могу отключиться, получить наслаждение от молитвы... Не могу отрезонировать. Может быть, мешает искусственность или что-то еще... Я настороженно отношусь к лживым интонациям, быстро это чувствую. Когда что-то сыграно, а должно быть настоящим, появляется неудобство от происходящего. Я сразу становлюсь не Подниеком, а оператором. И я это снимаю. Если нет этой игры, я не оператор, а соучастник.

— Закончив «Крестный путь», что ты собирался делать дальше?

— Я в декабре вернулся с фестиваля в Амстердаме и сказал себе: «Все, мне сорок лет, я делаю, наконец, перерыв, который обещал себе пять лет». У меня не было отпуска с 1986 года. Я решил остановиться.

не знаю, на три, на шесть месяцев и писат наконец, «Иосифа» (по пьесе Райниса роману Т. Манна «Иосиф и его братья».)

Я думал, что могу чем-то помочь людям, помочь и здесь, и в Прибалтике увидеть руку этого зверя системы, которая манипулирует нами. Это как космические рисунки — ты идешь по земле и не замечаешь их, они видны только с высоты. Мне казалось, что на картине «Мы» я взлетел и увидел эти знаки. После событий в Латвии все вплоть до моей супруги, моих друзей говорили: «Картина у тебя хорошая, но Латвия сейчас уже не

такая». И отвечал: «Послушайте, в чем дело?» Я понимал, это такая странная картина, эмоционально она будоражит, но люди политизировались и прожили конкретный отрезок времени уже после того, что происходило в фильме. Конечно, для латышской эпизоды о Латвии казались устаревшими, а Чернобыль и Армения им были интересны. То же и для армян, им казалось устаревшим то, что снято в Армении, и интересно в Латвии. И так со всеми. Конечно, я не мог успеть за временем.

— Твой фильм «Мы» закупили все крупнейшие телекомпании мира. Чем, по-твоему, объясняется такой интерес?

— Мы же соединенные сосуды — весь земной шар. Эта картина важна и для американцев, и для англичан. Я понял, что в Англии с ее условной демократией люди воспитаны так же, как овцы. Воспитывать таких ведомых стадных существ удобно для любого общества: демократического, недемократического, условно демократического, тоталитарного. Вообще легко управлять государством, если оно состоит из овец. Послал хорошего козла, он поблеял, и все пошло, куда надо. А экспериментатор стоит и наблюдает за всем этим: как выживут или не выживут? На Западе поняли, почувствовали эмоционально, что движение, называемое Перестройкой, — распад жестокого, тоталитарного, но все-таки общества — это и угроза им. Они до сих пор за нами наблюдают не потому, что мы — атомная держава... В их обществе тоже не все в порядке, им тоже надо что-то менять. Мы первые начали. Это не просто холодное внимание мира — это жизненный интерес. Они сидят в удобном кресле, мы сидим на табуретке, и недаром мы стали быстрее уставать... Но они тоже чувствуют, что им нужно двинуться, как-то измениться. В XXI веке все мы должны стать другими. Нельзя же закапывать масло в землю, зная, что где-то умирают от голода люди. Это противоестественно, это ненормальность общества, мирового общества. Я почему хотел снимать «Иосифа»... Я как раз хотел сделать его Мессией, которого не понимают и убивают. Ведь если бы сегодня появился новый Христос, мы бы его забили быстрее, чем старого. Мы стали понимать еще меньше за эти 2000 лет, сделались более жестокими и отчужденными.

Я монтировал в Англии год и даже больше, но все время рвался сюда. Англичане говорили: «Это сумасшедший режиссер, который улетел снимать, тратя наши деньги, хотя у него идет под конец монтаж». Спасало дело то, что Ричард (Крейзи — английский партнер Ю. Подниекса.— А. К.) понимал, что я не просто так скачу. Я сходил с ума, когда в Англии или еще где-то в мире

видел по телевизору то, что происходит в Союзе. Тогда же произошли события в Китае. Англичане как будто жили этим два дня, но на третий день собака укусила английского ребенка и во всех английских пабах тотчас же забыли, что в Китае расстреляли людей. Вся Англия в этот день обсуждала, надо ли застрелить собаку или не надо, потому что собака все-таки существо, очень близкое английской ментальности. Большинство людей там живет узкоконтинентальным мышлением. Горбачев приблизил нас к ним. Он их поразил своей энергией. Я даже хотел снять о нем картину.

— У тебя неоднозначное отношение к нему?

— Я не из тех режиссеров, которые снимают любя. Я снимаю, сомневаясь. Поэтому он мне и интересен. Ведь когда однозначное отношение, тогда и картину снимать ни к чему. Но я боялся, что он своей энергетикой повлияет на меня и я не смогу усомниться. Мне неудобно будет после того, как он мне, скажем, доверится... Я допускал эту возможность и в снах уже видел такую картину. Я иногда не иду на контакт с каким-либо человеком, потому что, если между нами возникает доверительное общение, я обязан перед ним, я уже не свободен. Может, это ограниченность моя, как советского человека...

— Ты ощущаешь себя советским человеком?

— Какие-то рудименты безусловно во мне остались, я же дитя этой системы, особенно без камеры. Я не свободен, как люди на Западе, я могу быть скованным.

Картина — это всегда постскрипум жизни. Если ты не сказал человеку о своем несогласии с ним, а потом показал его в картине, — это подвох. Повстречавшись с человеком, ты берешь на себя какую-то обязанность. Мы общались, доверились друг другу...

Я понимаю Шеварднадзе, его поступок, когда он предупредил о готовящемся заговоре. Я не знаю, говорил ли он с Горбачевым. Потому что если нет, то это мужественный, но некорректный поступок. Вот если бы они не общались, тогда это было бы нормально. Но если люди в одной команде, то сначала нужно сказать тет-а-тет. Я ненавижу, когда делается подвох. Это грязно очень. Это грех (шепотом.— А. К.).

— Не кажется ли тебе, что зло, с которым мы боролись в этой стране, осталось, оно лишь стало по-другому называться?

— Начнем с того, что добро и зло — две половинки души. Это проблема маятника, который, ожегшись на одной крайней точке движения, отлетает к другой. Крайние радикалы сходятся с крайними интерфронтовцами. Мы как бы шли к этой прекрасной

морковке — коммунизму, но мы не продвигались по этому пути, поскольку перебежали с одного края канавы на другой, что характерно для нас и сегодня. Так будет, пока мы не поймем, что есть ценность среднего пути. От качания этого маятника люди стали сумасшедшими. Самое страшное не то, что происходит с нашим обществом, а с каждым конкретным человеком. Какие он переживает колебания маятника!

Это удивительно, что люди еще выдерживают это, не сходят с ума, не умирают от инфарктов и инсультов. Очень трудно сегодня поверить тому, что стоит жить. Я как раз говорил с Андреем Дмитриевичем Сахаровым, что сегодня, в конце XX века, очень сложно доказать себе, что стоит жить. Мир обратил нас в винтики. Наше существование абсолютно вегетативно, и если с этим согласиться, то лучше умереть, не родившись. Самое трудное доказать себе, что ты не винтик и можешь что-то поменять в этом мире в лучшую сторону, как-то повлиять на него. Человеку, который не думает, конечно, легче. Я снимал в сумасшедшем доме и видел людей, которые отличаются от нас тем, что у них не хватает пяти граммов йода в сером веществе. Эти пять граммов отделяют нас от полного безумия. Я думал, что люди там более счастливы. Любое устройство, будь то комната с решетками, палата, устраивает их, у них все в порядке, они не конфликтуют с миром, он для них идеален, и себя они ощущают идеальными для него.

— Ты встречался со многими яркими людьми. Какая встреча произвела на тебя особенно сильное впечатление, что-то изменила в твоей жизни?

— Я познакомился со знаменитым филиппинским врачом доктором Гутierrezом и видел, как он делает свои операции. Это был жуткий шок для меня. Правда, как всегда, спало, что я смотрел через камеру. Он вошел пальцами в тело, была какая-то кровь, рана, а потом она закрылась, и след исчез. Но еще больше меня поразила разговор с ним о том, что в каждом человеке должна быть какая-то главная идея, может быть, неосознанная, но она, как морковка перед ослом, должна привести его к цели. Если такая идея есть у человека, все равно — идея Боголюбия, или идея убийства, или благодеяния, или особой миссии, — то какими бы путями он ни шел, она приведет его к этой точке. Это то же, что комната у Тарковского. Эта идея давным-давно существовала в Индии. И я стал думать, куда же я иду, и задавал этот вечный вопрос себе и своим героям, или, точнее, людям, с которыми я встречался, странно называть их героями. Кто же мы и куда держим путь? Я знаю, что все равно придут. Сегодня я не могу сказать тебе рационально,

что есть моя морковка. Я верю в этот человеческий заряд, верю, что он не может погаснуть, и потому я очень легко поверил и согласился с перерождением человека в следующих жизнях. Энергетику нельзя погасить. Мы проходим жизненный путь, шлифуя себя, свой дух. Я — христианин и понимаю, что я Богом созданный человек. Нельзя погасить то, что Бог во мне заложил. Я понял, что, думая о людях, можно лечить, помогать и оберегать.

— Твои фильмы заставляют всех думать о тех точках, где что-то происходит, о людях, которые страдают... Это ведь началось с «Созвездия стрелков»?

На мне чисто личностная правда людей, с которыми я общаюсь. Я думаю, что только на этом уровне можно делать кино, это становится крестом, ношей, от которой я не имею права освободиться. Не могу быть застреленным, убитым. Мне надо понести это на ту самую точку. А может, я все это придумал, чтобы не стать монахом в горах. Может, я нашел себе другое применение вместо того, чтобы стать монахом и молиться.

— Ты мог бы стать монахом?

— У меня есть склонность к размышлению и созерцанию... И я мог бы доказать себе это, найти самооправдание. И убийца, и наивный студент ищут оправдание и успокоение своей совести.

Мое оправдание — это кино, а мой истинный путь... может, и быть отшельником, молящимся за всех. Но я свой выбор сделал. Для меня кино — это язык судьбы.

— Тебе ведь, наверное, не раз предлагали заняться политикой? Не хотелось попробовать себя на этом поприще?

— Я встречал много разных политиков. Очень жалко их всех. На этом пути ты никогда не можешь быть самим собой. Ты не можешь быть до конца откровенным. Не идешь к своей точке, а должен идти к какой-то другой, вынесенной судьбой народа, идеологией... Но это не твоя точка.

Мне политики интересны, они меня удивляют, но я никогда не хотел бы заниматься этим сам. Хотя мне, конечно, предлагали... Мне было очень интересно с Борисом Николаевичем. Я к нему подошел, когда его выпихнули на XIX партконференции и никто не хотел с ним говорить. Он был просто политическим трупом. Я увидел тогда в нем человека. Конечно, сумасброд, что-то в нем от сибирского медведя. Он такой прямолинейный мужик, но человек. И после этого, что бы мне про него ни рассказывали, что бы с ним ни случилось, меня тянуло к нему. Потому что я видел, каким он был два дня: до партконференции и после. Я еще подумал тогда: «Из-за чего такая

драма? Из-за борьбы за правду? Или желания обрести себя в кресле, в политике?» И мне его жалко, когда он мучается в Карабахе или еще где-то, когда он играет Президента. Он есть президент, он может быть даже царем. Но для меня он навсегда остался таким сибирским медведем, который в погоне за медом может и сосну свалить.

Был момент, когда я возненавидел Горбачева... И мне жутко жалко его сегодня.

— А твои встречи с Сахаровым?

— Я очень долго ждал встречи с ним. Я попал к нему, когда еще надо было пробираться, зная, что КГБ за ним следит. Я его не снимал, мы просто говорили. Он есть Будда для меня, одновременно и ребенок и старик. Он очень чувственно, мгновенно реагировал на любую перемену в мире, на любой подлог. Ощущал искусственность и естественность происходящего, и в этом мы были с ним родственные души. Мне очень легко было с ним. Но, конечно, никогда не ставил себя на его уровень. Мне было очень важно спросить у него, как он ломал свою судьбу, когда в конце шестидесятых ушел в диссидентство. Может, он опрандывал себя за то, что создал бомбу... И ушел совсем в противоположную сторону. Что творится с энергетикой человека, как претворяется замысел Бога в его судьбе, как судьба играет с ним, чтобы его все-таки возвысить, в какие перипетии бросает, чтобы сделать мудрее. Насколько человек заворачивается от этого... Как ему нравится не учиться, не делать выводов. Это всегда очень интересно понять и про себя, и про других, особенно если сталкиваешься с такой личностью, как Сахаров.

— Тебя изменила твоя профессия?

— Ну, естественно, она меня сделала. помогла понять себя. Мы рождаемся, проходим через испытания и умираем, чтобы понять свое истинное предназначение. И это относится не только к определенному человеку, но и к народу. Может быть, есть какие-то грехи, и поэтому кровь в январе и вообще все то, что мы переживаем... Я думаю, что-то не в порядке со всеми нами. Все эти испытания, чтобы сделать нас зрячими, мудрыми, понять свою вертикаль.

— Ты не чувствуешь себя опустошенным?

— Это испытание, которое мы переживаем, эти эмоции не дают нам расслабиться, пожить вольготно. Наверное, художники не имеют на это права. Ты не можешь дать волю слезам, смеху, чтобы не опустошиться...

Понимаешь, в жизни есть какие-то вещи, какие-то ощущения, которые в тебе остаются. Просто они как бы выстраиваются. Ты проходишь мимо тысячи лиц, а четыре лица запоминаешь. Проходишь через лес идей, а какие-то идеи в тебе остаются. Я помню такой диалог, я его пересказываю, и я его ощущаю, как будто сам при этом при-

существовал. Диалог с Микеланджело, записанный его современником. Он как-то стоял на углу улицы во Флоренции и встретил двух своих друзей. Он был уже известным скульптором, художником. Они заговорили об искусстве. Там была одна тема, которая очень близка мне. Они обсуждали какую-то тонкость. Друзья сказали Микеланджело: «Слушай, ну что мы тут стоим, как бедные люди. Пойдем к нам, сядем, поговорим, мы тебя очень любим и хотим с тобой пообщаться». Он ответил: «Я не могу идти, потому что я настолько вас люблю, что если мы будем общаться, я вам отдам всего себя. После этого я просто не смогу творить». Они ответили: «Мы тебя тоже любим и завтра придем к тебе и тоже отдадим тебе себя, тебе это возместится». Он отвечал: «Это невозможно возместить». «Но какой же смысл,— спрашивали они,— ты же знаешь, ты сделал фантастические работы. Что тебе еще надо? Ты можешь насладиться славой, богатством. Что двигает тобой?» «Есть только один двигатель для человека — это мысль о смерти». И эта мысль — главный двигатель для меня, потому что, когда я осознаю конечность своего пути, во мне зарождается желание до этого что-нибудь совершить. Эти две идеи — сдерживание эмоций и мысль о смерти — они во мне, я с ними разговариваю. Может быть, какие-то такие вещи и выстраивают человека, его способность сформулировать себя. Я понял, что у меня остается только этот язык судьбы — кино, и вряд ли я сумею что-нибудь изменить. Хотя идея изменения своей судьбы очень любопытна! Я когда-то хотел снять картину о сорокалетних-пятидесятилетних, которые в эти годы принимают кардинальные решения и изменяют свою жизнь. Наверное, в мужчинах это заложено больше: то ли это поиск новой любви, новой молодости, то ли с годами потерянного чувства гончей собаки, лошади на полном галопе, того, что мы со временем теряем, обрастая кожей рутины. И вдруг после сорока в человеке появляется мысль — «нельзя же так уйти, не стоит умирать, как уставшая лошадь». И вот тогда он делает поворот в своей жизни... Я помню, как встретил директора студии, которого выгнали, и он сказал, что он теперь доцент физики. Он все прошел за три года. Когда он показал, сколько книг он прочитал... Это было как запах свободы. Ему необходимо было изменить себя, чтобы не умереть, как загнанная лошадь. Пока я спасаюсь тем, что стараюсь сдирать с себя эту кожу рутины.

— У тебя много друзей?

— Понимаешь, очень мало друзей в мире, и это нормально. Я так говорю не потому, что ставлю себя высоко. Но недаром считают, что родственные души встречаются только в литературе. Они, наверное, встре-

чаются и в жизни, но очень редко. Не в национальном или интеллектуальном плане, а как у Воннегута. У него есть такое понятие — люди твоего караса. Но это нечастые встречи. Они — богоугодные явления. Расши-

рение мира. Я забываю, где нахожусь — в Шотландии, Америке или под Ригой, если встречаю такого человека. Пропадает уровень обычного мышления. И остаются глаза, мысли...

"ИСКУССТВО КИНО", 2/1993.

ПРОСТРАНСТВО
И
ВРЕМЯ
ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

ЛЕВ ГУМИЛЕВ

Представим себе на минуту все историко-культурное пространство-время человечества, известное нам в глобально-географическом облике. Тогда материка, острова, архипелаги, хребты, равнины и нагорья европейско-азиатских цивилизаций, которые знакомы нам со школьной скамьи,— Египет, библейские государства Ближнего Востока и Междуречья, Греция, Рим, Иран, Византия, Индия, Китай — предстанут омываемыми огромным морем Евразийской Степи с дрейфующими в ней Скифией, Сарматией, Хунну, Тюркским Каганатом, Хазарией, уйгурами, аланами, половцами, аvaraми, кыргызами, киданями... Монголами.

Монголия — сердце Великой степи. Великая степь — фон всей исторической судьбы Монголии. Нельзя понять закономерности развития монгольского народа и государства, монгольской культуры и искусства, не рассматривая их во взаимосвязи с динамическими процессами развития всего степного региона как целого.

Уникальной особенностью Великой степи как феномена мирового исторического процесса, всегда представавшей нерешенной загадкой, является пульсирующий, метаморфический ее облик, цикличность и крайность состояний: от олицетворения пустоты и безлюдности до воплощения избытка жизненной стихии в самых ее животворно-биологических проявлениях. И для оседлых цивилизаций древности, и для первооткрывателей позднего средневековья и Возрождения, ученых нового времени и исследователей нашего столетия этно-гео-историко-культурный облик этого региона предстал то нерасчлененным монолитом, поразительной по однородности структуры целостностью [Орда-Степь], для которой не находилось единиц счета и измерения, то бесконечной множественностью монад — этнических, хозяйственных, культурных, ландшафтно-климатических, замкнутых, ни внешне, ни внутренне не связанных, для которых принципиально невозможно никакое обобщающее мерило.

Славянские народы искони соседствовали с народами Степи. Российское государство и Великая степь всегда были глубоко взаимопроникнуты и естественно связаны друг с другом. Вклад России в освоение и изучение этого региона велик и особенен. Русские казаки-землепроходцы и служилые люди открыли и освоили северные окраины Великой степи от Каспия до Тихого океана, тем самым наметив ее дотоле неведомые границы, дали представление о ней как о четко очерченной географической реальности.

С 20—40-х годов нашего столетия открывается новый этап исследования Великой степи. Достижения исторической географии и климатологии в исследовании Евразийского континента, полученные в результате применения методов точных наук и современной техники, приложение естественнонаучных принципов исследования непосредственно к изучению процессов этногенеза кочевых народов, обобщение огромного этнографического опыта исследований культуры и быта десятков народностей Центральной Азии и Монголии — все это дало основу для системного подхода к изучению региона как историко-этно-гео-культурной целостности.

Системный подход, не отвергая накопленных достижений отдельных дисциплин — этнографии, социологии, географии, хозяйственно-экономической истории, — дает возможность получить еще более полное, всестороннее представление о регионе как целом, и прежде всего, что нам кажется особенно важным, о его культурно-художественных процессах. Исходя из этого, мы пред-

лагаем читателю (в самых общих чертах) ознакомиться с феноменом Великой степи, в аспекте системного подхода, приоритет в котором принадлежит отечественным исследователям.

Лев Николаевич Гумилев, доктор исторических наук, профессор ЛГУ.

— Ни об одном историческом явлении не существует столько превратных мнений, как о создании монгольского улуса в XIII веке. Да и как быть ученым спокойными?! Вдумаемся: в Монголии в начале века жило около 700 тысяч человек, раздробленных на племена. В Китае -- 80 миллионов, в Хорезмском султанате около 20, в Восточной Европе -- 8 миллионов жителей. Если при таких соотношениях монголы легко одерживали победы, то ясно, но крайней мере, что сопротивление было исключительно слабым. Действительно, XIII век -- это кризис феодализма во всем мире, и монголы использовали обстановку. А им, как и гуннам приписали исключительную жестокость, кровожадность и стрем-

Древнетюркские
изваяния.
VII век

ление завоевать весь мир. Вопрос о походе Батия в Европу слишком сложен, чтобы разбирать его здесь. Мнения историков расходятся. Отметим лишь, что Карамзин, Соловьев, Платонов, а из советских историков Покровский и Насонов отмечают как раз отсутствие «национальной» вражды монголов с русскими. Основой для предвзятого мнения служат антимонгольские пасквили XIV века, доверчивые историки приняли их за истину. Вражда началась лишь с XIV века, когда монголы-мигранты растворились в массе поволжских народов-мусульман, то есть через 100 лет после смерти Батия. А это уже часть российской истории, и не о ней идет сейчас речь.

Итак, постоянная смена народов — удел Евразийской степи средних веков, пока она не стала сельскохозяйственной нашей. Гибель одних народов возмещалась возникновением других, и эта смена зависела от экологических условий. Каков же механизм взаимодействия человека и природы в Степи?

— Кочевая культура, как и любая другая — часть биосферы, оболочки Земли, в которую входят все люди и животные, пока они живы, а также продукты жизнедеятельности живых организмов. Да и сама биосфера — понятие отнюдь не только биологическое, но и географическое тоже. Главным фактором является включенность в геобиоценоз аридной зоны, то есть включенность в живую среду пространства засушливой степи. Численность населения кочевников определялась количеством пищи, то есть скота, что в свою очередь лимитировалось площадью пастбищных угодий. Посмотрите, за весь двухтысячелетний период население степных пространств было в пределах довольно жестко нормированных: от 300 тысяч в хунское время и до 1300 тысяч в эпоху расцвета монгольского улуса, когда хлеб привозили из Китая. Цифры выше этой мы не имеем.

— Значит есть экономические пределы пространства, то есть экологическая емкость, в которой какое-то место занимает хозяйство кочевника и он сам, а какое-то животный и растительный мир, геология места, ресурсы и прочее. И то, что вы рассказали о судьбах трех народов в три геоклиматические фазы истории земли свидетельствует, что экологическая емкость ландшафта играет определяющую роль в зарождении и распространении народов — иными словами этногенеза. Но в чем суть этногенеза? И какова роль этногенеза в истории?

— Эта роль очень значительна, в определенном смысле вся история есть результат процесса этногенеза. До сих пор, однако, исторические исследования обычно вообще не учитывают этого фактора. Но чтобы понять, что такое этногенез, необходимо выяснить, что такое этнос.

— Поскольку у нас уже много написано об этом, я попробую кратко изложить это понятие, на основе ваших работ.

Этнос — статичное состояние, — вы подчеркиваете динамический характер процесса сложения каждого народа.

Этнос — это система в динамическом становлении, отличающая себя от всех прочих аналогичных коллективов, имеющая свою особую внутреннюю структуру и оригинальный стереотип поведения.

В этносах осуществляется взаимодействие природной среды с производственной деятельностью, и вообще со всей материальной и духовной культурой.

Этнос не арифметическая сумма людей, с наличием социального строя и техникой, а, если можно так сказать, часть атмосферы географической оболочки планеты, то есть в какой-то мере явление биогеографическое, а не чисто историко-социальное. В процессе этногенеза соприцуются, разумеется, и социальные компоненты, но не с них надо выяснять его природу, ведь никогда никто не пытался истолковать в социальном аспекте гравитацию или электропроводимость.

Что ж, в общем верно. Я продолжу. В географическом аспекте этнос в момент возникновения представляет собой группу сходных особей, которая приспособила определенный ландшафтный регион к своим потребностям, но и одновременно сама

приспособилась к нему. Тут очень важен момент обратной связи в процессе. Для поддержания достигнутого этноландшафтного равновесия необходимо, чтобы потомки повторяли деяния предков, хотя бы по отношению к окружающей природе. В исторической науке это называется традицией. Ее можно рассматривать и в социальном аспекте: как нечто застойное, консервативное, и в биологическом. Было бы неверным считать этнос популяцией, которая представляет собой скопление в каком-то регионе особей одного вида — взгляд, который нередко мне приписывают. Без социальной структуры, производственных отношений и культурных традиций этнос существовать не может. Эти обязательные компоненты существования и ограничивают этносы друг от друга. Так, две биологические популяции в одном ареале сливаются воедино, а два этноса существуют веками, не сливаясь, часто без столкновений, путем взаимной изоляции, достигаемой нормализацией брачных и других законов и обычаев. Этнос явление не биологическое и не социальное, а, как говорят социологи, пограничное, маргинальное, то есть лежащее на границе социосферы и биосферы. Начавшись с гомеостаза, с динамического равновесия предыдущего процесса, через вспышку рождения этнос возвращается к застыванию, оставив на земле после себя памятники культуры. Теперь можно перейти и к этногенезу.

— Что же такое этногенез?

— Этногенез — процесс становления этноса, он направлен по ходу времени и необратим. Это процесс, постоянно существующий в природе и истории, и этнология, его изучающая, следуя природе вещей, исследует как предмет все человечество со всем его багажом, включая технику, домашних животных и культурные растения.

— Есть ли какой-то масштаб измерения этносов и этногенеза?

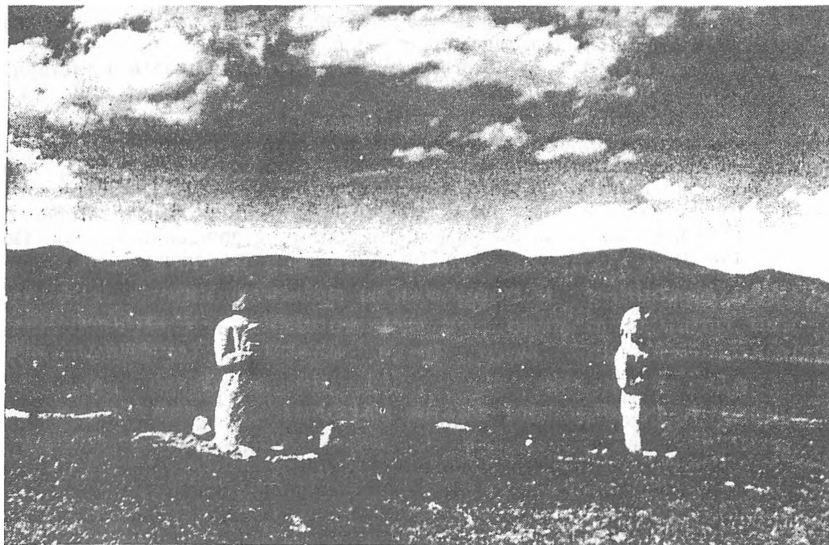
— Основные этнические подразделения следующие. Крупнейшей после человечества единицей является суперэтнос — группа этносов, как хунны или турки, возникшая одновременно в одном регионе и проявляющая себя в истории как мозаичная целостность. На уровне суперэтноса, например в XIII веке, мусульмане (араб, перс, туркмен, бербер) были между собой ближе, чем к членам западнохристианского суперэтноса — «франкам», как называли всех католиков на Востоке. С другой стороны, француз, кастилец, шотландец, швед в XIII веке были ближе между собой относительно мусульман или православных. Таким же суперэтносом была и Евразийская Степь. Следующее подразделение и основная единица этногенеза — этнос, большая замкнутая система с динамическим стереотипным поведением, меняющегося по законам фаз этногенеза. Субэтнос — элемент структуры этноса. Единицы меньшие: консорции — группа людей, объединенных одной исторической судьбой, и конвексии — группа людей, объединенных однохарактерным бытом и семейными связями, входящая в ядро этноса. Вся эта систематика пригодна прежде всего для целей, которые ставит перед собой этнолог, а не, скажем, историк. И еще один очень важный момент.

Этногенез — это цикл становления этноса, например, хуннов от момента возникновения до исчезновения. Однако это не значит, что этнос — продукт случайного сочетания биогеогра-

фического и социального факторов, вовсе нет! Схема развития всех этносов одинакова: подъем, расцвет, инерционная фаза и распад. На примере со Степью вы видели, что этническое развитие не прямая, не плавная синусоида, а неправильная кривая, резко поднимающаяся в начальной фазе. Затем идет длинный плавный спад. Причина, порождающая взлет и спад напряжения такого этнического поля, называется пассионарностью. Следовательно, мы можем классифицировать этносы по степени повышения его напряженности и падения. Если можно так выразиться, пусковой момент этногенеза нового сообщества можно считать подобием толчка, сообщившего этносистеме инерцию, утрачиваемую постепенно от сопротивления среды.

— В чем же содержание понятия пассионарности? Это состояние людей или определенные обстоятельства, при которых зарождается этнос?

— На уровне психологическом пассионарность — это поведенческая доминанта, это непреодолимое внутреннее стремление человека к деятельности, часто вопреки внешним воздействиям, пассионарность человека проявляется в делах и она исключает «равнодушие». На уровне глобально-природном пассионарность — это эффект энергии живого вещества биосферы, они-

санный еще Вернадским. Это явление хорошо изучено в генетике.

— Как же внешне проявляется пассионарность? Есть какой-то способ ее учета?

— То, что я скажу, следует понимать в границах модели. Неосознанная тяга людей определенного склада друг к другу это уже зародыш этноса. Такая тяга есть всегда, но когда усиливается пассионарным, то есть жизненным напряжением, жаж-

дой активности, то для возникновения традиции нового этноса создается необходимая предпосылка. А что влечет людей друг к другу? Вряд ли сознательный расчет и стремление к выгоде. Ведь первое поколение пассионарного взрыва сталкивается с огромными трудностями, они ломают устоявшиеся взаимоотношения. Это дело рискованное, и далеко не всегда первое поколение (т. е. пассионариев) доживает до старости. Это и по принцип социальной близости, потому что новый этнос уничтожает социальные институты старого. Когда человек становится составной частью нового этноса в момент его становления, он деэтнизируется по отношению к старому. Я называю этот принцип предрасположенности комплиментарностью, люди как бы симпатичны друг другу вначале. Это как брак по любви.

Пассионарность присутствует во всех этногенетических процессах, и это создает возможность этнологических сопоставлений в глобальных масштабах. Кривая проявления пассионарности непохожа ни на линию прогресса производительных сил, ни повторяющуюся циклоидную кривую биологического развития. При мутациях даже в ограниченных ареалах при контрастности ландшафта возникает новый тип людей, для начала — консорция, которая при благоприятном стечении обстоятельств вырастает в этнос. Пассионарность членов консорции обязательное условие такого перерастания. В этом механизме — биологический смысл этногенеза, но он не подменяет и не исключает социальных закономерностей развития.

— Ну а в действительности, а точнее сказать в истории, все так и происходило?

-- Именно так зарождалось в сосновых борах Опопа племя монголов. Также рождались наши старые знакомые викинги, осевшие в Шотландии, Ирландии, Исландии и Америке, профессиональные общины ранних христиан, первые фанатикомусульмане, волчье племя квиритов на семи холмах на берегу Тибра, ставших затем римлянами. Момент рождения краток. Появившийся на свет коллектив должен быстро сложиться в прочную структуру с разделением функций между членами. Иначе его уничтожат соседи. Для самосохранения он быстро вырабатывает социальные институты, характер которых в каждом отдельном случае обусловлен обстоятельствами места (географическая и этнографическая среда), временем (формация развития человечества), формами хозяйства, техники. Именно потребность в самоутверждении обеспечивает быстрый рост системы. Силы же для развития ее черпаются в повышенной активности — пассионарности первого поколения. Затем идет инерция развития, вследствие чего затухание, исчезновение этноса значительно длиннее начала. Даже при снижении жизнедеятельности этноса ниже оптимального социальные институты продолжают существовать, иногда надолго переживая создавший их этнос. Так, римское право прижилося в Европе, когда Рим уже стал воспоминанием. Истории этноса предшествует инкубационный период. Зарождение этноса образуется на стыке ландшафтных регионов, как правило, на территории с сочетанием 2-х и более ландшафтов. Так было и в Европе, и в Африке, и в Азии. На стыке степи и леса родились монголы, Волги и полупустыни — хазары. Тюрки, литовцы, русские, казахи, поляки также явились на свет на стыке ландшафтных зон.

— Вы говорите, что процесс возникновения, становления и угасания этноса цикличен. Он имеет начало и конец. В то же время мы знаем, что развитие мирового исторического процесса имеет спиралеобразный характер. Не находится ли ваша циклическая модель этногенеза в противоречии со спиралеобразной моделью развития всемирно-исторического процесса?

— Несколько. Не надо забывать, что и цикличность и спиралеобразность — это понятия, обозначающие модели реальных процессов. Цикличность жизни этноса не означает, что люди вообще не остаются, когда этнос угасает как образование, ассимилируясь в другом этносе, меняя место, оп тем самым осуществляет непрерывность этногенеза. Распад семьи ведь не означает обязательно прекращение жизни ее членов, зачастую он становится началом образования новых семей. Всемирно-исторический процесс, будучи спиралеобразным, то есть непрерывным, при этом состоит из целого ряда циклических явлений, имеющих начало и конец; множество государств и государственных образований возникло и исчезало, но сам процесс при этом продолжается. Так что никакого противоречия нет. Оно кажущееся, терминологическое. И, наконец, всемирно-исторический процесс и этнос имеют разные масштабы. Всемирно-исторический процесс — это развитие человечества как целого в непрерывности, это предельное по масштабам формообразования человечества, с его прошлым, настоящим и будущим. Это человеческий универсум. А этнос соотносится с ним как его составной элемент.

— Следовательно, изучение этногенеза не должно ограничиваться выяснением роли ландшафта? Должны учитываться также социальные и экономические факторы?

— Конечно. Я подчеркиваю, этнологическое изучение подразумевает изучение всего многообразия жизнедеятельности людей, способа производства, потребления, повседневного общения. Вряд ли можно изучать этнографию, скажем, эскимосов, ограничившись лишь грамматическими формами глагола или их представлениями о злобных духах моря и тундры и игнорируя способ охоты на морского зверя. А ведь игнорируют! У историков нередко пренебрежение к практике, деятельности людей. Характер трудовых процессов, войны, создание государств или падение их, социальные институты в известном смысле, такие же объекты этнографического изучения, как свадебные обряды или декоративные украшения.

— Ваш этнологический или этноландшафтный подход к истории дал нам Хазарию. Вы знали где искать, знали почему она там. Вы написали «Открытие Хазарии». Это открытие придало запас прочности вашему методу?

— Это и была по сути демонстрация метода в действии. Следовало показать, как же все то, о чем я говорил, происходит в определенном регионе на самом деле. Как поднявшаяся в X—XIII веках Каспийское море съело Хазарию. Когда ландшафт в XIV веке восстановился, туда пришли потомки хазар, которые стали себя называть астраханскими татарами. История как наука дала возможность проследить некоторые закономерности явлений природы. Следовательно, история может быть полезна не только сама по себе, но и как вспомогательная естественнонаучная дисциплина. До сих пор она для этой цели не использовалась. Я считаю это дело перспективным.

— Действительно, ваш метод дает возможность увидеть целостность Евразии или Великой Степи, ее истории, ландшафта, этноса. Но не исчерпывается ли только Евразией и ваш метод и ваша теория этноса?

— Я избрал регион Великой Степи. Мне кажется, я поступил правильно. Но я утверждаю, что без привлечения данных естественных наук этническая целостность подменяется при исследовании либо единым социальным уровнем развития, либо духовной или материальной культурой. И то и другое не дает ответа на вопрос: что такое этнос. Почему афинянин был ближе его враг спартаец, чем мирно торгующий с ним финикийец или перс? На уровне этноса все греки были своими друг для друга. Я предложил ответ на этот вопрос.

— А сравнима ли, если можно так выразиться, продуктивность культуры кочевников с другими этнорегионами?

— Кочевники, в частности хунну и тюрки, изобрели такие вещи, которые в дальнейшем вошли в обиход всего человечества. Первое усовершенствование одежды — штаны — сделано ими в глубокой древности. Стремя появилось в Центральной Азии между 200 и 400 годами. Первая кочевая повозка на деревянных обрубках сменилась сначала коляской на высоких колесах, а потом выюком — изобретением, по достоинству оцененным всеми армиями, оно позволило кочевникам форсировать горные, поросшие лесом хребты. Кочевниками были изобретены изогнутая сабля, вытеснившая прямой меч, и длинный составной лук, бивший на 700 метров. Накопец, круглая юрта в течение 2000 лет считалась непревзойденным видом жилища. Кочевники создали разветвленную систему мифологии, собственные религии и концепции мироздания. Мы еще недостаточно знаем об этом. Они оставили свою литературу и право. А эпос, точнее эпосы, монголов, калмыков, тюрков, якутов, сельджуков! А способность к политической деятельности! Мировая политика и глобальная дипломатия с очевидностью родились здесь. Какие великие государства обязаны своим возникновением кочевникам Евразии! Кочевники дали первичный импульс Оттоманской империи, империи Тамерлана, сельджукидам Ирана. Кочевники всегда достаточно легко уживались с оседлыми народами, даже в случаях их завоевания. Туркмены-сельджуки спасли разлагавшуюся арабскую культуру от крестоносцев, греков и сектантов-исмаилитов. В XIII—XV веках монгольские конники помогли потомкам Александра Невского сражаться с крестоносцами, а в Московской Руси башкирская и калмыцкая конница помогла Петру одержать победы над Шведией, а войскам Александра I войти в Париж. Первая колониальная агрессия европейцев — 4-й крестовый поход — была остановлена половцами, разгромившими французских рыцарей. Мощнейшее искусство: народно-эпический, проникнутый экспрессивностью первый мировой «звериный» стиль Скифо-Сибири, оказавший влияние на искусство Древней Руси и Западной Европы. Евразийские всадники поразили воображение оседлого мира и химеры из различных зверей вошли в состав мирового искусства. А урбанистические образования больших городов Золотой Орды, возникшие на Волге? А монументальная скульптура тюрков? Может быть мы когда-нибудь и увидим в их каменных бабах, прозябающих во дворах краеведческих музеев, высокое героическое искусство, обращен-

ное к вечности. И их будут подсвечивать, делать центром и гордостью экспозиции.

— Но Парфенона у них не было?

— Но Парфенона нет и в Америке, в Северной Европе и даже в Спарте. А Пушкина не знают и не любят в других этнорегионах. А Кара-Корума тоже нет ни у кого, и у монголов тоже, их древняя столица разошлась на коченья в степи. А роскошные юрты на 500 персон не сохранились. Сравнивать можно до абсурда. В Греции было 15 эллинических субэтносов, но только в Афинах и Коринфе была приличная архитектура. Архитектура из нестойких материалов вообще создает больше удобства, чем каменная. В русских теремах XVI—XVII веков было теплее, суше, удобнее, чем в феодальных замках Европы, всегда сырых и холодных. Но деревянные нестойкие строения заменялись стойкими. В отношении наследия мы как большие дети, но хуже их — судим только по тому, что есть, а то, что было — разве опомнее?

— Очевидно, все дело в нашей способности осознать, что и в «нечеловеческих» условиях больших достижений не меньше, их только нужно уметь видеть?

— Не удивляйте меня. Нечеловеческие условия?! Жизнь в степи относительно легка. Не разделяйте европоцентристских заблуждений. Не варварство, а особая цивилизация кочевников. Они — не периферия культуры Китая, Византии, Ирана, если хотите, они определенный географический центр развития, сильнейший «торнадо», распространявший влияние на инокультурные регионы. Кочевники освоили максимальное по протяженности в мировой истории экологическое поле, очеловечили его, включили в состав ойкумены, а затем обеспочили на своей территории мировые пути, каналы коммуникаций.

— Но следует, по-видимому, различать непосредственное жизнепроявление этноса или суперэтноса и его культуру. Различаются ли они каким-либо образом?

— Культура — это вторая природа человека. А этнос — первая. Культура это — накопление технических, практических, социальных навыков, это дело рук человека, т. е. этноса. Поэтому культура в виде книг, предметов искусства, техники, архитектуры, философских систем, религиозных догм переживает этносы, их породившие. Этнос, как мы выяснили, нестабильная система, меняющаяся во времени. Так как без социальных и технических форм этнос существовать не может, то практически происходит биосоциальное взаимодействие истории и природы с культурной стабильностью. С культурой с большой буквы, которая сама себя не производит, но будучи включенной в человеческую среду, стабилизируется ею.

— Значит, в вашем методе этногенез и культура находятся...

— В стройной системе зависимостей. На каждом заданном уровне мы сталкиваемся с характером суперэтноса либо этноса. Людей вне этноса нет, и все, что есть в культуре, имеет или имело этническую подоплеку. Потому персонами развития и соответственно изучения культуры являются целостности суперэтнические, этнические. Такие, как, например, для XIII века Христианский Запад, Православная Восточная Европа, Ближний Восток (Тевант), Византия (Балканы — Малая Азия — Кавказ),

Великая Стена, Индостан. Правда, мы зачастую не видим внутренних процессов этногенеза, а наблюдаем лишь лежачие на поверхности их культуры. Однако только по уцелевшему нельзя судить о культуре. И тут показателем накопления выступает этническая история, этногенез. Культура не только фазы расцвета. Утраты культуры тоже культура. А утраты запрограммированы природой. Но нечислимы. Если учесть, что большая часть вещей и украшений кочевников делалась из мехов, шелков, войлока, дерева или из благородных металлов, которые так легко плавятся, то правильное удивляться тому, что сохранилось хоть что-то. А не тому, как много пропало. На предубеждения, да и на исследования культуры накладывается информация, которая сама зависит от количества археологических находок. В странах с сухим климатом: Египте, Греции, Иране, Средней Азии — находок всегда больше, чем в лесной зоне Европы или в Степи. Какой вывод делался? На сухом юге культура древнее и богаче, чем на севере. Вывод ложен, но что делать, если археологи в состоянии учесть лишь то, что найдено, а не то, что утрачено. А вот П. Козлов и С. Руденко вскрыли великие памятники искусства — звериный стиль — и доказали культурную общность народов Центральной и Средней Азии. Они открыли то, что должно было быть открыто.

— И этнология в дальнейшем укажет, что и где искать археологам?

— Обязательно. Они приходят к этому.

— И потому в аспекте этнологии, этноландшафтного подхода кроются будущие успехи археологии, «будущее прошлое», простите метафору. Но нужно ли это прошлое? Приоткрываемое с таким трудом, нужно ли оно вообще с найденными и найденными памятниками? Люди предпочитают видеть настоящее.

— Настоящее — только момент, мгновенно становящийся прошлым. Грядущее можно рассчитать. А прошлое существует, и все — что существует — прошлое, так как любое свершение тут же становится прошлым. Историческое время, в отличие от физического, биологического и относительного (континуума) обнаруживает себя через этнические деяния. То, что мы называем «временем», есть процесс уравнения энергетических потенциалов, иногда нарушающийся взрывами-толчками. Импульсы этих толчков и есть творчество. Импульсы могут быть позитивными, жизнеутверждающими, падящими все живое, и негативными, разделяющими энергию, информацию и вещество, в котором информация находит свой приют. Негативный импульс (не значит отрицательный!) уводит кванты энергии за границы времени. Но позитивный импульс воссоединяет энергию с космическим веществом, принимает информацию, и мир продолжает существовать заново. Все неповторимое и прекрасное при потере энергетического заряда исчезает. Вот почему так велики утраты в эпохи, насыщенные деяниями. Но против гибели выступает Память. А коллективная память этносов — это и есть история культуры.

АЙДЕР КУРКЧИ,
"ДЕКОРАТИВНОЕ ИСКУССТВО", 5/1979.

ИСТОРИЯ

ВЕРА МИХАЙЛОВНА КРУГЛОВА

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИГОРЕ СЕВЕРЯНИНЕ

ПРОДОЛЖЕНИЕ

За стенкой кухни была маленькая спальенка. Из кухни же дверь вела в большую комнату. Здесь, также как и в деревне, посредине стоял стол, а у стены в углу — диван, на котором я неизменно заставляла Игоря Васильевича, когда заходила к ним. На стене висела увеличенная фотография С. Рахманинова, а под ней полочка, на которой лежал маленький чемоданчик с рукописями поэта и письмами дорогих ему людей. Три окна комнаты выходили на улицу, где в проулке между домами виднелся голубой кусочек реки Наровы.

Первый год своего проживания в Усть-Нарове Северянин еще много двигался. Он мог пройти по берегу моря со своей неизменной спутницей Верой Борисовной до тридцати километров, чтобы поднести свою книжечку стихов очередному меценату и, получив какие-то деньги, расплатиться в лавочке, где забирали провизию в долг, "на книжку". Никаких выездов за границу он уже не совершал. Со своими стихами выступил только раз в Таллинне, когда устраивали вечер в честь его пятидесятилетия.

Я тогда по недомыслию приписывала эту его "неподвижность" влиянию Веры Борисовны, несклонной к переездам. Просто он был уже болен и болен серьезно. Мне же эти тревожные мысли не приходили в голову. Я знала, что он лечится у мужа, но не придавала этому серьезного значения. Сам Игорь Васильевич никогда ни на что не жаловался. Узнав его ближе, я увидела совсем другого Северянина. Это был гордый, очень открытый, а потому и очень ранимый человек. Он предлагал себя людям таким, каков есть. Отсюда, по моему мнению, и многие его стихи, где он обнажает себя и высказывает мысли, которые люди обыкновенно таят в себе.

Есть у Северянина такие строки: "Не каждому дано светлеть в нужде..." Да, не каждому. А вот Игорь Васильевич мог. Была нужда и большая. Но среди серости будней он мог воспевать и хмурое небо над Эстонией, и безбрежную морскую даль. Когда-то он писал: "Упоенье жизнью не для медных лбов."

Мне казалось, чтобы насладиться жизнью, ему достаточно было иметь письменный стол, где стопочками лежали чистые листы, на которые он своим особым почерком наносил слова, что волновали его душу. Да еще рядом - спутницу жизни, любящую и любимую. Так мне тогда казалось. Каково было ему, вкусившему громкой славы, оказаться полунищим, оторванным от родной почвы, когда здоровье пошатнулось, а впереди была полунищенская старость. К деньгам, по его собственным словам, он всегда относился легко, а того, что он теперь получал как подавание, не хватало для того, чтобы немного скрасить свои будни. В безвыходные моменты он прибегал к помощи моего мужа. Конечно, при этом страдало его самолюбие, хотя Алексей Иванович, давая деньги, старался обставить это как можно деликатнее. Северянин мог на следующий день с каким-то нехорошим огоньком в глазах заявить: "А мы вчера с Верочкой отправились на машине в Петроградскую" (это был лучший ресторан в Нарве) и распили бутылочку шампанского". Надо сказать, что французское шампанское, а другого дорого не было, стоило дорого.

Иногда ему хотелось тряхнуть стариной. Летом 39 года к Северянину из Берлина приехала когда-то близкая ему женщина, которую он называл "Златой" и посвятил ей поэму, названную тоже "Злата". У нее был в Берлине модный магазин, дочери жили в Африке. Она привезла с собой подарки, среди них фотоаппарат, который Северянин решил подарить Алексею Ивановичу. Надо сказать, что Игорь Васильевич не любил оставаться в должниках. И как не отказывался муж, ему пришлось принять подарок. Потом он сделал несколько снимков Северянина этим аппаратом. Один, помню, у калитки нашего сада, другой - за круглым садовым столом в том же саду.

В это время приехал на дачу Иван Филиппович Филиппов, бывший солист Мариинского театра. Было ему в то время лет шестьдесят, жил он у своей богатой племянницы, которую злые языки называли его до-

черью. Был он высок, строен, легок и в своем светлом английском костюме очень элегантен. Северянин с Филипповым были очень хорошо знакомы. В это же время к Игорю Васильевичу приехал из Тарту поэт Адамс и еще кто-то. И вот Северянин решил в честь Златы устроить пикник на Тихом озере. Он пригласил Ивана Филипповича и звал нас. Но день был воскресный, жаркий, и муж по долгу службы должен был находиться на пляже, где было скопление народа. Поэтому мы не поехали. Вечер того же дня. Смеркается. Мы сидим на веранде за вечерним чаем, и я вижу на аллее сада высокую фигуру, которая приближается к нам. Это Иван Филиппович. Но, Боже, как он изменился! Куда девался его элегантный вид? Пиджак висит на сторбленных плечах, белое кепи исчезло. Оказалось, что он его потерял по дороге. Иван Филиппович поднимается на веранду и заявляет: "Этот хулиган хотел меня застрелить!"

- "Какой хулиган?!" - спрашиваем мы разом.

- "Северянин!" - отвечает Филиппов трагическим тоном.

Я еле сдерживаюсь, чтобы не расхохотаться. Представить себе Игоря Васильевича убийцей я при всей фантазии не могу. Это звучит уморительно. И Иван Филиппович поведал нам печально-комическую историю.

Перед отплытом на Тихое озеро они дома выпили коньяку, и Иван Филиппович, панически боявшийся воды, храбро сел в лодку, которой управлял Виктор Удам. Остальная компания во главе с Северяниным разместилась в другой лодке. Отъехав довольно далеко, Филиппова снова обуял страх, и он стал просить, чтобы причалили к берегу и выпустили его на землю. Это почему-то оскорбило Северянина и он заявил: "Здесь я командую, Виктор, продолжай путь на Тихое озеро!"

Приехав на озеро, Филиппов стал высказывать свое недовольство. Северянин встал в позу и заявил: "Как ты смеешь так со мной разговаривать? Я - Игорь Северянин!" Филиппов тоже гордо выпрямился перед ним и произнес: "А я - солист Его величества!" - "Мне наплевать, что ты солист!" - сказал Северянин. "А мне наплевать на то, что ты - гений!" - ответил таким же тоном Филиппов. - "Ты меня оскорбил, я тебя застрелю!" - вскричал Северянин. - "И тут - произнес Филиппов - Северянин сунул руку в карман. Но я не

растерялся, нагнулся и поднял камень." Так стояли они некоторое время друг против друга. Наконец, Филиппов повернулся и пошел, решив про себя: "Черт с ним, пусть стреляет в спину!" А Северянин остался на месте, засунув руку в пустой карман брюк.

Шагать Филиппову до перевоза пришлось 10 километров, по дороге он и потерял свое кепи.

Вернувшись домой, по рассказу Веры Борисовны, Северянин продолжал бушевать и так напугал Злату, что они с Верой Борисовной, захватив спальные принадлежности, решили бежать из дома на дачу Борман, которая находилась в 5 километрах от Усть-Наровы. "Мы бежали - рассказывала со смехом Вера Борисовна - и все оглядывались, не бежит ли он за нами."

Потом Северянину пришлось умолять о прощении Злату, которая тоже его простила, но вернуться под его кров отказалась и, прожив на даче у Бормана несколько дней, уехала в Берлин.

На следующий день раскаянию Игоря Васильевича не было предела. Я искренне пожалела его, увидев его таким несчастным, и решила помочь, пригласив Филиппова на чай, куда пришел и Северянин. Он просил прощения. Примирение состоялось, но как мне показалось, Иван Филиппович простил его только внешне. Больше до самой смерти они не встречались, а ушли из жизни почти в одно время. Северянин скончался в декабре, в том же месяце того же года умер и Иван Филиппович Филиппов. Во время бомбежки Таллинна он по дороге в убежище споткнулся, порезал руку, кровь не удалось остановить, и он скончался от потери крови.

Вера Борисовна говорила, что Северянин в последнее время совершенно не переносил спиртного. Выпитая рюмка поднимала в нем бурю, он терял контроль над собой.

У знавшего Игоря Васильевича близко Арсения Формакова в его воспоминаниях о поэте есть такая его характеристика: "Манеры с детства воспитанного человека"...

Да, вероятно, эта воспитанность не позволяла ему выносить на люди и горечь своей обездоленности, лишений. Но под этим покровом чувствовалась напряженность, готовая взорваться. Об этом его свойстве хорошо знала преданно его любившая Вера Борисовна, которая разделила с поэтом его труд-

ные годы и проводила в последний путь.

Да, хочу еще рассказать о семье Борман, где любил бывать Северянин. Дача их находилась в пяти километрах от Усть-Наровы в поселке Шмецке (теперь Ауга) на берегу моря, в том самом Шмецке, где когда-то жил Лесков. Я хорошо знала эту семью. В 33-ем году я провела там лето. Постоянно жил там сын Михаил Петрович со старушкой матерью. Дочери Нина - пианистка и Ирина - сестра милосердия жили в Таллинне. Летом М. Борман сдавал комнаты с полным пансионом. Приезжали его сестры, среди гостей были пианисты и певцы. В доме было пианино. Бревенчатый дом с балконом и открытой террасой, деревянные колонны, которые обвивал дикий виноград, стоял в большом саду, где росли развесистые старые ели. Все Борманы были очень общительны, легки в обращении, любили всякие розыгрыши, устраивали концерты, домашние маскарады. В 33-году летом там Северянина не было, но о нем много говорили, что-то не договаривали, читали его стихи. Одно стихотворение было посвящено Ирине Борман.

Вот вспомнила, записала и так явственно перенеслась в прошлое, как будто это было вчера, и все еще живы и со всеми ними встречаюсь завтра.

Вижу солнечный морозный день. По заснеженной Усть-Нарове шагает поэт в своем сером полупальто с потертым кенгуровым воротником и шапке из этого же меха. Он легким шагом приближается к нашему дому. Северянин бодр и весел, только землистый цвет лица не гармонирует с его бодростью. Он проходит в кабинет мужа и довольно долго остается там.

Я часто заходила к ним в эти годы. Встречал он меня всегда приветливо, и я долго с ним беседовала. Он говорил мне о поэте Фофанове, с нежностью произносил имя Мирры Лохвицкой. Рассказывал, что эта одаренная, рано погибшая поэтесса, выйдя замуж, перестала писать стихи. К Брюсову и Блоку относился с большим уважением. Любимыми композиторами были Пуччини, Чайковский, Римский-Корсаков. Любил Бодлера. Из художников выделял Врубеля.

Рассказывал, что узнав о приезде Бунина в Таллинн, он из Тойла доехал до станции Тапа, там сел в вагон, в котором ехал писатель, и провел с ним в беседе остальной путь до Таллинна.

Он никогда не вспоминал шумные успехи своих поэ-

зо-концертов, не говорил о родственных связях с С.Рахманиновым и с А.Коллонтай, которую любовно называл "Шурочкой". Письма же их хранил как святыни.

Я была внимательной слушательницей, и он охотно беседовал со мной.

Теперь я открыла для себя в Северянине другого человека. Его манера держаться уже не казалась мне позой. Все в нем было естественно, свойственно ему одному. И гордый поворот головы, и изящество движений дано ему было самой природой. Это мое ощущение подтверждалось, когда я смотрела на его дочь, от той "тринадцатой" – Валерию Игоревну Семенову. Ее с матерью вывезла из голодного Петербурга в Тойла мать Северянина Наталья Степановна. Валерию Игоревну я еще помню девушкой-гимназисткой, высокую "Тростиночку" с черными локонами по плечам. Она очень походила на отца, но все в ней было мягче и изящней. Спустила много лет, сидя с ней на пляже в Усть-Нарве, я особенно поразила ее сходству с поэтом: тот же тембр голоса, те же движения и тот же гордый поворот головы.

Скончалась она сравнительно недавно и погребена в Тойла.

Наступили сороковые годы. Время больших перемен. Казалось, к Северянину вернулась молодость. Помню его сияющим от радости, когда он получил письмо из Москвы. Первым вспомнил о нем Корней Иванович Чуковский. Игорь Васильевич почувствовал снова свои корни, которые связывают его с Родиной. Его помнят, о нем не забыли. Было напечатано его стихотворение в журнале "Огонек". Он обращается к Родине со словами: "...твоему я кланяюсь могучему, солнечносияющему лику". Приехали, чтобы взять интервью у поэта корреспонденты газеты "Известия". Фотокорреспондент В. Темин, фамилию другого я забыла. Остановились они в пансионате "Светлана", и хозяйка гостиницы Эллерс привела их к нам, чтобы мой муж показал им дорогу к поэту.

События развивались, а здоровье поэта ухудшалось. Алексей Иванович пригласил на консультацию врачей Левицкого и Шамардина. Общее заключение: сердечная недостаточность. Северянину трудно ходить, увеличилась одышка. Теперь я все чаще застаю его сидящим в кресле у окна. Он по-прежнему ни на что не жалуется, но, видимо, мысль о смерти появляется у него

довольно часто. Так он придает какое-то особое значение проходящей мимо его окна девушке. Он называет ее "белой девушкой". Дело в том, что волосы у нее бесцветные, почти белые. Ему кажется, что она неспроста появляется ежедневно, что это предвестник чего-то темного, неизбежного. А жила эта девушка у маяка, и путь ее естественно проходил мимо окон поэта. Потом он часто повторяет мне, что видит вместо нашего уютного курортного поселка выжженную пустыню. Это "предвидение" Игоря Васильевича я вспомнила, когда после войны вернулась на пепелище, бывшее когда-то Усть-Наровой.

Приближалась к нашему поселку война. Немцы совершают парашютные десанты в Эстонии. Идет эвакуация советских войск. Около маяка через Нарову построен понтонный мост. С грохотом движутся тяжелые орудия мимо окон Игоря Северянина. В небе появляются немецкие самолеты. Игорь Васильевич с женой перемещается на улицу Раху, в дом, принадлежащий сестрам Аннус.

В августе моему мужу позвонил из Нарвы доктор Хион, бывший тогда народным комиссаром здравоохранения ЭССР. Он интересовался состоянием здоровья Северянина, можно ли его эвакуировать. Как-то утром пришел взволнованный Игорь Васильевич вместе с Верой Борисовной и сообщил, что сегодня рано приезжала машина, но кто-то другой воспользовался ею.

Как теперь стало известно, Северянин писал друзьям в Ленинград, просил помочь эвакуироваться, так как самостоятельно сделать это ему было не под силу. Была ли послана машина, или только обещали и забыли, неизвестно.

Закончена эвакуация войск. Взорваны понтонный мост и маяк. Оставаться дома опасно. Мы уходим в бетонный погреб в доме по ул. Вильде. Северянин укрывается в гараже дома С.М. Шкарван по ул. Айя (Садовая).

Есть среди жителей убитые и раненые. Сгорели несколько домов, в том числе и дом на ул. Вабадусе, где жил Игорь Васильевич.

Обстрел длился около недели. Когда все стихло, мы возвращаемся в свой дом, который стоял на ул. Вабадусе и Партизанской. Дом цел, но он без окон и дверей. Снаряды падали в сад. Кое-как заделываем окна и двери. И тут на пороге дома появляются Игорь

Васильевич и Вера Борисовна. Он в одном пиджаке, в руках чемоданчик. Первые его слова: "Все сторело, а чемоданчик я спас, не выпускал из рук". Возбуждение его сменяется апатией. Все голодны. Я ищу в доме что-нибудь съестное. Есть немного муки, сахар. Жарю на примусе блинчики, и мы садимся в кухне за стол. Разговор не вяжется. Всех гнетет неизвестное будущее.

Затем Алексей Иванович надевает на Северянина свое пальто и еще что-то, и он уходит с Верой Борисовной в дом на улице Раху.

Начинаются тревожные дни. Аресты, расстрелы без суда.

Игорь Васильевич с Верой Борисовной перебрались в комнату церковного дома на улице Поска 32. У них бывает Алексей Иванович. 30-го сентября, в день моих именин, я с плиточкой шоколада, которая у меня сохранилась, иду к Северянину.

В комнате деревянный стол, железная кровать, на которой лежит чем-то прикрытой Игорь Васильевич. Он не поднимается с постели. Это совершенно разбитый морально и физически человек. Не помню, что он говорил, да и говорил ли вообще.

Это моя последняя встреча с ним. Как-то Алексей Иванович сказал, что Вера Борисовна увезла Северянина в Таллинн к своим родным. Это было в октябре, а в декабре поэта не стало.

На его могилу в Таллинне на Александровское кладбище я попала только осенью сорок пятого года. Кладбищенские деревья медленно сбрасывали свою желтую листву. Было пасмурно, туманно и сыро. В душе прозвучали слова:

*"День алексиз. Лимонколистный лес
дранил стволы в туманную тучищу..."*

*ЕВГЕНИЙ КАЛЬЮНДИ
ЮРИЙ КИВИМЯЭ*

ГИБЕЛЬ НАРВЫ

Нарва на протяжении всей истории Эстонии всегда была своеобразным пробным камнем. На протяжении веков здесь было много битв, в центре внимания Нарва находится и в наши дни. Своеобразием существования а также и источником напряжений здесь является то, что Нарва была и продолжает оставаться пограничным городом, как бы мостом между Востоком и Западом. Войны и пожары неоднократно уничтожали Нарву, но каждый раз город отстраивался вновь и вновь.

Нарва сгорела дотла в первые дни Ливонской войны в мае 1558 года, вслед за этим дважды в 17 веке (1610 и 1659). После этого в шведское время на месте уничтоженного огнём был построен новый город, сооруженный в едином барочном духе. Он стоял почти невредимым на протяжении последующих трёх столетий – разрушения в дни Освободительной войны в исторической части города были незначительными. Вполне заслуженно Нарву того времени стали называть "Жемчужиной Балтийского моря". В настоящее время всё это – лишь воспоминание, которое можно представить, листая старые альбомы.

Роковым для Нарвы стал 1944 год. Разбитые под Ленинградом немецкие войска отступали, почти не оказывая никакого сопротивления, и к концу января дошли до реки Нарвы. Уже 2 февраля русские войска форсировали реку у Кудрукюла. Завязались ожесточенные бои за город, продолжавшиеся почти без перерыва до начала марта. Главная тяжесть обороны легла на воевавшую в составе немецких войск эстонскую дивизию. Падение Нарвы было лишь вопросом времени. Это решило бы судьбу Эстонии на пол года раньше. В связи с этим население и учреждения Нарвы были спешно эвакуированы в Таллинн; город остался почти пустым. Многие жители города были вынуждены бросить всё и покинули свои дома без вещей; женщины и дети были помещены на открытые платформы и многие из них – почти все – уже чикогда не увидели больше своего дома.

В ходе исключительно тяжёлых боёв наступление Красной армии было приостановлено – воины эстонских национальных частей боролись не на жизнь а на смерть, помня о трагической депортации населения в июне 1941 года. 6 марта 1944 года был ликвидирован и отброшен на восточный берег реки Наровы и закрепившийся в районе Сийвертси советский плацдарм.

6 марта навсегда войдёт в историю Нарвы. Вскоре после освобождения Сийвертси в наступившей темноте начался воздушный налёт Советской авиации на город Нарву – началось уничтожение пустого уже города и его деревянных пригородов. Примечательно, что бомбёжке не подвергался район Кренгольма – исход войны был уже предрешён и было решено не разрушать заводов, которые вскоре должны были начать работу на нужды Советского Союза. Пустующую застройку бомбили на протяжении почти восьми часов, город был ярко освещён сбрасывавшимися т.н. "рождественскими ёлками", которые превращали ночь в день. К утру от исключительной красоты барочного города остались одни развалины.

Бои за Нарву продолжались и летом 1944 г., Красная армия завоевала город (в её составе были и части Эстонского стрелкового корпуса) 26 июля 1944 года. Это "освобождение" имело лишь символический смысл. Отступавшие немецкие войска заминировали и взорвали многие здания – всё то, что хоть сколько-нибудь уцелело в дни мартовского налёта. Вечером 25 июля взорвана ко всему была взорвана и башня замка – "Длинный Герман" – по сведениям, полученным от немецких пленных, это было выполнено сапёрами 54 батальона дивизии "Недерланд". Историческая Нарва перестала существовать.

Бомбёжка 6 марта разрушила основную часть старого города. Рассматривая сохранившиеся фотографии того времени, видим город, напоминавший кулисы какого-то сюрреалистического фильма.

Однако сохранились и детальные акты учета военных потерь в Нарве, составленные в 1945 г. "Эстонской республиканской комиссией по определению и исследованию преступлений фашистских захватчиков и их приспешников и определения нанесённых ими ущербов" (страшно подумать, что одним из членов этой комиссии был известный историк Арнольд Сявалеп, фотографии зверски убитых сестры и племянника которого в ходе советского десанта в Мерикюла незадолго перед тем были опубликованы в эстонской прессе). В этих документах уклончиво утверждается, что "застройка пострадала в связи с воздушными налётами" или "в ходе военных действий", что ущерб нанесён от "артобстрелов" и что строения "окончательно разрушены в период с февраля до июля 1944 года в

ходе пожаров. Пройдя по главным улицам бывшего "старого города" (Суур, Рюйтли, Койду, Раху, Пагари и Виру) можно увидеть лишь руины и развалины. Повсюду стоят лишь более или менее сохранившиеся наружные стены и дымоходы. Крыши и перекрытия обрушены, внутренность строений большей частью полностью уничтожена.... Заглядывая внутрь развалин, можно кое-где увидеть остатки печей, выложенных из голландских кафелей..."

В принципе нет разницы между мартовской бомбёжкой и взрывными работами в июле. Судьбоносный для Нарвы 1944 год отражён в этих пожелтевших актах – помимо названных выше упомянуты ещё бастионы, торговые ряды, городской музей, дом-музей Петра Первого, множество жилых домов, ратуша, биржа итд.

Оценивая состояние руин того времени с точки зрения сегодняшнего дня, можно сказать, что оно не было совершенно безнадёжным. Мало того – постановлением Совета Министров Эстонской ССР старый город в Нарве (вместе с Тоомпэа-Вышгородом в Таллинне) был взят под государственную охрану, что в значительной мере явилось заслугой эстонского архитектора Эрнста Эдерберга. Это был первый в Советском Союзе город, взятый как заповедник целиком под государственную охрану! В 1965 году по всему СССР разойдется весть, что под охрану взят целиком Таллинн – первый город в СССР!

Непосредственно после войны была проведена инвентаризация нарвских развалин. Одним из исполнителей этой работы был молодой русский архитектор Владимир Косточкин, будущий исследователь Ивангорода, впоследствии и доктор архитектуры, профессор, специалист по русскому оборонительному зодчеству. Используя с выгодой сложившиеся обстоятельства, было дано распоряжение выполнить фотофиксацию руин, сосредоточить фотографии в двух больших альбомах и ... представить их в Нюрнбергский суд над немецкими военными преступниками как свидетельства "фашистских преступлений на территории Советского Союза". Парадокс – разрушенные своими руками строения, да ещё на территории соседней захваченной страны были представлены, как уничтоженные другой стороной! Эти альбомы сохранились до настоящего времени (вернулись в Таллинн) и хранятся в фондах Эстонского Исторического музея.

Взятие под охрану не смогло, к сожалению, спасти почти ничего. Созданная для реставрации памятников архитектуры Научно-реставрационная мастерская начала в Нарве реставрацию трёх объектов – нарвского Германовского замка, Ратуши и т.н. Дворца Петра Первого. Ратушу

отреставрировали приспособив её под Дворец пионеров. Реставрационные работы в замке не закончены ещё и в настоящее время. Особенно трагически сложились обстоятельства с дворцом Петра. Начатые там работы продолжались несколько лет, но в один прекрасный день руины были снесены и от здания не осталось и следа.

В 1950-ые гг. городские власти Нарвы приняли решение о сносе развалин. Так было доведено до конца разрушение одного из красивейших городов в зоне Балтийского моря. Официально это мотивировалось тем, что руины могут быть использованы преступным элементом, что на месте старого буржуазного города будет построена новая, более красивая "социалистическая" Нарва. Отдельной темой для разговора является судьба старого населения Нарвы. Известно, что советская политика делала всё, чтобы воспрепятствовать возвращению этого населения в город. Новое население комплектовалось вербовкой новых жителей. Таким образом Нарва получила население не имевшее связей со сложившимся здесь традициями, так же, как это было, например в Кенигсберге-Калининграде или в Виипури-Выборге. Для приехавших издалека людей руины города были лишь источником грязи, заразы, нечистоплотной язвы. Отныне началом истории Нарвы стало в сознании его жителей завоевание города Петром в 1704 году (без упоминания исторической битвы 1700 года!) Так были вычеркнуты из памяти почти четыре с половиной столетия истории города.

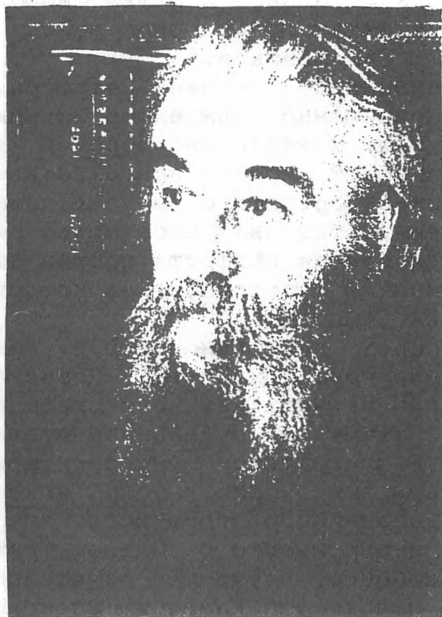
Конечно, можно понять, что для реставрационной деятельности средств в то время не хватало. Однако в охранном списке 1947 года было 31 памятников, в 1950 г. – 20, в 1964 г. – 4 и лишь в 1974 г. чуть больше – 6. За последующие десяток лет местным Исполкомом под местную охрану было взято еще 7 объектов.

И всё же – сегодня, несмотря ни на что, Нарва известна далеко за пределами Эстонии как исключительный ансамбль оборонительного зодчества – замок, остатки крепостной стены, бастионы 16/17 вв., бастионы конца 17 века. Вместе с расположенной на противоположной стороне реки Ивангородской крепостью Нарва является уникальным музеем оборонительных сооружений мирового класса.

Я ИЗ ДЕЛА УШЕЛ, ИЗ ТАКОГО ХОРОШЕГО ДЕЛА ...

АЛЕКСАНДР НИКИТЮК

(Заметки с международной конференции археологов
к 100-летию Владислава Иосифовича Равдоникаса)

В. И. РАВДОНИКАС

1894-1976

19 декабря 1994 г. Необычно – для Питера – морозный и солнечный день. Два автобуса и пикап киносъёмочной группы приближаются к Комарово. Археологи едут на свидание с Владиславом Иосифовичем Равдоникасом.

Для нас, студентов 80-х, он всегда был человеком-легендой, чем-то нереальным, хрестоматийно-мраморным, одним словом – классиком, персонажем из истории русской, советской археологии. А ведь, если подумать, он был нашим современником, и ушел из жизни в 1976 г., тогда, когда и мы

уже "примеряли" на себя атрибуты романтики археологии. Но, с другой стороны, как же еще иначе могли воспринимать мы, "книжные дети, не знавшие битв", человека, в чьей судьбе на редкость ярко и жестоко преломились зигзаги российской истории XX столетия..

* * *

Владислав Иосифович Равдоникас родился в 1894 г. в г.Тихвине, в семье обрусевшего литовца. В раннем детстве (в возрасте пяти лет) он потерял родителей

и был взят на воспитание в семью одного из тихвинских купцов. Уже в юношеские годы увлекся краеведением, вел в родном Тихвине археологические раскопки.

В годы I мировой войны Равдоникас - боевой офицер российской армии, поручик-артиллерист, награжден за храбрость офицерским орденом Св.Георгия.

Революцию принял восторженно, подобно Александру Блоку искренне уверовал в идеальное царство Свободы. Защищал свои идеалы на фронтах гражданской войны, в 1919 г. вступил в партию большевиков.

В начале 20-х гг. Равдоникас - студент Петроградского университета. Одновременно - директор Тихвинского краеведческого музея. Мужественно боролся за сохранение местных древностей, прежде всего церквей и монастырей, защищая их от грозящего им вандализма. В 1922 г. вышел из партии, отстаивая свое право заниматься любимым делом, и, в знак протеста против "палочной" партийной дисциплины - поступок, на который в те годы могли решиться немногие.

1929-1948 гг. - расцвет деятельности В.И. Равдоникаса как профессионального археолога. Переехав в Ленинград, он работал в ведущих научно-исследовательских учреждениях, занимался музейной деятельностью, преподавал в Ленинградском университете, стал основателем и первым заведующим кафедры археологии ЛГУ. Раскопки древнейшего городского центра Руси - Старой Ладого, неолитического Оленеостровского могильника и, особенно, изучение памятников искусства первобытного человека в Карелии (Онежское озеро и Беломорье) выдвинули В.И.Равдоникаса в число ученых с мировым именем. Свидетельством признания заслуг исследователя стало, в частности, избрание его действительным членом Академии Наук Норвегии.

Конец 30-х - 40-е гг. - трагический поворот судьбы исследователя. Подобно многим российским интеллигентам В.И. Равдоникас был поставлен в ситуацию, в которой он одновременно оказался и орудием и жертвой сталинизма. В 1937 г., будучи главным редактором журнала "Советская археология", он был обязан публиковать передовицы требуемого политического стандарта, бичующие так называемых "врагов народа". Это - самое темное пятно его биографии. Нравственное насилие, которое вынужден был совершить над собой глубоко порядочный человек, завершилось нежи-

данной развязкой. В 1948 г., в самом расцвете своих творческих сил, он внезапно полностью прекращает научную, педагогическую и издательскую деятельность. Равдоникас замолчал, и молчал до самой смерти. Почти 30 лет... В этом молчании были и неафишируемый протест и неоглашенное покаяние, внутренняя эмиграция и внутренний монастырь. Впрочем, власть имущие все прекрасно поняли. Равдоникас становится опальной фигурой. Когда в 1976 г. он скончался, им основанный журнал "Советская археология" не удостоил его даже нескольких строк некролога...

* * *

Нет, образ его не был "иконописен". В.И. Равдоникас был крайне сложной и противоречивой натурой. Иногда он был по-военному резок, требователен до придиричivosti, прямолинеен и категоричен. Блестящий оратор-полюемист, обладающий незаурядными актерскими способностями (его лекции, являвшиеся своего рода театрализованным представлением, до сих пор с восторгом вспоминает старшее поколение выпускников ЛГУ), он в ходе научной дискуссии порой излишне увлекался, переступая тонкую грань корректности научного спора. Ученик выдающегося русского археолога А.А. Спицина, он, в начале 30-х гг. выступал в роли ниспровергателя традиционных устоев дореволюционной русской археологии как "буржуазного вещеведения". Сегодня эта сторона его деятельности многими археологами оценивается крайне негативно. Несомненно, однако и то, что археологическая "публицистика" Равдоникаса не носила "заказного", конъюнктурно-политического характера, определялась искренними убеждениями исследователя, а не "карьерными" соображениями. Подтверждение тому - его принципиальная позиция в так называемом "варяжском вопросе", позиция, которую он не изменил ни на йоту, несмотря на вполне официальную поддержку "сверху" псевдопатриотических идей антинорманистов. Еще более важно то, что равдоникасовская критика, при всей своей нигилистической прямолинейности и "революционных" перефразисах, не имела ничего общего с процветавшим в те годы политическим доношением. Ни в начале 30-х, ни позднее ни один из "публично проработанных" Равдоникасом исследователей не был репрессирован, "...и у нас есть полная уверенность в том, что он

(Равдоникас), признавая лишь борьбу идей, сражение мысли с открытым забралом, ничем не обогатил архивы "компетентных органов" и был духовно бесконечно далек от них..." Это мнение, высказанное А.Д. Столяром (Проблемы археологии. Вып. 3, СПб., 1994, с.9), разделяется сегодня всеми, знавшими Равдоникаса.

* * *

Сегодня очень модно стало рассуждать о "простигнутой" советской исторической науке (а заодно и археологии), о том, что ВСЯ советская историческая наука ВСЕГДА являлась не более чем служанкой большевистской идеологии. Это обвинение, однако, само есть следствие своего рода "юношеского максимализма", знающего мир только в сочетании черного и белого цвета, не признающего иных цветов, а также полутонов и оттенков. "Мы поименно вспомним тех, кто поднял руку!" – бездумно повторяем мы порой вслед за А.Галичем, забывая что его стихи на смерть Пастернака были написаны уже ПОСЛЕ хрущевской "оттепели". А в те, 30-е – 40-е гг. легче было бы считать тех, кто руку не поднимал. Да и были ли такие? Академик Д.С. Лихачев вспоминает, что для него сложнейшей проблемой было суметь вовремя сказать больным и не явиться на собрание, где неизбежно пришлось бы голосовать так, как было предписано. А ведь Д.С.Лихачев в те годы был всего-то корректором в издательстве, потом младшим научным сотрудником. Насколько же сложнее было тем, кто все время оставался на виду, лидерам отечественной науки и культуры, к числу коих принадлежал и В.И. Равдоникас. Идти на сделку с совестью порой приходилось даже таким отчаянным смельчакам, как М.А. Булгаков. Так автор "Белой гвардии", "Собачьего сердца" и "Мастера" стал, одновременно и автором "Батума". Жизнь под "колпаком" бросала российских интеллигентов в петлю или под пулю или, в лучшем случае, вырабатывала склонность к "саморазрушению" спиртным. Этот традиционный недуг российской интеллигенции был свойственен и Равдоникасу. Ставшие классикой "археологического фольклора" рассказы его учеников о том своеобразном "экзамене" на археолога, который им порой приходилось сдавать, сегодня осмысляются отнюдь не только как причуда маститого исследователя.

"И нас хоть пулеметы не косили,
Но жили мы поднять не смея глаз...
Мы тоже дети страшных лет России -
Безвременье вливало водку в нас!"
(В. Высоцкий)

* * *

Всерьез говорить об абсолютной политизированности советской исторической науки, о ее роли послушной служанки политической конъюнктуры могут только дилетанты, не осведомленные о том, какую трагедию пережила отечественная историческая школа, каким страшным ударам она подвергалась в течение почти всех 70 лет советской власти.

Не по своей воле уже в 20-х гг. за рубежом оказались многие виднейшие исследователи, в том числе археологи (М.И. Ростовцев, Н.П. Кондаков, А.А. Бобринский, Э.Ф. Штерн, П.С. Уварова и др.) Еще больше число тех, кто подвергся политическим репрессиям, прошел через ссылки и лагеря (среди них такие корифеи исторической науки, как академики С.Ф. Платонов и Е.В. Тарле, археологи А.А. Миллер, Б.А. Латынин, С.И. Руденко).

"Мы с восхищением читаем великолепную книгу датчанина Глоба о культуре одиночных погребений. Но и с горечью: она сдана в печать в 1944 г., завершена в 1942-1943 гг. В это самое время в осажденном Ленинграде умерли от голода академик Жебелев и молодой археолог Подгаецкий, один из помощников Латынина в работе над книгой "Родовое общество степей Восточной Европы". Другой помощник, Круглов, погиб на фронте вместе со многими коллегами. Они не успели завершить свои работы об одиночных погребениях, так как молодыми легли в могилы, одиночные и братские. От Ленинграда до Севастополя и от Москвы до Берлина. Сам Латынин 17 лет провел в лагерях и ссылках - без какой-либо вины - и вернулся стариком инвалидом, лишенным даже авторства, возможности увидеть свое имя на своей книге..." (Л.Клейн. Феномен советской археологии. СПб., 1993). Из ГУЛАГА вообще вернулись немногие, и лишь единицы, как Л.Н. Гумилев, смогли продолжить плодотворную творческую деятельность.

Даже историки-марксисты, "красные" профессора и академики М.Н. Покровский и Н.Я. Марр не избежали

шельмования, правда (к счастью для них), посмертного. К этому шельмованию, кстати, лично приложил руку "гениальный ученый" и "лучший в мире" знаток истории и языкознания И.В. Сталин.

Вообще же, профессиональному историку стать "врагом народа" было легче чем кому бы то ни было. Так А.Н. Бернштам, ленинградский археолог и еврей по национальности, в 50-е гг. был объявлен тюркским националистом всего лишь за то, что предположил существование определенно уровня культуры у кочевников гуннов, а это, как выяснилось, шло вразрез с мнением И.В. Сталина, утверждавшего, в одной из своих речей военного времени, что варварство фашистов и варварство гуннов - это одно и то же. Профессор И.М. Гревс, глава российского краеведения, в 1932 г. был подвергнут травле за...любовь к памятникам старины и стремление сохранить их от порчи и разрушения. Журнал "Советское краеведение" в передовице под красноречивым названием "За большевистскую бдительность в краеведении" (1932, N I, с.7-17) демонстрирует шедевр перевернутой логики: раз Гревс ратует за сохранение всех памятников старины, стало быть он выступает и за сохранение самодержавия! Все это было бы смешно, когда бы не было так страшно. За диагнозом немедленно последовал приговор. Археологическое краеведение было разгромлено, археологи-краеведы, во главе с Гревсом, репрессированы. А теперь, внимание, соотнесем даты. Храм Христа-Спасителя в Москве был взорван именно в эти годы (1931 г.)!

Так не заслуживают ли, как минимум, понимания те исследователи, кто, подобно В.И. Равдоникасу, и в это кошмарное время находили возможность РАБОТАТЬ, и своим творческим трудом противостоять наступлению царства дикости. РАБОТАТЬ, пока хватало душевных сил...

* * *

Время активной исследовательской работы археолога В.И. Равдоникаса ограничено всего лишь двумя десятилетиями (1929-1948 гг.), из которых четыре года пришлось на войну. Но за это время он успел сделать поразительно много, столько, что этого могло бы с лихвой хватить на несколько полноценных исследовательских биографий. В оценке его коллег и учеников

это время предстает как период удивительного творческого горения, создает ощущение некоего "феномена Равдоникаса".

Одна из самых ярких страниц биографии Равдоникаса-археолога - его деятельность в качестве исследователя первобытного искусства...

Карелия... Скалистые берега Онежского озера. Здесь, на небольших гранитных мысах, расположенных на десятке километров побережья, развернута удивительная "галерея" произведений художников древности. Рисунки древнего человека, высеченные на гранитных плитах (так называемые "петроглифы") были известны местному населению уже давно и прочно ассоциировались с таинственными дохристианскими культурами. Недаром один из онежских мысов-галерей, где учеными было насчитано 114 наскальных рисунков носит красноречивое название "Бесов нос". Центральное место среди петроглифов этого мыса и в правду занимает "Бес" - загадочное антропоморфное (человекоподобное) изображение, как бы рассеченное по вертикали глубокой трещиной в скале. Кстати, наблюдения современных исследователей показывают, что изображение "Беса" нанесено на скалу позднее возникновения трещины, и, стало быть, это не случайный дефект камня, а значимая деталь самого изображения. Предполагается, что древние люди "кормили" "Беса", то есть совершали своеобразное жертвоприношение, причем трещина в скале служила как бы "ртом", "пищеводом" и "желудком". Понятно, что христианская церковь не могла обойти своим вниманием это "бесовское прельщение". Ретивые священники (вероятно в прошлом столетии) "нейтрализовали" силу онежского "Беса" тем, что высекли поверх него изображение креста.

Исследователи древностей обратили внимание на онежские петроглифы в середине XIX в. (1848 г., К.И. Гревинк). Краткие сообщения о них опубликовали также Е.В. Барсов в 1878 г., Г.Гальстрем в 1911 и А.Ф. Шидловский в 1914 г. Однако, вплоть до конца 1920-х гг. большинство археологов относилось к петроглифам, по словам А.А. Спицина, как к "отрывочному, слабому и трудному для понимания материалу" и откровенно пренебрегали их изучением (Спицин А.А. Оловецкие петроглифы. Сборник Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей. Ч. I. Л., 1929, с.49).

В конце 20-х гг. изучением петроглифов Карелии занялся А.М. Линеvский, исследователь, с детства известный многим из нас как автор увлекательной историко-приключенческой повести "Листы каменной книги". В историю археологии он вошел как автор серии статей об онежских петроглифах и как первооткрыватель изображений Беломорья (1926 г. урочище Бесовы следки на р. Выг). А.М. Линеvский опубликовал серию изображений петроглифов Карелии, но выборочно и недостаточно качественно.

В 1934 г. с петроглифами Карелии впервые знакомится В.И. Равдоникас. Поводом для этого стало строительство Свирской ГЭС и предполагаемое поднятие уровня Онежского озера, в связи с чем "галерея" наскальных рисунков древнего человека оказалась бы затопленной. Увидев онежские петроглифы "в натуре", своими глазами, Равдоникас мгновенно - что свойственно только большому ученому - оценил их как памятники МИРОВОГО значения, явственно осознал грозящую им опасность и немедленно начал действовать. Он категорически заявляет о необходимости спасения онежских петроглифов и охраны их путем создания государственного заповедника. Затопления памятников удалось избежать и уже 10 декабря 1934 г. правительство Карелии приняло специальное Постановление о создании заповедника "Бесов нос" общекарельского значения. Решение это, к сожалению, в полной мере не было реализовано, но это уже не вина Равдоникаса.

Другим способом сохранения памятника для науки являлось немедленное обследование и фиксация (копирование) всех изображений. Поэтому В.И. Равдоникас изменил свои собственные исследовательские планы и уже в 1935 г. организовал и возглавил специальную экспедицию по изучению онежских петроглифов. Совершая этот шаг, он, в известном смысле, шел "против течения" - ведь основополагающие постулаты марксизма ("бытие определяет сознание" и т.п.) требовали от советских археологов сосредоточения их внимания на изучении памятников МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ, прежде всего орудий труда и древних производств. Здесь же речь шла о произведениях искусства, то есть памятниках ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ древности.

То, что удалось сделать Равдоникасу и сотрудникам его экспедиции в течение всего двух полевых сезонов (1935 и 1936 гг.) - поражает воображение, производ-

дит, по словам специалистов, работавших позднее на тех же памятниках (А.Д. Столяр), впечатление чего-то "запредельного", то есть лежащего за пределами возможностей человека. В первой экспедиции у Равдоникаса было только пять сотрудников, во второй - того меньше - всего три. Добавим к этому короткое северное лето, капризность погоды, бездорожье (по Онеге экспедиция передвигалась на тяжелой гребной лодке "кижанке"), множество других, осложняющих работу археологов обстоятельств... И вот результат: проведено ПОЛНОЕ обследование всех известных на тот момент местонахождений петроглифов. Только на Онеге учтено 570 изображений (из них 150 - новых, никому до той поры не известных). Все наскальные изображения тщательным образом зафиксированы, скопированы в натуральную величину. Помимо Онеги исследованы низовья реки Выг в Беломорье, где выявлено несколько новых небольших групп изображений. И наконец, 5 сентября 1936 г. было сделано главное открытие: в урочище Залавруга (на р.Выг) В.И. Равдоникас обнаружил колоссальный комплекс наскальных изображений, своего рода огромное художественное "полотно" площадью более 100 кв.м. с тремя скоплениями изображений, включающими 216 фигур.

"Можно представить, что только общее вдохновение позволило горстке сотрудников тщательно документировать этот гигантский и сложный комплекс. Тем самым он был сохранен для науки, ибо в последующие годы центральная часть Залавруги подверглась катастрофическому разрушению (по воспоминаниям местных жителей, в военное время на этой площади размещались гусеничные трактора, разбивающие своими траками скальную поверхность)." (Столяр А.Д. Равдоникас как исследователь первобытного искусства. Проблемы археологии, вып. III, с.17).

* * *

Одним из главных, и очень распространенных, археологических "пороков" являются эгоизм и "скудость" исследователя, не желающего делиться с коллегами той Крито-Микенской цивилизации. Первооткрыватель таинственных писем, известнейший английский археолог Артур Эванс, не желая никому уступить честь дешифровки, долгие годы не публиковал найденные им материалы. А самому ему дешифровка линейного письма

не давалась. Когда же А. Эванс умер, и глиняные таблички с линейным письмом были наконец опубликованы, другой англичанин, Майкл Вентрис, почти моментально нашел ключ к решению этой научной загадки...

Исследовательский эгоизм никогда не был свойственен Равдоникасу. Полная публикация материалов карельских экспедиций была осуществлена им немедленно по завершении работ. Первый том ("Наскальные изображения Онежского озера") вышел в свет уже в 1936 году, второй ("Наскальные изображения Белого моря") в 1938 году (спустя полтора года после открытия Залавруги). О качестве этих публикаций красноречиво говорит следующий факт. Классик скандинавской археологии Г. Гальстром, считавший изучение петроглифов делом всей своей жизни и работавший на Онеге еще в 1910-1914 годах, в то же самое время готовил собственное фундаментальное издание онежских петроглифов. Познакомившись с работой Равдоникаса, Г. Гальстром оценил ее как первоклассную и отказался от идеи собственной публикации.

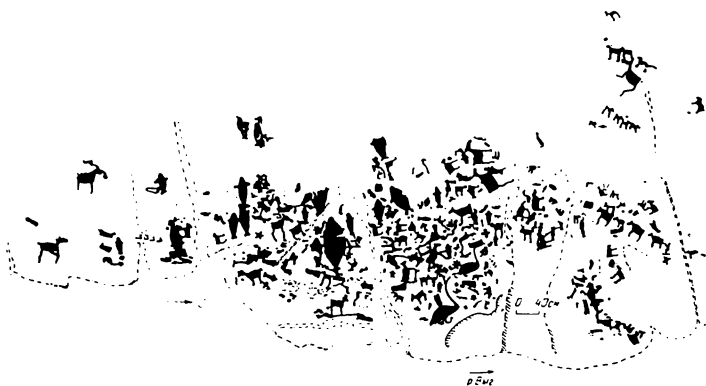
Публикации В.И. Равдоникаса создали основательную источниковедческую базу изучения первобытного искусства российского Севера. Десятки, сотни исследователей получили возможность включиться в работу по осмыслению, изучению этих памятников. В отличие от большинства позднейших работ, где изображения публиковались выборочно, главным образом в качестве иллюстрации к авторским рассуждениям, Равдоникас своим полным, документально точным изданием дает каждому желающему материал для САМОСТОЯТЕЛЬНОГО исследования, приглашает к САМОСТОЯТЕЛЬНОМУ научному поиску.

* * *

Еще одна яркая грань таланта В.И. Равдоникаса, как исследователя первобытного искусства, раскрылась в его теоретических статьях, посвященных петроглифам Карелии. До сих пор исследователи воспринимали наскальные рисунки древнего человека как простое воспроизведение реалий древнего бытия, своего рода "фотоснимки" с натуры. Дешифровка петроглифов ограничивалась "угадыванием" изображения на основе этнографических параллелей в материальной культуре народов Севера. Предполагалось, что для этого достаточно элементарного здравого смысла. Дей-

Изображения, выбитые на гранитных скалах в урочище Залавруга близ г. Беломорска, группа I (по В. И. Равдоникасу)

Изображения, выбитые на гранитных скалах в урочище Бесовы следки близ г. Беломорска (по В. И. Равдоникасу)

ствительно, многие рисунки "прочитываются" вроде бы без труда: это изображения животных, птиц, являющихся объектом охоты древнего человека, изображения охотничьих сцен (в том числе охоты с гарпуном на морского зверя), охотники на лодках, на лыжах и т.д. Встречались, правда, и непонятные изображения, например, распространенные на Онеге знаки в виде круга или полумесяца с двумя лучами, направленными в одну сторону. Этнографические параллели прояснили, как-будто бы, и эту загадку: это изображение напоминает охотничьи капканы (гипотеза А.М. Линевского). Оставалось только объяснить еще самое главное: ЗАЧЕМ древний человек создавал все эти изображения. Здравый смысл и тут подсказал ответ: по мнению того же А.М. Линевского, петроглифы являются компонентом охотничьей магии. Предполагается, что отправляясь на охоту, древний человек высекал на камне изображение зверя, птицы, или охотничьей сцены, выполняя соответствующие обряды, чем и "обеспечивал" себе удачный исход охоты. При таком толковании петроглифические "полотна" могут рассматриваться как своего рода "охотничий дневник" того или иного племени.

В.И. Равдоникас первым предлагает принципиально иной философский подход к проблеме осмысления первобытного искусства! По его мнению, петроглифы - это материал, приоткрывающий нам не историю быта древнего человека, а историю становления человеческого ДУХА, человеческого МЫШЛЕНИЯ. Это не "фотоснимки с натуры", а именно КАРТИНЫ, художественные полотна, отражающие во многом загадочное для нас восприятие мироздания древним человеком. Отдельные изображения - не слепки с натуры, а особые знаки-символы, семантику которых еще необходимо расшифровать! Кстати, "ловушки" А.М. Линевского В.И. Равдоникас определил как солярные и лунарные знаки и доказал это близкими аналогиями в наскальных изображениях Швеции и в искусстве Древнего Египта (Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству. М., 1969, с.127). Это открытие дало возможность вплотную подойти к постановке проблемы космогонических представлений древнейшего населения российского Севера и Скандинавии.

Разумеется, сам В.И. Равдоникас не избежал в своих трудах досадных просчетов, неточностей, порой наивных или недостаточно обоснованных выводов, что

объясняется общим уровнем состояния науки того времени. Многие его гипотезы ныне представляют лишь историографический интерес. Но его основная идея, характеризующая древнее творчество как отражение действительности "в историческом зеркале особой кривизны, определяемой фундаментальной эволюцией мышления" (Столяр А.Д. Указ.соч., с.28) и сегодня, по прошествии более чем полувека, определяет магистральное направление изучения первобытного искусства.

* * *

...19 декабря 1994 г. Необычно - для Питера - морозный и солнечный день. Два автобуса и пикап киносъемочной группы приближаются к Комарово. Археологи едут на свидание с Владиславом Иосифовичем Равдоникасом. Москвичи и питерцы, киевляне и минчане, екатеринбуржцы и новосибирцы, а еще финны, эстонцы, норвежцы, шведы...

Он лежит в священной для российской культуры земле мемориального кладбища в Комарово. На его могиле покоится простой каменный крест из карельского габбро-диабазы...

С.-Петербург - Нарва, январь 1995 г.

Изображения, выбитые на мысу Бесов нос на Онежском озере (по В. И. Равдоникасу)

К 50-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ НАД ФАШИЗМОМ

МАРИЯ ВАСИЛЬЧИКОВА

БЕРЛИНСКИЙ ДНЕВНИК

Мария Илларионовна Васильчикова (Мисси) родилась 11 января 1917 г. в Петербурге, а закончила свой жизненный путь в Лондоне 1978 г. Она была дочерью бывшего члена Государственной Думы князя Иллариона Сергеевича Васильчикова и его жены Лидии Леонидовны, урожденной княжны Вяземской. В роду Васильчиковых были дипломаты, государственные и общественные деятели, военачальники. Семья Васильчиковых покинула Родину весной 1919 г., и Мисси росла беженкой – в Германии, во Франции и в Литве, тогда еще независимой. Училась и провела свою молодость Мисси во Франции – центре общественной и культурной жизни русской эмиграции. Где бы ей не приходилось бывать: в Баден-Бадене или в Париже, она находила русских родственников и друзей, молилась в русских православных храмах, справляла русские праздники, посещала русские спектакли и концерты. Иными словами, она постоянно подвергалась влиянию той "русскости", проявление которой даже у тех, кто родился и вырос

М.И. Васильчикова (Мисси). Берлин. 1943

в эмиграции, так поражает многих. В 1932 г. семья покинула Францию и поселилась в Каунасе, тогдашней столицы Литвы. В Литве, где перед революцией находилось одно из имений Васильчиковых и где отец ее был губернским предводителем дворянства, Мисси впервые познакомилась с образом жизни и духовной атмосферой Восточной Европы, столь отличными от Запада.

Но уже в 1938 г. ей пришлось уехать в Швейцарию, и когда в 1939 г. разразилась Вторая мировая война, Мисси и ее сестра Татьяна (ныне княгиня Меттерних) находились в Силезии. Родители и младший брат Георгий (Джорджи), проживали еще в Каунасе, где вскоре Красная Армия начала занимать стратегические позиции; а старшая сестра - в Италии.

Хотя Мисси не являлась гражданкой Германии, с ее знанием пяти европейских языков, она довольно быстро нашла работу - сперва в Бюро радиовещания, а затем в Информационном отделе Министерства иностранных дел. Там она познакомилась с группой убежденных противников гитлеризма, которые впоследствии стали активными участниками "заговора 20 июля 1944 года".

Чудом уцелевшая хроника Мисси с ее тщательным описанием день за днем, а иногда час за часом, последовавшей за провалом попытки графа фон Штауфенберга убить Гитлера оргии террора, во время которой погибло много ее близких друзей и сотрудников, является чуть ли не единственным известным нам очным свидетельством этих страшных недель.

После смерти мужа (американского архитектора П.Харднена), в 1971 году Мисси переехала в Лондон и в 1976 году под давлением семьи и друзей она, наконец, решила опубликовать дневник. Мисси закончила подготовку дневника к печати буквально за несколько недель до своей кончины. Никогда в жизни она не смогла бы предвидеть триумфального успеха своего дневника. (В США, например, он стал обязательным чтением на исторических факультетах в наиболее известных университетах).

Предлагаем вниманию читателей сокращенный вариант главы из дневника М.И. Васильчиковой (перевод Е.В.Маевского), воспроизводимую по изданию: "Berlin Diaries 1940-1945. Marie Vassiltchikov", London, 1984.

и.

"НАШЕ НАСЛЕДИЕ", 3/1991.

ОТ 19 ИЮЛЯ ДО СЕНТЯБРЯ 1944 ГОДА*

Берлин. Среда, 19 июля. Сегодня я уехала из Круммхюбеля¹ – подозреваю, навсегда. Я все упаковала и взяла с собой лишь самое необходимое. Остальное будет находиться у “Мадонны” Блюм, пока я не выясню, что со мной будет.

Мы доехали до Берлина в одиннадцать утра, но из-за недавних воздушных налетов все вокзалы в хаотическом состоянии. Наткнулась на старого принца Августа Вильгельма, четвертого сына покойного кайзера, который любезно помог мне донести багаж. В конце концов мы сели в автобус. Город окутан дымом; всюду развалины. Вскоре я была у Герсдорфов².

Поскольку теперь лето, они обедают в верхней гостиной, хотя в ней все еще нет окон. Я застала там обычную компанию плюс Адам Тротт³.

Позже у меня с Адамом был долгий разговор. Он выглядит очень бледным и усталым, но, судя по всему, рад меня видеть. Он в ужасе от того, что Лоремари Шёнбург⁴ вернулась в Берлин: ему очень не по душе ее непрекращающиеся попытки свести вместе людей, которых она подозревает в сочувственном отношении к тому, что я называю *die Konspiration*⁵, и многие из которых уже принимают в нем активное участие, так что им с трудом удастся отвести подозрения. Каким-то образом она узнала и о причастности Адама; теперь она не дает покоя ему и его окружению, в котором она получила прозвище “Лоттхен” (в честь убийцы Марата – Шарлотты Корде). Многие ее считают прямо опасным человеком. Адам сказал мне, что она и на меня жаловалась: я-де не желаю принимать активное участие в приготовлениях.

Дело в том, что между всеми ними и мной существует фундаментальная разница во взглядах: не будучи немкой, я заинтересована только в уничтожении Сатаны. Я никогда не придавала большого значения тому, что будет потом. Будучи немецкими патриотами, они хотят спасти свою страну от полного краха путем создания своего рода временного правительства. Я никогда не верила, что даже такое временное прави-

тельство окажется приемлемым для союзников, которые отказываются проводить различие между “хорошими” и “плохими” немцами. Это, конечно, их роковая ошибка, и все мы, вероятно, дорого за нее заплатимся.

Мы договорились не встречаться до пятницы. Когда Адам ушел, Мария Герсдорф заметила: “Он так бледен и истощен; иногда мне кажется, что ему осталось недолго жить”.

*По мере того**, как война затягивалась, вовлекая все новые и новые европейские государства, увеличивались списки погибших, росли масштабы людских страданий и материальных разрушений и поступали все новые сведения о зверствах немцев, союзникам становилось все труднее проводить различие между Гитлером с его пособниками и так называемыми “хорошими немцами” и проводить политику, которая позволила бы Германии, очищенной от нацизма, вернуться в сообщество цивилизованных наций. Тем более что за исключением заверений и обещаний со стороны немногих отдельных лиц, не было никаких весомых доказательств того, что Гитлер не представляет всю Германию. Как уже в мае 1940 года это сформулировал Антони Иден: “Гитлер есть не феномен, а симптом, выражение воли огромной части немецкого народа”. А 20 января 1941 года Уинстон Черчилль дал британскому Министерству иностранных дел распоряжение игнорировать любые попытки мирного зондажа изнутри Германии: “Нашей реакцией на все такого рода запросы или предложения должно быть полное молчание...”

Именно эту стену недоверия и враждебности и пытались столь отчаянно преодолеть Адам Тротт и его друзья в антинацистском сопротивлении. Но ответ был дан раз и навсегда президентом Рузвельтом в январе 1943 года в Касабланке: “Безоговорочная капитуляция”, – и убежденным антинацистам оставался только один выход: держаться до конца.

На ужин к нам пришла Ага Фюрстенберг⁶. Она теперь живет в Грюневальде, в доме актера Вилли Фрича⁷, это очаровательный коттеджик, который он после него оставил после нервного срыва во время одного из недавних налетов. Говорят,

*Весь этот раздел был перепечатан мною в сентябре 1945 года на основе скоротечных записей личного изобретения, сделанных в то время (прим. автора).

**Заговор (нем.).

*Курсивом выделены сопроводительные заметки князя Г. И. Васильчикова к тексту дневника (прим. редакции).

что он целый день лежал на кровати и рыдал, пока его жена не вернулась в Берлин и не вывезла его за город. Ага делит дом с Джорджи Паппенхаймом*, обаятельным человеком, который много лет был дипломатом и которого только что отозвали из Мадрида, вероятно, из-за его родovitости (Паппенхаймы – один из старейших родов Германии). Он прекрасно играет на фортепиано.

Мне дали отпуск по болезни на четыре недели, но с правом воспользоваться за один раз только двумя неделями и с условием, что я подготовлю себе помощницу, которая будет за все ответственной в мое отсутствие.

Четверг, 20 июля. Сегодня днем Лоремари Шёнбург и я сидели на лестнице в конторе и разговаривали, как вдруг ворвался Готфрид Бисмарк* с пылающими щеками. Я еще никогда не видела его в таком лихорадочном волнении. Сначала он увел в сторону Лоремари, потом спросил меня, какие у меня планы. Я сказала ему, что планы неопределенные, но что мне очень хотелось бы уйти из А.А.* как можно скорее. Он сказал мне, чтобы я не беспокоилась, что через несколько дней все уладится и все мы узнаем, что с нами будет. Потом, попросив меня приехать к нему в Потсдам с Лоремари как можно скорее, он вскочил в машину и уехал.

Я вернулась за свой стол и позвонила в Швейцарскую миссию Перси Фрею**, чтобы отменить нашу договоренность вместе пообедать, так как я предпочтала поехать в Потсдам. Ожидая, пока ответит номер, я повернулась к Лоремари, стоявшей у окна, и спросила, почему Готфрид был в таком состоянии, может быть, это Konspiration? (И все это с телефонной трубкой в руке!). Она прошептала: "Да! Именно! Все свершилось. Сегодня утром!" В это время Перси подошел к телефону. Все так же с трубкой в руке, я спросила ее: "Мертв?" Она ответила: "Да, мертв!" Я бросила трубку, обхватила ее за плечи, и мы закружились по комнате в вальсе. Потом я схватила кое-какие документы и снула их в первый попавшийся ящик стола, после чего мы, крикнув привратнику, что мы dienstlich unterwegs**, ринулись на станцию Зоо. По дороге в Потсдам

она шепотом сообщила мне подробности, и хотя в купе было полно народу, мы даже не пытались скрыть свои волнение и радость.

Граф Клаус Шенк фон Штауфенберг, полковник Генерального штаба, положил бомбу у ног Гитлера во время совещания в ставке Верховного главнокомандования в Растенбурге, в Восточной Пруссии. Бомба взорвалась, и Адольф погиб. Штауфенберг ждал снаружи до момента взрыва, а потом, увидев, как Гитлера выносят на окровавленных носилках, побежал к своему автомобилю, спрятанному где-то поблизости, и вместе со своим адъютантом, Вернером фон Хафтенмом поехал на местный аэродром и прилетел обратно в Берлин. Во всеобщей неразберихе никто не заметил его исчезновения.

Прибыв в Берлин, Штауфенберг немедленно явился в О.К.Х. (штаб командования сухопутными силами) на Бисндрештрассе, который к этому времени был захвачен заговорщиками и где собрались Готфрид Бисмарк, Хельдорф¹ и многие другие. (О.К.Х. находится по другую сторону канала от нашей Вюршштрассе). Сегодня вечером в шесть предполагалось сделать сообщение по радио, что Адольф мертв и сформировано новое правительство. Новым рейхсканцлером должен был быть Герделер, бывший мэр Лейпцига. Он связан с социалистами и считается блестящим экономистом. Наш граф Шуленбург² или посол фон Хассель¹ будет министром иностранных дел. Первое, что я подумала – что, может быть, не следовало бы ставить лучшие умы во главе того, чему суждено быть всего лишь временным правительством.

Тридцатисемилетний Штауфенберг присоединился к военному заговору сравнительно поздно – формально он стал его участником только в июле 1943 года. В юности он, как и многие патристически настроенные немцы, верил, что Гитлер призван спасти Германию от катастрофических последствий и позора Версальского договора. Состоял при легендарном Роммеле в Северной Африке, он был тяжело ранен, лишился глаза, правой руки и двух пальцев на левой руке – увечье, оказавшееся роковым при покушении. В июне 1944 года он был назначен членом штаба Армии резерва, так называемой Ersatzheer, заместитель командующего которой, генерал-полковник Фридрих Ольбрихт, был давним антинацистским заговорщиком. По должности Штауфенберг был обязан регулярно являться с докладом лично к Гитлеру. По-

*Министерство иностранных дел.

**Уходим по службным делам (нем.).

скольку в окружении Гитлера никто больше не мог или не решался взять на себя его ликвидацию, Штауфенберг решил сделать это во время одной из таких встреч.

Две первых попытки – 11 и 15 июля – были отложены в последнюю минуту. К тому времени аресты становились все чаще уже и среди военных. Было ясно, что гестапо подбирается к заговорщикам. Когда 20 июля Штауфенберг был снова вызван к Гитлеру, он решил: будь что будет, на сей раз он его убьет.

Когда мы добрались до регирунга* в Потсдаме, был уже седьмой час. Я пошла умыться. Лоремари поспешила наверх. Прошло всего несколько минут, когда я услышала за дверью медленные шаги, и она вошла со словами: “Только что было сообщение по радио: некто граф Штауфенберг пытался убить фюрера, но providение спасло его...”

В действительности первое сообщение по радио, сделанное в 18.25, не содержало никаких имен. В нем говорилось лишь следующее: “Сегодня было совершено покушение на жизнь фюрера с применением взрывчатки... Сам фюрер не пострадал, если не считать легких ожогов и царапин. Он немедленно вернулся к работе и, согласно программе, принял Муссолини для длительной беседы”. Только в последовавшем за этим комментарии был скрытый намек на то, что совершил покушение (“дело вражеских рук”). Но в тот момент Гитлер еще не понимал, что бомба была лишь частью значительно более крупного заговора, имевшего целью свержение нацистского режима. Он осознал, что происходит в действительности лишь позже, когда узнал о попытках перестроиться в Берлине, Париже и Вене.

Я взяла Лоремари за руку, и мы побежали наверх. Бисмарки были в гостиной, Мелани¹⁴ застыла от ужаса, Готфрид шагнул по комнате туда и обратно, туда и обратно. Я боялась взглянуть на него. Он только что вернулся с Бендлерштрассе и повторял: “Этого не может быть! Это обман! Штауфенберг видел его мертвым. Они разыгрывают комедию и используют двойника Гитлера, чтобы оставить все как есть”. Он пошел к себе в кабинет позвонить Хельддорфу. Лоремари последовала за ним, а я осталась с Мелани.

*Служебное помещение гражданского губернатора в Потсдаме.

Она начала ныть: это Лоремари втравила Готфрида в это дело; она его обрабатывала много лет; а если он теперь погибнет, то не кто-нибудь другой, а она, Мелани, останется вдовой с тремя маленькими детьми: может быть, Лоремари и может позволить себе такую роскошь, но кто останется сиротами? Чужие дети, не ее... Это было поистине ужасно, и мне нечего было сказать.

Готфрид вернулся в гостиную. Он не дозволил до Хельддорфа, но узнал кое-что: главная радиостанция была упущена – восставшие захватили ее, но не смогли пустить в ход, и теперь она опять в руках эсэсовцев. Однако офицерские училища в пригородах Берлина взяли за оружие и сейчас движутся на столицу. И действительно, через час мы услышали, как по Потсдаму грохочут танки Крампницского бронетанкового училища, направляющиеся к Берлину. Мы высунулись в окна, глядя, как они проезжают, и молились. На улицах, практически пустых, никто, похоже, не знал, что происходит. Готфрид все настаивал, что Гитлер не мог уцелеть, что “они” что-то скрывают...

Немного позже по радио объявили, что в полночь фюрер выступит с обращением к германскому народу. Мы поняли, что только тогда узнаем наверняка, обман это все или нет. И все же Готфрид упорно цеплялся за надежду. Он говорил, что даже если Гитлер действительно жив, его ставка в Восточной Пруссии так далеко от всего, что режим все-таки можно свергнуть прежде, чем он снова вернет себе контроль над самой Германией. Но нам всем сделалось не по себе.

С 1943 года в штабе командования сухопутных сил на Бендлерштрассе (так называемом О.К.Х.) существовал план на случай чрезвычайных обстоятельств под кодовым названием “Валькирия”, предусматривавший, какие меры должны быть приняты в случае внутренних беспорядков или крупномасштабного саботажа со стороны миллионов иностранных рабочих, находящихся тогда в Германии. Главная роль, согласно этому плану, отводилась Армии резерва, а также частям, расквартированным в столице и вокруг нее – гвардейскому батальону в Берлине и офицерским училищам в его окрестностях. По иронии судьбы, план “Валькирия” был утвержден самим Гитлером! Ольбрихт, Штауфенберг и их соучастники по заговору разработали секретное приложение к этому плану, благодаря которому его удалось бы использо-

вать также и для свержения нацистского режима, после чего к власти пришло бы новое правительство, которое немедленно приступило бы к мирным переговорам. С самого начала в плане были роковые просчеты. Например, из тех членов высшего военного командования, которым по плану "Валькирия" предстояло взять власть не только в Германии, но и во всей остальной оккупированной Европе, лишь немногие были осведомлены об истинных намерениях заговорщиков. Рассчитывали на то, что остальные, начиная с генерал-полковника Фридриха Фромма, командующего Армией резерва, от которого так много зависело, "присоединятся", после того как смерть фюрера освободит их от данной ему присяги. Иными словами, все упиралось в убийство Гитлера. Было также весьма важно, чтобы на несколько часов прервалось всякое сообщение между Растенбургом и внешним миром – для предотвращения контрмер. Наконец, Штауфенбергер должен был не только убить Гитлера, но и благополучно вернуться в Берлин, чтобы проследить за надлежащим исполнением плана "Валькирия". Дело осложнялось еще тем, что средний немецкий солдат к этому времени был так основательно идеологически обработан, что трудно было предугадать, какова будет его реакция на приказ захватить ключевые учреждения страны.

Несколько раз звонил Хельдорф. Звонил также гауляйтер* Бранденбурга, который спрашивал у регирунгспрезидента** Ботсдама графа Бисмарка, что он, черт побери, собирается делать, так как насколько ему, гауляйтеру, известно, в столице начались беспорядки и, возможно, даже бунт. Готфрид имел нахальство сказать ему, что, согласно приказу Верховного главнокомандования, фюрер предписывает всем высшим чиновникам оставаться на своих постах и ожидать дальнейших распоряжений. На самом деле Готфрид рассчитывал, что скоро силами восставших будет арестован сам гауляйтер.

С наступлением ночи распространились слухи о том, что восстание развертывается не столь успешно, как на это надеялись. Кто-то позвонил с аэродрома: "Die Luftwaffe macht nicht

mit".*** Они требовали личного приказа Геринга или самого фюрера. Тогда и Готфрид высказался скептически – впервые за все время. Он сказал, что такие вещи надо делать быстро; каждая потерянная минута наносит делу непоправимый урон. Тем временем полностью давно прошла, а Гитлер все еще не выступал. Все это привело меня в такое уныние, что я пошла спать: не было никакого смысла ждать дальше. Скоро моему примеру последовала и Лоремари.

В два часа утра заглянул Готфрид и сказал упавшим голодом: "Сомнений нет, это был он!"

Гитлер выступил по радио в час ночи 21 июля. Он сказал, что маленькая клика тщеславных, бесчестных и преступно глупых офицеров, не имеющих ничего общего с германскими вооруженными силами, а тем более с германским народом, создала заговор с целью устранить его и одновременно свергнуть Верховное командование вооруженных сил. Бомба, подложенная графом фон Штауфенбергом – единственное названное имя – взорвалась в двух метрах от него и серьезно ранила несколько преданных сотрудников, одного смертельно. Сам он остался цел и невредим, если не считать незначительных царапин и ожогов, и он рассматривает это как подтверждение воли Провидения, желаящего, чтобы он продолжал дело всей своей жизни – борьбу за величие Германии. Теперь эта крошечная кучка преступных элементов будет безжалостно истреблена. Затем следовали распоряжения по восстановлению порядка.

На рассвете мы снова услышали, как по городу идут танки из Крампница; они возвращались в свои казармы, так ничего и не добившись.

Курсанты Крампницкого бронетанкового училища были одной из тех частей, которые, по расчетам заговорщиков, должны были захватить Берлин. Когда им сообщили с Бендлерштрассе, что Гитлер мертв – убит эсэсовцами – и действует план "Валькирия", они двинулись на Берлин и заняли там предписанные им позиции. Но когда их командир, не причастный к заговору, узнал, что Гитлер не убит и что

*Партийный руководитель.

**Гражданский губернатор.

***"Военно-воздушные силы не присоединились" (м. ч.).

некоторые офицеры их предприняли "путч". он собрал свои танки и повел их обратно в казармы.

Пятница, 21 июля. За завтраком мы узнали, что Готфрид и Мелани Бисмарк уехали на машине в Берлин (вероятно, увидеться с Хельддорфом). Лоремари Шёнбург выглядела страшно покойницей. Я вернулась в Берлин одна, оставив ее в постели. Мы еще не вполне сознавали размеры бедствия и опасность нашего положения.

По дороге в город я заехала к Аге Фюрстенберг в Грюнвальд и оставила у нее мои ночные принадлежности. Потсдам очень далеко, а у Герддорфов жить дальше невозможно из-за постоянных бомбежек, и я решила ради разнообразия испытать этот вариант. Ага была обескуражена событиями, но явно не имела понятия, кто в них замешан. Будет трудно, но теперь придется делать вид, что ничего не знаешь, и говорить обо всем происходящем с напускным удивлением – даже с друзьями.

Пробыв на работе очень недолго, я пошла к Марии Герддорф. Она была в отчаянии. Она рассказала, что граф Штауфенберг был расстрелян вчера вечером в штабе командования сухопутных сил на Бендлерштрассе вместе со своим адъютантом, молодым Вернером фон Хафтенем. Генерал Бек¹, которого собирались сделать главой государства, покончил с собой. Генерал Ольбрихт, еще один из основных заговорщиков, заменивший колеблющегося генерала Фромма на посту командующего Армией резерва, был расстрелян вместе с остальными.

В Растенбурге в планах Штауфенберга сразу же обнаружались просчеты. Ежедневные совещания Гитлера, обычно проводившиеся в подземном бункере, из-за жары были перенесены в наземное деревянное помещение, стены которого при взрыве бомбы рассыпались, дав выход значительной части энергии взрыва. Поскольку Штауфенберг был односторонним и мог завести запал только одной бомбы (вместо двух, которые первоначально предполагалось разместить в его портфеле), сам взрыв оказался более слабым. Когда Штауфенберг вышел из комнаты, будучи, как было условлено заговорщиками, вызван к телефону, штабной офицер, споткнувшись о портфель под столом с картой, над которой склонился Гитлер, передвинул его на другую сторону тяжелых деревянных козел. Это в какой-то мере защитило Гитлера.

В 12.42 раздался оглушительный грохот, и здание превратилось в облако из пламени и дыма. Штауфенберг и его адъютант Хафтен, беседовавшие в отдалении с другим заговорщиком – начальником связи Гитлера генералом Эрхом Фельзгibelем – вскочили в свой автомобиль и, не дав опомниться часовым контрольно-пропускных пунктов, немедленно получивших сигнал тревоги, помчались на аэродром, откуда вскоре уже летели в Берлин.

Предполагалось, что генерал Фельзгibelь сообщит по телефону о смерти Гитлера генералу Ольбрихту в Берлин и перенет всякое сообщение между Растенбургом и внешним миром. К его удивлению и смятению он увидел, как Гитлер выбирается из развалин – поцарапанный, в пыли, в растерзанных брюках, но явно живой. Он едва успел передать в Берлин сообщение в осторожных выражениях: "Произошла ужасная трагедия... Фюрер жив...", как эсэсовцы перехватили его канал связи. Остались невыполненными уже два ключевых условия успеха заговора: смерть Гитлера и контроль заговорщиков над коммуникациями Растенбурга. Более того, теперь была известна личность несостоявшегося убийцы и по всей Германии передавался по телексу приказ об аресте Штауфенберга.

За неделю перед тем план "Валькирия" уже вводился в действие и постепенно отменялся, когда Штауфенберг откладывал свои попытки. Поэтому на сей раз, получив двусмысленное сообщение Фельзгibelя, генерал Ольбрихт не торопился дать плану ход, не зная точно, что происходит.

В 15.50 самолет Штауфенберга приземлился на отдаленном военном аэродроме, но оказалось, что его шофер еще не прибыл. Когда Хафтен позвонил на Бендлерштрассе, чтобы выяснить, что случилось, Ольбрихт спросил у него, погиб ли Гитлер. Получив положительный ответ, он отправился к генералу Фромму за разрешением ввести в действие "Валькирию". Но у Фромма тут же возникли подозрения; он позвонил в Растенбург и связался с фельдмаршалом Вильгельмом Кейтелем⁶, который подтвердил, что имело место покушение на жизнь фюрера, но безуспешное. Как раз в этот момент в комнату ворвались Штауфенберг и Хафтен. Фромм сказал им, что "Валькирия" теперь уже не нужна. На что Штауфенберг воскликнул, что Кейтель уже: да Гитлер

погиб, он видел его мертвым, он сам подложил бомбу! К тому же все равно уже поздно – “Валькирия” уже введена в действие. “По чьему приказу?” – спросил Фромм. “По нашему”, – ответили Ольбрихт и Штауфенберг. Бледный от гнева, но более всего испугавшийся за собственную судьбу, Фромм приказал Штауфенбергу застрелиться, а Ольбрихту – отменить распоряжение о введении в действие плана “Валькирия”. Те вместо этого тут же разоружили Фромма и посадили его под арест в собственном кабинете.

Пути назад теперь не было, и в 5.30 пополудни – пятью часами позже, чем планировалось первоначально, – телексы О.К.Х. начали выстукивать приказы “Валькирии” различным военным штабам, и – еще одно упущение – поскольку Растенбург фигурировал в списке штабов первоначального плана и никто не подумал о том, чтобы его вычеркнуть, Гитлер узнал от самих заговорщиков, что они собираются делать. Через час германское радио начало передавать сообщения о покушении – и о его провале – вместе с первыми приказами об ответных мерах.

Тем временем на Бендлерштрассе начали собираться другие ведущие участники заговора: генерал Бек, которого заговорщики наметили сделать главой государства; фельдмаршал Эрвин фон Вицлебен, который должен был взять в свои руки вооруженные силы; генерал Эрих Хеннер¹⁷, назначенный преемником Фромма; граф Хельддорф, Готфрид Бисмарк и многие другие. Обнаружилось, что неразбериха усиливается и никто не знает, что делать дальше. Бек и Штауфенберг продолжали требовать от различных штабов, чтобы те последовали примеру Берлина, но безуспешно. Однако и в самом Берлине они теряли инициативу: танки из Крампница пришли и ушли; главная радиостанция была взята и оставлена; гвардейский батальон бросился было занимать правительственные учреждения, но остановился на полпути...

Из членов высшего нацистского руководства в тот день в Берлине находился только Геббельс¹⁸. Он и спас дело Гитлера. Когда майор Ремер, многожды награжденный командир гвардейского батальона, явился арестовать Геббельса по приказу коменданта города генерал-лейтенанта фон Хазе, Геббельс соединил его с Растенбургом, лично с Гитлером, и тот, немедленно произведя Ремера в полковники, приказал ему отправиться на Бендлерштрассе и восстановить там

порядок. Но ко времени его прибытия туда путч уже кончился.

Верные Гитлеру офицеры захватили здание, освободили Фромма и арестовали заговорщиков. Генералу Беку было позволено покончить с собой, и после того, как он сделал две неудачных попытки, его прикончил унтер-офицер. Ольбрихт, его начальник штаба полковник Мерц фон Квирнхайм, Штауфенберг и Хафтен после фарсового военного суда были отведены вниз, во двор, и расстреляны при свете фар. Тяжело раненный Штауфенберг нашел в себе силы крикнуть: “Да здравствует наша святая Германия!” Трупы сначала похоронили на кладбище. Но на следующий день по приказу Гитлера их эксгумировали, сорвали с них формы и ордена и сожгли, рассеяв пепел на ветру.

Несколько месяцев назад Лоремари сказала мне, что она однажды посетила генерала Ольбрихта во время одной из ее роковых вербовочных операций, поскольку она слышала, что он “положительный элемент”. Он строго доверительно сообщил ей, что у него хранятся мешки с более чем тридцатью тысячами писем от немецких солдат, взятых в плен в Сталинграде в 1943 году, но что Гитлер приказал их сжечь. Официально считалось, что в этой “доблестной” битве не выжил никто. Хотя и от одного из ее братьев не было вестей со времени Сталинграда, Ольбрихт не дал ей взглянуть на письма, как она ни умоляла.

Мария немного знала Штауфенберга, так как с ним был в большой дружбе кто-то из ее двоюродных братьев. Она дрожит за их судьбу. Я познакомилась с молодым Хафтенем у Адама Тротта месяца два назад. Однажды вечером, когда я ужинала у Адама одна, влетел кудрявый симпатичный молодой капитан, представился и вытаскил Адама из комнаты. Они сидели, уединившись, довольно долго. Впоследствии Адам интересовался, какое впечатление он на меня произвел. Я ответила: “Типичный заговорщик, про таких читаешь в книжках для детей”. Я тогда не знала, какая у него роль. Теперь у Марии я все время думала о Готфриде и Адаме. Оба вчера в то или иное время были на Бендлерштрассе. Станет ли это известно? А между тем нужно постоянно притворяться удивленной, даже озабоченной, но не испуганной...

Мисси ошиблась. На самом деле Адам фон Тротт, Алекс Верт¹⁹ и Ганс-Бернд фон Хафтен²⁰ провели день в главном

здании Министерства иностранных дел на Вильгельмштрассе, которое они должны были захватить в случае успеха путча.

Позже вечером за мной заехал Перси Фрей. Так как ужинать я не хотела, мы поехали в Грюнвальдский лес, вышли из машины и гуляли. Я пыталась объяснить ему, какая это ужасная, огромная трагедия. Когда он наконец сообразил, он был потрясен и исполнен сочувствия. До тех пор он тоже верил в официальную версию, а именно, что все это – дело рук кучки авантюристов.

Я должна видеть Адама. Но хотя мы договорились встретиться сегодня, я пока не смею смотреть ему в глаза.

Суббота, 22 июля. Сегодня утром все газеты вышли с обращением, в котором предлагается миллион марок любому, кто укажет местонахождение человека “namens Goerdeler” (“по имени Гёрделер”). Слава Богу! Это значит, что он еще на свободе.

Прошел слух, что жену и четверых детей Клауса Штауфенберга также убили. Она была урожденной баронессой фон Лерхенфельд и крестницей мамá, так как ее родители перед первой мировой войной жили в тогда еще русской Литве.

За считанные дни после неудавшегося переворота, в соответствии с недавно введенной практикой “Sippenhaft” были арестованы не только жена и дети Штауфенберга, но также его мать, теща, братья, двоюродные братья, дядья, тетки и все их жены, мужья, дети.*

Обращаясь к нацистским гауляйтерам в Позене 3 августа, Гиммлер так оправдывал репрессивные меры против родственников: “Пусть никто не говорит нам, что это большевизм. Нет, это не большевизм, это древний германский обычай... Когда человека объявляли вне закона, то говорили: этот человек предатель, у него дурная кровь, в ней живет предательство, она будет истреблена. И... вся семья, включая самых отдаленных родственников, истреблялась. Мы разделяемся со Штауфенбергами вплоть до самых отдаленных родственников...”

*“Родство” (нем.).

Пятница, 28 июля. Сегодня утром ходила к парикмахеру делать перманент.

Геббельс объявил “Totaler Krieg”****, что означает закрытие всех “излишних” магазинов и всеобщую мобилизацию гражданского населения. Он, очевидно, надеется, что в условиях, когда призвано все взрослое население, свержение режима в тылу станет практически невозможным. Ersatzheer****, которая до сих пор была укомплектована приличными офицерами, но была скомпрометирована последними событиями, ставится теперь под командование Гиммлера. Войска больше не будут отдавать честь “под козырек”. как велит традиция, а станут вскидывать руку и рывкать “Хайль Гитлер”. Все возмущаются, но эти безумные указы почти что смехотворны. . . .

Воскресенье, 30 июля. Говоря о 20 июля, Ц.Пфюль подчеркнуто осторожен. Я упоминаю какую-нибудь подробность, он выглядит изумленным, я перехожу на другую тему. Интересно, знал ли он что-либо заранее. Я была бы удивлена, если нет, поскольку он в Аввере², а там многие участвовали в заговоре; но ведь сейчас все так осторожны. . . .

После обеда приехал Перси Фрей и увез нескольких человек в Бухов, к Хорстманам, но я осталась. Не хочу никого видеть. **Берлин. Понедельник, 31 июля.** В министерстве полный кавардак. Провозглашение “тотальной войны” Геббельсом вселило ужас во всех и каждого. Наш Отдел информаций обязан уволить 60 процентов персонала: мужчины пойдут на фронт, женщины на военные заводы. Эдит Перфалль, Уш фон дер Грёбен и Лоремари Шёнбург уволены. Меня оставляют. Непонятно почему, так как последние техники, фотографии и т.п. из моего фотоархива тоже уходят.

Я заметила, что со времени ареста Адама Тротта д-р Сикс обращается ко мне с необычной уважительностью, настолько, что в какой-то момент я даже собиралась поговорить с ним об Адаме, но Джаджи Рихтер уговорил меня не делать этого, поскольку на самом деле он, говорят, в бешенстве. Он заявляет, что арест Адама скомпрометировал весь отдел. В то же время он ни разу не произнес имя Адама публично, исключая единственное собрание, где он объявил: “Wir haben zwei Schweinehunde unter uns gehabt”³, подразумевая Адама и Хафтена.

****“Тотальную войну” (нем.).

****“Резервная армия” (нем.).

³“Среди нас было два мерзавца” (нем.).

Видимо, он счел необходимым хотя бы раз публично высказаться. Больше он о них не упоминает. Более того, карточка с фамилией Адама все еще красуется на двери его кабинета так же, как у всех. Это утешает меня, как если бы это был единственный символ того, что он еще существует. Мне страшно, что карточку снимут.

Начиная с весны 1944 года, Гиммлер предпринимал попытки мирного зондажа через Швецию. Некоторые поездки д-ра Сикса в Швецию преследовали именно эту цель. Если даже Гиммлер сомневался в победе Германии, то гораздо более прагматичный Сикс тем более должен был ощущать, что их ждет. Его отношение к Тротту и даже к Мисси как до, так и после покушения 20 июля вполне могло объясняться презривым расчетом на то, что когда наступит день расплаты, их связи в лагере союзников пригодятся. И действительно, один из доверенных сотрудников Сикса, д-р Ханс Манке, подтвердил, что Сикс дал ему и еще одному высокооставленному эсэсовскому офицеру, д-ру Шмицу, распоряжение приготовить проект письма Гиммлеру, содержащий следующие рекомендации: даже если окажется, что некоторые арестованные сотрудники Министерства иностранных дел (имелись в виду Тротт и Хафтен) действительно виновны, то будет благоразумнее не казнить их, а держать на случай потенциального использования в переговорах с союзниками. Утверждают, что Гиммлер поддержал эту идею, но когда он изложил ее Гитлеру, с последним чуть не соделался эпилептический припадок, и он завизжал, что "А.А." хуже всех, и их нужно всех повесить до последнего человека".*

Во время обеда позвонил из "Адлона" Пауль Меттерних². Я в ужасе оттого, что он рискнул приехать сюда в такое время. Но он слишком тревожится за своих друзей, чтобы оставаться о себя. Он сказал, что не признался Татьяне, куда едет, сделав вид, что отправляется в Прагу по делам одного своего чешского поместья. Он добавил, что Джорджо Чини снова здесь. Я рада, что Пауль рядом, но что за время приезжать в Берлин!

Позже я присоединилась к Паулю и Джорджо в "Адлоне". Там были также Отто Бисмарк и Лоремари Шёнбург. К Аге Фюрстенберг возвращается чувство юмора. Увидев Пауля,

она крикнула ему через весь холл отеля: "Ты что, тоже заговорщик. Пауль, что ты такой мрачный?" Сейчас она и Тони Заурма у нас enfants terribles. На следующий день после покушения, Тони на улице, встретив какого-то знакомого офицера, щелкнул каблучками и представился: "Штауфенберг!"

Отто вскоре отправился с Джорджо во Фридрихсру** и пока Пауль с кем-то беседовал, Лоремари отвела меня в улоки и сказала мне, чем она занималась в последние два дня.

Прежде чем гестаповцы увезли Готфрида, он успел сообщить ей, что взрывчатка, оставшаяся от бомбы Штауфенберга, спрятана в его сейфе в регирунге в Потсдаме, и передал ей ключ. Ринувшись в Потсдам на молочном поезде, она прибыла туда задолго до Готфрида с его охранниками и нашла два свертка. Они были размером с коробку для обуви, сказала она, и завернуты в газету. Тогда она взяла один из наших велосипедов и, аккуратно закрепив один из свертков на руле, поехала в парк Сан-Суи. По дороге она столкнулась с мальчиком-разносчиком и упала вместе со свертком. Испугавшись, что он может взорваться (она, разумеется, не имеет о подобных вещах ни малейшего понятия), она героически прикрыла свертки собой. Ничего, конечно, не произошло. В конце концов она бросила свертки в один из прудов в парке. Он все время всплывал, а она топила его веткой. В конце концов, отчаявшись, она выловила его и закопала за какими-то кустами. Она уже собралась сесть на велосипед и уехать, как вдруг, подняв голову, увидела человека, который стоял на другом берегу пруда и смотрел на нее. Что он видел? Донесет ли? Она поспешила обратно в регирунг, но теперь она была слишком напугана, чтобы повторить эту операцию со вторым свертком, и она зарыла его в одной из клумб в саду. Ей помогала Анна, горничная Бисмарков, не выказавшая при этом ни малейшего любопытства. Возможно, что Лоремари буквально спасла Готфриду жизнь, потому что дом весь перетрясли, причем первый визит гестаповцев состоялся всего через несколько часов после того, как она все это сделала.

Я преклоняюсь перед смелостью и находчивостью Лоремари, хотя часто это граничит с опасным фанатизмом.

Перекрестив у Марии Герсдорф, Пауль настоял, чтобы мы по-

*Министерство иностранных дел.

**Имение О. Бисмарка.

ехали в Потсдам. Он хотел, чтобы Мелани и Готфрид знали, что друзья их не бросают. . . .

Пауль ходит с тростью, некогда принадлежавшей его предку, канцлеру. Пользоваться ею он не привык и часто за нее цепляется. Она выглядит обманчиво легкой, будучи обтянута какой-то тканью, создающей впечатление тростника. На самом деле она сделана из сплошного железа, весит тонну и, когда падает, то громыхает, как пистолет. В первый раз я подпрыгнула на милую. Пауль намеревается в случае необходимости пустить ее в ход.

Как заметил другой ведущий заговорщик, генерал-майор Хеннинг фон Тресков²², незадолго до своего самоубийства, последовавшего за провалом переворота: "Никто из нас не имеет права жаловаться на судьбу. Всякий, кто вступил в сопротивление, надел кровавую рубашку Несса^{}. Но доблесть человека измеряется лишь его готовностью пожертвовать жизнью за свои убеждения".*

Четверг, 3 августа. Лоремари Шёнбург большую часть времени проводит теперь в штаб-квартире гестапо на Принц-Альбрехтштрассе, где она наладила "контакт". Речь идет об одном из адъютантов Гимmlера, с которым она когда-то была знакома. Она пытается вызнать у него, как обстоят дела у Готфрида Бисмарка и Адама Тротта. Он сообщает ей самые неутошительные сведения, говоря, что эти "die Schweinehunde"^{**} поплатятся головой. Лоремари, которая умеет пускать в ход свои чары, спорит с ним, изображая невинность. На деле она хочет выяснить, нельзя ли подкупить кого-нибудь из тюремщиков. Она также пытается попасть к обергруппенфюреру Вольфу – известному как сравнительно "мягкий" эсэсовский генерал – ненадолго приехавшему из Италии, где он является заместителем фельдмаршала Кессельринга. Обергруппенфюрер Лоренц, считающийся по их стандартам порядочным человеком и занимавшийся главным образом расселением немцев, репатрированных из Восточной Европы, приходится дядей

^{*}Кентавр, убитый Гераклом; впоследствии Геракл скончался, надев рубашку, пропитанную кровью умирающего Несса.

^{**}"Сволочи" (нем.).

Растенбург. Во время последнего до 20 июля посещения Гитлером ставки. Клаус фон Штауфенберг – первый слева

жене Алекса Верта – у него две очаровательных дочери, с которыми наш Джорджи** когда-то часто виделся. Говорят, что он делает для Адама все, что может; но сейчас он не на очень хорошем счету, видимо, именно потому, что он не так плох, как все прочие, и поэтому от него, возможно, не будет особого толку. Во время одного из посещений гестапо Лоремари наткнулась в коридоре на самого Адама. Он был в наручниках, должно быть, его вели на допрос; он ее узнал, но смотрел сквозь нее. Лицо у него было такое, говорит она, как будто он был уже не от мира сего. Их, несомненно, пытаются.

Однажды на лестнице Лоремари видела также посла фон Хасселя. Он был в смиренной рубашке, и рука у него была на перевязи. Она обедала с ним за несколько дней до этого, и тогда с рукой у него было все в порядке. Во время этих случайных встреч ни та, ни другая сторона не подает вида, что узнали друг друга.

Многих из арестованных, действительно, не только нещадно били, но и жестоко пытали; чаще всего использовалась зажимание пальцев, поножи с шипами и даже средневековая “дыба”. К чести заговорщиков 20 июля, “сломались” немногие. Этим объясняется то обстоятельство, что несмотря на последовавший террор немало участников заговора выжило и к моменту окончания войны гестапо так о многом и не знало. . . .

В заговоре участвовали многие высшие офицеры, начиная с главнокомандующего Западным фронтом фельдмаршала Ганса фон Клюге и военного губернатора Франции генерала Генриха фон Штюльпнагеля. В 6.30 пополудни 20 июля генерал Бек позвонил последнему с Бендлерштрассе: “Вы с нами?” – “Конечно!” – ответил тот, и через несколько часов, без единого выстрела, 1200 важнейших чинов из СС и гестапо во главе с представителем Гимmlера во Франции группенфюрером СС Карлом-Альбрехтом Обергом были взяты под стражу. Но когда позже той ночью стало известно, что Гитлер жив и что путч в Берлине проваливается, окружение Клюге стало настаивать, чтобы он на свой страх и риск заключил перемирие с союзниками. Клюге струсил и приказал

освободить эсэсовцев. К полуночи путч кончился и в Париже.

Штюльпнагеля вызвали обратно в Германию. Он знал, что его там ждет. Когда его автомобиль проезжал через Верден (где Штюльпнагель сражался в первую мировую войну), он приказал шоферу остановиться, чтобы “размять ноги”. Друг шофер услышал выстрел, бросился на звук и увидел своего генерала с пистолетом в руке, ослепленного, но все еще живого. Невзирая на ранение, его заставили предстать перед “Народным судом” Фрайслера. 30 августа 1944 года его повесили вместе с несколькими другими членами “западной группы”.

Фельдмаршал Роммель, долгое время один из любимых генералов Гитлера, неоднократно подвергался зондажу со стороны заговорщиков и несомненно сочувствовал их целям, но так и не дал согласие участвовать. Однако после высадки союзников в Нормандии он отправил Гитлеру ультиматум с требованием немедленно прекратить войну на Западе. Через два дня, когда он возвращался с нормандского фронта, его автомобиль обстреляли самолеты союзников и он получил тяжелое ранение. Пока он выздоравливал дома в Германии, выплыли на поверхность его контакты с заговорщиками. 14 октября он, в свою очередь, получил ультиматум: кончить с собой или быть арестованным и судимым вместе с семьей. Роммель принял яд. Ради соблюдения приличий Гитлер устроил ему торжественные похороны.

В Вене тоже все прошло гладко, но заговорщики продержались только двое суток. За это время все участники стали известны, и практически никто не избежал ареста.

В Вене, как и в Париже, захват всех учреждений военными прошел успешно. Но когда через несколько часов местное командование осознало, что план “Валькирия” – это прикрытие для свержения нацистского режима, они струсили и сдались эсэсовцам и гестапо. . . .

Вторник, 8 августа. Во всех сегодняшних газетах новость на первую полосу: фельдмаршал фон Вицлебен, генерал-лейтенант фон Хазе, генерал-полковник Хёпнер, генерал-майор Штиф, граф Петер-Йорк фон Вартенбург и другие – всего восемь человек – вышвырнуты из армии и предстанут

**Младший брат Мисси Георгии.

перед этим жутким Volkgericht*. Это явно означает, что их приговорят к смерти – расстрелу или повешению. Обвиняются они в измене родине. Никто из знакомых нам арестованных не упоминается. Это дает нам крохотную надежду на то, что власти стараются не делать из этого слишком большого скандала.

Уже 24 июля Мартин Борман предупредил всех гауляйтеров, что Гитлер не желает, чтобы высказывания по поводу неудавшегося переворота превратились в тотальное гонение на весь офицерский корпус. Следовало выставить покушение как изолированный акт, а не как широкий заговор. Со своей стороны, старшие генералы немедленно сделали все, чтобы предотвратить любые возможные нападки на вооруженные силы. 4 августа специальный суд чести, возглавляемый весьма уважаемым фельдмаршалом Гердом фон Рундшведтом, лишил мундира всех военнослужащих, замешанных в заговоре, тем самым отдав их в руки палача. . . .

Четверг, 24 августа. Сегодня утром я позвонила Женни Джуго. Когда я настоятельно потребовала немедленной встречи, она встревожилась. Она сказала, что снимается на студии УФА в Бабельсберге и что если я поеду на трамвае, то она пошлет машину довезти меня до места. Я приехала взмыленная и была доставлена на студию странного вида юношей с длинными белокурыми волосами и в яркой рубашке. Женни я застала в момент съемки, с молодым человеком у ног, он страстно приник к ее коленям. К счастью, эпизод снимался недолго, вскоре она прошла к себе в артистическую переодеваться. Свою костюмершу она отослала, чтобы мы могли поговорить, но и после этого мы разговаривали только шепотом.

Я сказала, что мне **нужно** видеть Геббельса и что она **должна** устроить мне встречу с ним. Она ответила, что если это абсолютно необходимо, то она, конечно, это сделает, но сама она с ним в ссоре и не встречалась с ним уже два года. “А что, неприятности у Татьяны или у Пауля Меттерниха?” – “Не у них”, – сказала я. Она облегченно вздохнула. “У моего начальника”. Я объяснила, что его приговорили к смерти, но мы подозреваем, что он еще жив, и надо действовать быстро. В конце концов, Геббельс был героем дня – это ведь он подавил восстание! Я скажу ему, что Германия не может позволить

себе терять так много исключительно одаренных людей, которые могли бы принести стране столько пользы, и так далее. Женни спокойно выслушала все это, а потом повела меня в сад. Там она взорвалась: моя идея – полное безумие, Геббельс – мерзавец, он не станет помогать **кому бы то ни было**. **Ничто** не заставит его и пальцем пошевелить **ни для кого** из них. Когда повесили Хельддорфа, он отказал во встрече его сыну, который пришел просить об отсрочке казни – они когда-то вместе начинали в партии – и у него даже не хватило порядочности сказать тому, что его отца уже нет в живых. Она сказала, что это жестокий, порочный садистишка, что его ненависть ко всем, замешанным в покушении на Гитлера, просто невероятна, что у него утробное отвращение ко всему, за что они стоят, что он самый последний подонок, и что если я хотя бы мимоходом попадусь ему на глаза, то окажется втянутой вся семья, арестуют Пауля, и мне самой не выбраться из неприятностей. Она умоляла меня отказаться от этой затеи и добавила, что студия УФА кишит осведомителями Геббельса, которые вынохивают потенциальных изменников среди актеров. Два дня назад был политический митинг, и когда в зале появилась Геббельс, то на предназначенной для него красной трибуне красовалась сделанная мелом надпись “Merde”**, и никто не осмелился подойти и стереть ее. У нее самой прослушивается телефон, она каждый раз слышит шелчок. Целую меня на прощанье, она сказала мне на ухо, что если кто-нибудь спросит о цели моего приезда, то она объяснит, что я хотела сниматься.

Я вернулась в город расстроенная и без сил. В квартире я застала Лоремари Шёнбург и Тони Заурма. Лоремари была в полной истерике. Я никогда еще не видела ее в таком состоянии. Она сказала, что днем приходила полиция; оказалось, что соседи донесли, что у нас плохое затмение, но несмотря на пустячность повода, Лоремари вдруг перепугалась. У Тони новости похуже: маршал фон Клюге, немецкий главнокомандующий на Западе, покончил с собой, а это означает, что их пытаются и кто-то выдал его, так как практически никому не было известно, что он участвует в заговоре²⁴.

Лоремари вела себя все более и более истерично. Никто из

*Народным судом (нем.).

**“Говно” (нем.).

нас, сказала она, не выпутается... они делают такие уколы, которые парализуют силу воли и заставляют говорить. Она умоляла меня выйти замуж за Перси Фрея и немедленно уехать в Швейцарию. Ей вторил Тони, он сказал, что готов увезти ее с собой в Швейцарию, как только она пожелает, поскольку сам он собирается бежать в конце недели; но сперва он должен съездить с Силезию за кое-какими ценными вещами. Дело в том, что Тони начинает волноваться и за себя: кто-то донес на него, сообщив, что он в пьяном виде стрелял в портрет фюрера в офицерской столовой. Лоремари сказала, что она не уедет с ним, пока он на ней не женится, иначе ее родителей хватит удар. При всем драматизме ситуации я нахожу эту внезапную заботу о приличиях довольно смешной. Тони категорически отказался, заявив, что они могут подумать об этом позже. Атмосфера накалялась, и скоро за кухонным столом все были в слезах. Тони вскопил и начал шагать взад и вперед, говоря, что не может больше выносить это напряжение и эти слезы и что он твердо намерен дать деру. Я сказала, что они могут делать все, что угодно, но что касается меня, то я остаюсь, и Лоремари следовало бы сделать то же самое; в Швейцарию она не будет получать известий от своих родных до самого конца войны; эта перспектива привела ее в ужас. В конце концов мы все решили остаться.

Затем Тони пришел ко мне в комнату и рассказал мне все о суде над Адамом. Адам заметил его, но ничем не обнаружил, что узнал, долгое время пристально смотрел на него, а затем стал наклоняться вперед и назад, как бы покачиваясь. Он был без галстука, чисто выбрит и очень бледен. Тони весьма внимательно обследовал зал суда и пришел к выводу, что отбить кого-либо силой там совершенно невозможно. Даже так называемая "публика" состояла в основном из головорезов и полицейских, причем вооруженных. Он ушел из зала еще до оглашения приговора, поскольку с самого начала знал, каким он будет.

Сейчас каждую ночь налеты, но Тони устроил нам пропуск в служебный бункер Сименса, что через дорогу. У них чудесный подвал глубоко под землей, там чувствуешь себя в полной безопасности. Мы обычно переживаем налеты вместе с ночной сменой; один из рабочих – симпатичный француз, и мы вместе мечтаем вслух о том, как прекрасен будет Париж, когда война кончится.

Пятница, 11 августа. Газеты сообщают подробности о первом заседании Народного суда и о допросе первой группы обвиняемых. Большая часть их ответов, в том виде, в каком они напечатаны, представляет собой чудовищную выдумку – по образцу сталинских театрализованных процессов. Иногда эти ответы совершенно несуразны, и они так сформулированы, чтобы представить заговорщиков в смехотворном виде в глазах нации. Председатель суда, некто Фрайслер, явно – циничная сволочь. Его никто не забудет.

Все обвиняемые приговорены к повешению. Генерал фон Хазе и его родные были нашими близкими друзьями; особенно часто с ними виделась мама. Они даже приезжали сюда. Граф Йорк был близким другом Адама Тротта. Все его братья и сестры тоже арестованы, за исключением одной, вдовы покойного посла фон Мольтке.

Бывший некоторое время марксистом (его обратили в "марксистскую веру" в сибирском лагере военнопленных в первую мировую войну), д-р Роланд Фрайслер (1893–1945) принимал участие в роковом Ваннзеемском совещании 20 января 1942 года, которое открыло путь к "окончательному решению" еврейского вопроса в оккупированной немцами Европе. В августе 1942 года он был назначен председателем Народного суда – трибунала, созданного для рассмотрения (при закрытых дверях и без права обжалования) дел обвиняемых в преступлениях против Третьего рейха.

Гитлер лично разработал принципы судопроизводства: "Главное – чтобы обвиняемым не позволялось произносить длинные речи. Но Фрайслер за этим присмотрит. Он наш Вышинский!" – имелся в виду сталинский главный обвинитель на московских процессах. Чтобы обвиняемые выглядели жалкими в глазах специально подобранный публики, у них отбирали галстуки, подтяжки и брючные ремни – тем самым давая Фрайслеру возможность насмеяться над тем, как некоторые из них поддерживали на себе брюки.

По сигналу Фрайслера тускались в ход секретные камеры, после чего он начинал визгливо поносить обвиняемых, чтобы деморализовать их и произвести впечатление на зрителей – особенно на самого Гитлера, которому немедленно доставлялась проявленная пленка. Инженеры жаловались, что из-за этого крика на звуковой дорожке ничего нельзя разобрать. Его насмешки, остроты и вульгарные оскорбления

шокировали даже министра юстиции д-ра Тирака, который сам нес ответственность за большую часть уголовных законов Третьего рейха (позже он покончил с собой в плену у союзников). Он пожаловался Мартину Борману, что поведение Фрайслера "весьма сомнительно и наносит ущерб серьезности этого важного акта". Первоначально Геббельс предлагал показать эти процессы в еженедельной кинохронике, но первый же показ произвел такое неприятное впечатление даже на избранную нацистскую аудиторию, что идею оставили. Сохранилась только одна копия, в Восточной Германии, где ее обнаружили лет через тридцать и показали потрясенной аудитории по западногерманскому телевидению в июле 1979 года. . . .

Берлин. Вторник, 22 августа. Приехала в Берлин сегодня рано утром и сразу пошла к Марии Герсдорф. Она завтракала. Я спросила ее, какие новости. Она взглянула на меня в изумлении. "Так ты не знаешь? Адам, Хафтен, Хельдорф, Фрици Шуленбург и многие другие были приговорены к смерти и повешены в прошлую пятницу!" Я немедленно позвонила Лоремари Шёнбург, но не могла выговорить ни слова. Она сказала, что немедленно приедет. Мария сказала, что теперь все усилия Лоремари направлены исключительно на то, чтобы выяснить, где находится наш старый граф Шуленбург. Он исчез вчера вечером.

Пришла Лоремари, мы сидели на ступеньках и невидящими глазами смотрели на окружающие развалины. Она парализована происшедшим. Однако она не уверена, что Адама действительно повесили. Ходит слух, что он единственный, чью казнь отложили.

11 августа Министерство иностранных дел было извещено о том, что Тротта приговорят к смерти на ближайшем заседании Народного суда, во вторник 15 или в среду 16 августа. Но позже Мартину Борману сообщили, что "поскольку Тротт несомненно многого не сказал, смертный приговор, вынесенный Народным судом, не приведен в исполнение, с тем, чтобы осужденного можно было использовать для дальнейшего выяснения обстоятельств".

Тони Заурма был на процессе, что уже само по себе удивительно, так как допускают только специально отобранных зрителей. Лоремари ждала снаружи в его машине. Когда он вышел, то не выдержал и заплакал. Все обвиняемые призна-

ли, что хотели убить Гитлера. Хафтен сказал, что если бы он мог, то попытался бы сделать это снова. Он назвал Гитлера проклятием Германии и величайшим злодеем, который привел страну к пропасти и отвечает за ее падение. Судья Фрайслер спросил его, понимает ли он, что то, что он говорит – это государственная измена. Хафтен ответил, что он знает, что будет повешен, но взгляды его от этого не меняются.

Хотя Ханс-Бернд фон Хафтен и был в отличие от Тротта противником убийства Гитлера, он, по-видимому, никогда не сомневался, какова будет его судьба, если переворот закончится неудачей. Поехав за город и попрощавшись с семьей, он вернулся в Берлин, где его арестовали одним из первых.

Адам сказал, что Гитлер пришел к власти обманным путем и что многие присягали ему против воли. Он сказал, что хотел положить конец войне, и признал, что вел за границы переговоры с представителями враждебных держав. Хельдорф сказал, что желал свержения Гитлера со времени Сталинграда, что он является угрозой для страны. Тони говорил, что все они были бледны, но трудно было сказать, пытали ли их. Я уверена, что пытали, поскольку при последней нашей встрече Адам сказал мне, что будет все отрицать, с тем чтобы выпутаться и начать все снова. А может быть, доказательства их вины были неопровержимы и сами они не могли больше выдержать.

Я добрела до министерства и поднялась к Джаджи Рихтеру и Алексу Верту, которые были одни. Мы говорили только шепотом. Алекс сказал, что он знает, что Адам еще жив, так как они установили контакт с одним полицейским, присутствующим при казнях. Все остальные мертвы. Хельдорфа повесили последним, чтобы он видел, как умирают остальные. Оказывался, их не просто вешают, а медленно душат фортепианными струнами на крюках мясников, и, что к тому же им делают инъекции сердечных стимуляторов, чтобы продлить агонию. Утверждают, что умершвление снимается на пленку и Гитлер регулярно злорадствует, просматривая эти фильмы у себя в ставке.

Казни происходили в тюрьме Плётцензее, недалеко от тюрьмы на Лертерштрассе, где содержалось большинство осужденных. Поскольку в Германии не было виселиц (обычно казнили путем отсечения головы), то к железной балке, имевшейся в потолке камеры для казней – отдельного соору-

жения в пределах тюремного комплекса – прикрепили обыкновенные крючки для подвешивания мясных туш. Казни снимали на пленку, освещая камеру софитами. На них присутствовал Главный прокурор рейха, несколько охранников, два кинооператора и палач с двумя своими помощниками. На столе стояла бутылка бренди – для зрителей. Осужденных вводили по одному; палачи надевали им на шею узел (Гитлер распорядился заменить веревку фортепианной струной, чтобы смерть наступала не от перелома шеи, а от медленного душения); и пока они билась и дергалась, некоторые целых двадцать минут, а кинокамеры стрекотали, палач – известный своим циничным юмором – отпускал непристойные шуточки. Потом пленку доставляли в ставку Гитлера, где фюрер предавался злорадству.

Жену Адама Клариту тоже арестовали. Ей не позволили увидеться с Адамом после того, как ему вынесли приговор. Я мало ее знала, так как в последние несколько лет она жила в основном за городом со свекром и свекровью. Их девочек тоже взяли гестаповцы, и никто не знает, где они находятся, но Алекс развинул бешеную деятельность, чтобы их вызвать.

Крумхюбель. Среда, 30 августа. Сегодня рано утром я поехала в Крумхюбель. В Хиршберге опоздала на пересадку, пришлось ждать три часа. Сходя с поезда, я заметила, что за мной следует Бланкенхорн²⁵. Моя первая реакция на появление кого-либо, связанного с Адамом Троттом, – разрыдаться. Я оставила чемодан в камере хранения и вышла на улицу – Бланкенхорн шел за мной. Проходя мимо, он негромко сказал: “Идите в парк и сядьте на скамейку. Я подойду”. Идя с разных сторон, мы приблизились к скамейке одновременно. Только тогда он решился заговорить.

Он рассказал мне, что виделся с Адамом в Грюнвальдском лесу 21-го. Он спросил Адама, все ли документы тот уничтожил. Адам ответил утвердительно. Однако некоторые бумаги все же были найдены, главным образом памятные записки о его различных зарубежных поездках. Какое безумие! Я спросила Бланкенхорна, как он считает, убьет Адама или нет. Он сказал: “Ни малейшего сомнения!” Я сообщила ему, что граф Шуленбург тоже исчез. Он этого не знал, но сказал, что если его все-таки арестовали, то его тоже в живых не оставят. Я

сказала: “Невозможно. Будет слишком большой скандал за границей”. – “Какое им дело до этого?” Он сказал мне, что Гёрделер под чужим именем снимал номер в отеле “Бристоль”, где держал сейф со всеми своими секретными документами. В февраль “Бристоль” разбомбило фугасом. Через две недели после покушения на Гитлера сейф случайно обнаружил в развалинах и вытащил. Мало того, что он был цел и невредим вместе со всеми бумагами, которые в нем находились: обнаружилось, что некоторые из этих документов были аннотированы и выправлены собственной рукой посла фон Хасселя. Что и объясняет арест последнего. Бланкенхорн сказал, что каждый день арестовывают все новых и новых. Мы поехали в Крумхюбель одним и тем же поездом, но договорился там не видеться. Я так рада, что он еще на свободе, и молюсь о том, чтобы его не взяли.

Послезавтра я еду обратно в Берлин. Упаковано последние имущество и отсылаю его в Иоханнисберг, хотя там восстановлена пока что только крыша замка. Но наверняка найдется какой-нибудь амбар, где можно будет держать эти вещи. Крумхюбель выглядит местом уединенным и для меня совершенно невыносимым, а без графа Шуленбурга мне тут совсем плохо. Я зашла поговорить с его подчиненными; они еще ничего не знают о его исчезновении, но его секретарша, фройляйн Шиллинг, и его помощник Ш. вызваны в Берлин. Там они, несомненно, выяснят.

Точное число казненных в связи с разговором 20 июля до сих пор является предметом споров. Согласно официальным нацистским источникам, после мятежа было арестовано около 7000 человек. В 1944 году было казнено 5764 человека, а в оставшиеся пять месяцев нацистского правления в 1945 году – еще 5684. Из них непосредственно замечано в разговоре было примерно 160–200 человек. Из них: 21 генерал, 33 полковника и подполковника, 2 посла, 7 дипломатов высших рангов, один министр, 3 государственных секретаря, начальник уголовной полиции и ряд высших чиновников, губернаторов провинций и крупных полицейских чинов.

Берлин. Пятница, 1 сентября. Сегодня пять лет, как началась война.

Я приехала в Берлин к обеду и сразу пошла к Марии Герддорф. Она была несколько бледнее, чем обычно, и сказала

мне с полным спокойствием: “Мисси, отныне тебе придется остаться тут. Лоремари Шёнбург и Перси Фрей привезли все твои вещи”, – при этом она показала на несколько мешков для песка, из которых торчали мои вещи. – “Тони Заурма арестовали вчера утром”. Обвинение: некоторое время назад стрелял в портрет фюрера и заявил после покушения Штауфенберга: “Ну, ничего, в следующий раз не промахнут!” Перси уже нашел адвоката, он юрист, работающий у швейцарцев в их Агентстве по охране интересов противника. Он известный антинацист – что само по себе не слишком-то удачно в данном случае! – и превосходный человек: к тому же он живет неподалеку на Войриштрассе. Лоремари вернулась в “Адлон” и уже вызвала мать Тони из Силезии. Тони тоже содержится в тюрьме на Лертерштрассе, но так как он офицер, его будут судить военно-полевым судом. А это означает, что если его приговорят к смерти, то расстреляют, а не задушат. Если это может служить утешением!..

Вторник, 5 сентября. . . .

Так или иначе, похоже, что моей берлинской жизни наступил конец. Через восемь дней Пауль Меттерних и Татьяна встретят меня в Вене и, несомненно, начнут уговаривать меня побыть в Кёнигсварте, пока я окончательно не поправлюсь. Я могу сопротивляться давлению семьи издалека, но когда мы будем все вместе я, вероятно, соглашусь.

Все эти недели я боялась, что союзники сообщат по радио новые подробности о заговоре 20 июля (как они делали сначала), раскрыв цели зарубежных поездок Адама и тем усугубив его положение; но насчет Адама они долго сохраняли милосердную сдержанность и начали писать о нем только после того, как немецкая пресса объявила о его казни.

“Das Schwarze Korps”^{***} беснуется по поводу “blaublütige Schweinehunde und Verräter”^{****}, но в недавней анонимной статье в “Der Angriff”^{****} прозвучала, как ни странно, противоположная нота: ни один общественный класс в Германии, говорилось там, не принес больших жертв и не понес, в пропорциональном пересчете, больших потерь в этой войне, чем герма-

нская аристократия. Похоже, что некоторые наци начинают подумывать о будущем.

После войны обнаружилось, что по мере приближения поражения колебаться начали даже многие в среде СС, и прежде всего сам Гиммлер. Еще в 1942 году он спрашивал своего финского массажиста Феликса Керстена: “Как вы думаете? Не сумасшедший ли этот человек?” – и завел досье болезней фюрера. Сталинград еще сильнее пошатнул его веру в звезду Гитлера, и – как уже говорилось – в начале 1944 года д-р Сикс пытался по поручению Гиммлера осуществить мирный зондаж союзников.

Некоторые высшие генералы СС пошли еще дальше. Начальник уголовного полиции обергруппенфюрер СС Артур Небе, хотя и повинный в массовых убийствах в России, был близок к группе 20 июля и был после покушения повешен. Некоторое время генералы СС Феликс Штайнер и Зепп Дитрих (последний в течение многих лет командовал личной охраной Гитлера и был его главным палачом в “ночь длинных ножей” 1934 года) планировали нападение на ставку Гитлера. Приемник Канариса на посту главы объединенной разведывательной службы Абвера и СД полковник СС Вальтер Шелленберг обдумывал идею похищения Гитлера и выдачи его союзникам. В Париже во время и после событий 20 июля весьма двусмысленным было поведение группенфюрера СС Карла Оберга, представителя Гиммлера во Франции. Обергруппенфюреру СС Карлу Вольфу суждено было сыграть решающую роль в капитуляции сил “Оси”^{***} в Италии. И тот же Шелленберг организовал весной 1945 года переговоры между Гиммлером и шведом, графом Фольке Бернадотом, в результате которых рейхсфюрер СС намеревался в последний момент вывести Германию из войны.

Вчера у нас обедала Путце Сименс – она близкая приятельница Марии Герсдорф. Она в глубоком трауре по своему брату Петеру Йорку, которого повесили одновременно с фельдмаршалом Вичлебеном. Эта житейская реакция на столь нежитейскую трагедию производила впечатление щемяще неадекватной такому горю. Она много расспрашивала меня об Адаме, который был их другом, но мы ее брата не упоминали. Я не нашла бы слов.

Мои руки все еще в порезах от вскрытия тех устриц, что Тони привез нам перед самым своим арестом.

^{***} “Черный корпус”, официальный орган СС (нем.).

^{****} “Мерзавцев и предателей с голубой кровью” (нем.).

^{*****} “Наступление”, орган СА (нем.).

Вена. Среда, 6 сентября. Провела свой последний вечер в Берлине с Агой Фюрстенберг и Джорджи Паппенхаймом. Джорджи провожал меня до дома на трамвае; всю дорогу он играл на губной гармошке к восторгу других пассажиров. Он остался ночевать, так как мы с Марией были одни и хотели, чтобы с нами был мужчина на случай воздушного налета. Он спал в гостиной на одном диване, а я на другом. Когда кухарка Марта будила меня сегодня утром, она проворчала: "In meiner Jugend kam so etwas nicht vor, aber dieser 20 Juli stellt alles aus den Kopf!"*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Осенью 1943 года Отдел информации при Министерстве иностранных дел, где работала Мисси, был эвакуирован в деревню Круммхюбель, лыжную станцию в горах на границе Германии и Чехословакии. Время от времени Мисси вызывали в Берлин якобы по служебным делам ее друзья, готовившие покушение на Гитлера и свержение нацистского режима. Причиной данной поездки Мисси являлся как раз такой вызов.

²Баронесса Мария фон Герсдорф – ближайшая подруга Мисси. При поездках в Берлин Мисси обычно останавливалась в полуразрушенной в результате бомбардировок вилле Герсдорфов.

³Адам фон Тротт цу Сольц – выпускник Оксфордского университета, юрист-дипломат, начальник Мисси. Один из основных участников заговора.

⁴Принцесса Элеонора Мария фон Шёнбург – австрийская подруга и коллега Мисси по министерству. Имела тесные контакты с немецким сопротивлением.

⁵В описываемое время министр иностранных дел Великобритании.

⁶Баронесса Агата фон Фюрстенберг – подруга Мисси, известная своим едким, часто неосторожным юмором.

⁷Вильгельм Фрич – один из известных немецких "звезд" эстрады и кино.

⁸Граф Георг фон Паппенхайм – приятель Мисси, к этому времени был уволен с немецкой дипломатической службы.

⁹Граф Готфрид фон Бисмарк – внук "железного канцлера", князя Отто фон Бисмарка. Занимал должность гражданского губернатора Потсдама. Принадлежал к нацистской партии с момента ее основания; был избран в рейхстаг; тем не менее стал одним из главарей заговора против Гитлера.

*"В мой молодости такого не бывало, но это 20 июля все поставило вверх дном!" (нем.).

¹⁰Персифаль Фрей – приятель Мисси, швейцарский дипломат.

¹¹Граф Вольф-Генрих фон Хельддорф – участник войны 1914–1918 годов и послевоенных гражданских междоусобиц в Веймарской республике. Хельддорф быстро продвинулся в рядах нацистской партии и к 1944 году состоял в чине генерала СА главой полиции Берлина (обер-полимейстером). К этому времени он уже был убежденным противником Гитлера и одним из главных участников заговора.

¹²Граф Вернер фон дер Шуленбург – посол Германии в СССР (1934–1941), убежденный сторонник русско-немецких дружеских отношений. Войну с СССР считал гибельной для Германии. Не примыкал к заговорщикам официально, но полностью разделял их позиции.

¹³Барон Ульрих фон Хассель – на протяжении многих лет немецкий посол в Италии, ярый антинацист и активный заговорщик.

¹⁴Жена Готфрида Бисмарка.

¹⁵Генерал-полковник Людвиг Бек – офицер старой школы, в 1938 году был смещен Гитлером с поста начальника штаба германских сухопутных войск из-за осуждения им захватнических планов фюрера.

¹⁶Генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель – с 1938 года начальник штаба верховного главнокомандования вооруженными силами Германии.

¹⁷Генерал-фельдмаршал Эрвин фон Вицлебен и генерал-полковник Эрих Хэпнер отличились в кампаниях против Польши и западных союзников, но были противниками гитлеровского плана вторжения в СССР и находились в опале.

¹⁸Геббельс был одновременно министром пропаганды и гауляйтером Берлина.

¹⁹Друг Адама фон Тротта. Как и Тротт жил долго в Англии. В 1934 году находился некоторое время в нацистском концлагере.

²⁰Старший брат Вернера фон Хафтена, адъютант графа фон Штауфенберга. Отвергал нацизм с христианских позиций, но по тем же причинам был противником убийства Гитлера.

²¹Военная разведка. Была, до ее захвата эсэсовцами в 1943 году, очагом антинацистского сопротивления.

²²Князь Пауль Меттерних был мужем сестры Мисси, Татьяны.

²³Генерал-майор Хеннинг фон Тресков был видным участником сопротивления. После провала заговора 20 июля, он, состоя начальником штаба Центральной группы войск на Восточном фронте, покончил с собою.

²⁴Ханс Гюнтер Клюге был одним из наиболее прославленных и ценных Гитлером военачальников. Когда обнаружили его связи с заговорщиками, он был отстранен от командования и отозван в Германию, но в дороге покончил с собой.

²⁵Герберт Бланкенхорн, не будучи сам активным сопротивлением, считался Адамом фон Троттом "своим". После войны он стал ближайшим советником канцлера Аденауэра и одним из основателей ФРГ.

²⁶"Ось Берлин – Рим" – так назывался военно-политический союз Германии и Италии, заключенный между этими странами в 1936 году.

ВЕРА КРУТЛОВА

УСТЬ-НАРОВА 1944 ГОДА

Передо мной лежит вырезка из немецкой газеты того далекого 44-го года.

Время залечивает раны, и я могу уже спокойно смотреть на этот пожелтевший снимок, где изображен кусочек старой Усть-Наровы - Рыночная площадь, еще стоят дома ее окружающие, пожарное депо и церковь св. князя Владимира. Посреди рыночной площади - одинокий немецкий солдат.

Этот снимок я храню как памятку, который напоминает мне миг безмерного отчаяния, который охватил меня когда-то.

Начало 44-го года. Лавина отступающей гитлеровской армии движется по Таллиннскому шоссе в сторону Балтийского моря.

Мы, жители Усть-Наровы, находимся в стороне, и как-то наивно настроены на то, что нас никто не тронет, и мы останемся в своих домах.

Но наступает роковое 4-ое февраля. Вечером этого дня немецкие солдаты обходят дома со строгим приказанием: "К пяти часам утра все жители должны покинуть свои дома и оставить Усть-Нарову". Первоначальной границей проживания назначается Ауга.

А дальше все кажется таким нереальным, как-будто все это вижу во сне. Невероятно, что должна покинуть дом с полуторогодовалым ребенком, уйти пешком неизвестно куда.

В доме есть только одни детские санки. Муж еще полон энергии и из досок сколачивает вторые санки, на которые кладем одеяло и мешок со скудной снедью. Муж уверен, что советские войска уже завтра перейдут Нарову, и мы сможем вернуться домой.

Начинает смеркаться, но сумерки не наступают. За рекой, гитлеровцы, отступая, зажгли разом все деревни. Нагретый воздух растопил февральские сугробы. По дорогам текут ручьи. Небо освещено пламенем, и ночь кажется сумрачным днем. По улицам бегают солдаты в белых халатах.

Я как-то машинально помогаю мужу сложить ценные вещи в погреб, для чего-то снимаю полузамершее постельное белье с чердака и тоже пытаюсь спрятать.

Время приближается к пяти часам. Муж должен успеть еще навестить тяжело больных. Двух он застает уже мертвыми, но хоронить не разрешают - нет времени. Велят вынести мертвецов на улицу и положить перед воротами.

Еще жива одна умирающая от рака старая женщина, Луканен Анна Семеновна, муж делает ей обезболевющий укол.

Я сажаю ребенка на санки, привязываю его к ним ремешком, и мы отправляемся в Ауга, пешком придется пройти около пяти километров. Муж должен на велосипеде приехать со скарбом. Нас обещала приотить у себя в Ауга мать доктора Раудкеппа, коллеги мужа.

Я иду по дороге, ведущей в Ауга, здесь никакого движения нет. Но Таллинское шоссе рядом. В небе реют самолеты, взрываются бомбы. Я сворачиваю с дороги в заросшие парки, иду по кочкам, и, когда самолет уже почти над самой головой, опрокидываю санки на бок и сама ложусь сверху.

Так мы добираемся до Раудкепп, позднее приезжает на велосипеде муж. Сюда же приходит заведующий эстонской школой Кальмо Герман Матвеевич со своей же-

ной Линдой Юрьевой, которая является дочерью Раудкепп, хозяйки дома. Привозят на санках свои мешки Софья Матвеевна Шкарван (вдова одного из директоров Кренгольмской мануфактуры) и ее дочь.

На следующее утро муж уезжает, чтобы навестить умирающую, он как-то объясняет свое возвращение солдатам и в сопровождении их поднимается к ней в квартиру. Она еще жива. Но больше его в Усть-Нарову уже не пропускают.

Начинается педантичное выжигание курорта. Пожары вспыхивают с пренебрежной полосой, потом уже горят большие дачи такие, как дача Земелевых и т.н. "Пансион Ирэн". Позднее выяснилось, что группа прихожан во главе со священником и сторожем, спасая более ценную церковную утварь, пытались укрыться в подвале церкви, но были выгнаны оттуда гитлеровцами. Церковь была заминирована и взорвана. Такая же участь постигла и лютеранскую церковь. Остались целыми только Курзал и вилла "Carpicchio", но и они взлетят на воздух, только позднее, уже в июне, когда там будут находиться советские солдаты. Взорвутся от заложенных немцами мин замедленного действия.

"Семья" в доме оказалась большая, а вот с едой очень скудно. Но тут уж Бог помог. Гитлеровцы стоняют с хуторов эстонских крестьян, и они режут скот. Как уж до них доходит слух, что врач, который их лечил, живет у Раудкепп. Хуторяне приносят нам свежее мясо, соленую, копченую свинину и ... кур.

И вот с курами происходит некий "казус". Дело в том, что куры живые и они громко кудахчат в сарае.

В доме девять человек, но из всех только двое мужчин: Герман Матвеевич и мой муж. Софья Матвеевна твердо ставит вопрос, кто будет резать кур. И тут мужчины пасуют. Оба отказываются. Согласны голодать, но резать не станут.

На следующее утро на кухонном столе лежат двенадцать ошипанных тушек кур. Это Софья Матвеевна взяла топор и отрубила всем головы. Мой муж буквально в шоке. Как, его пациентка, к которой его ни раз вызывали по ночам по поводу сердечного приступа, вдруг оказалась в силах взять в руки топор...

И тем не менее, он с аппетитом поедает за обедом жареных кур. Но "обедом", в полном смысле этого слова, этот процесс назвать нельзя. Дело в том, что наш деревянный домик стоит на краю леса, и сразу за ним

в лесу расположилась небольшая немецкая батарея.

А за рекой, в Магербурге – такая же советская батарея. И вот, независимо от времени, они вдруг начинают перестрелку.

Я хватаю ребенка и запихиваю его под кровать. Снаряды разрываются рядом. Недолет, перелет ... рядом. Бог миловал, ни один не попал в дом. Я стараюсь держаться спокойно, но внутри ощущение страшного напряжения. Кажется, что дрожит каждая клеточка моего существа. Это состояние мучительно. Герман Матвеевич дает мне ложку успокоительного лекарства, которым он запасся для своей жены, и сразу приходит успокоение. Жалею, что не захватила с собой тоже лекарство.

А Усть-Нарова продолжает гореть. Кто-то как-то пробирается к ней поближе и сообщает, какие улицы в огне.

Приходит приказ двигаться дальше. Конечный пункт г. Пярну.

Теперь уже ясно, обратной дороги нет. У всех есть знакомые в Таллинне, поэтому цель одна, добраться до Таллинна.

У Софьи Матвеевны есть золотые монеты, она договаривается с шофером грузовика, который послан в командировку в г. Раквере.

Так под обстрелом, часто останавливаясь в каком-нибудь леску, мы добираемся до Раквере.

Я теперь вместе с ребенком, так же бережно держу мешок с копченой и соленой свиной.

В Раквере каждый находит приют у своих знакомых. Мы расстаемся и не знаем в этот момент, что если не считать Германа Матвеевича, мы расстаемся с ними навсегда. Каждый будет пробираться в Таллинн своим путем. Для нас это буквально "хождение по мукам". Добираемся до Тапа, накануне разбомбили железнодорожный узел. Жители отправляются ночевать по хуторам. Мы ночуем на полу в будке у железнодорожного стрелочника.

После мытарств мы, наконец, в Таллинне. От всего пережитого у меня впечатление, что я попала в какой-то другой мир, где ходят по улицам люди, смеются, разговаривают, ходят в кино, в гости. Когда мы появляемся у своих близких знакомых, они встречают нас, как пришельцев с того света. И первый возглас-это: "Как, Вы живы?! А мы вас уже похоронили!"

Потом уже, когда вымылись в ванне, я постирала белье и мы, облаченные в чужие халаты, сидим за обеденным столом, покрытым белой скатертью, что тоже воспринимается нереальным, нам показывают эстонскую газету вот с этим снимком, который лежит сейчас передо мною на столе.

Читаем статью: "Был советский десант, все жители повешаны, а Усть-Нарова сожжена".

Мы смотрим на снимок и объясняем, что это не висилица, а шести перед пожарным депо, на которых сушили пожарные рукава, тогда они делались из брезента. Мы рассказываем, свидетелями чего мы были. Все понимают, что это очередная пропагандийская утка. Мне кажется, что все беды позади, я забываю, что все мое имущество - это то, что на мне. Кое-какая одежда для ребенка есть, и этого достаточно. Наши запасы свинины тоже могут прокормить не только нас, но и наших друзей.

Следующий день - воскресенье. После обеда муж предлагает мне навестить с ним его коллегу по университету доктора Эллерта, который, как мы узнаем, заведует психиатрической больницей "Зеевальд" под Таллинном. Кроме того к ним переселилась, боясь бомбежек, из Кадриорга чета Голубевых, то же наших близких знакомых.

Муж решил посоветоваться с доктором Эллертом, что предпринять дальше. Ведь жизнь продолжается.

Боже, с каким наслаждением я шла по чистым улицам Таллинна. Уже смеркалось, но народу было на улицах много. Все было спокойно, хотя нам рассказывали, что на Таллинн бывают небольшие налеты, но все это происходит в районе порта. Мне же после всего пережитого казалось все это пустяками.

Мы быстро доходим до Пярнуского шоссе, находим дом, поднимаемся по широкой каменной лестнице на третий этаж. Звоним. Открывает худенькая пожилая женщина - эстонка. Это прислуга доктора Эллерта.

Как только я вхожу в прихожую, меня сразу охватывает знакомое мне беспокойство - предчувствие беды.

Дело в том, что сразу бросается в глаза довольно крупное печатное объявление на немецком языке: "Beschlagnahmt" - это значит, что в этой квартире уже поселился немец, и других просят не претендовать на жилплощадь.

Прислуга не говорит по-русски. Муж просит пере-

дать доктору Эллерту привет и сказать, что приходил доктор Круглов из Усть-Наровы. Услышав имя и откуда мы прибыли, женщина всплескивает руками и восклицает: "О, Боже, как же это так, мои господа вспоминали вас и горевали, что вас повесили в Усть-Нарове. Мы сами все это прочли в газете".

И тут мой муж на своем ломанном эстонском языке начинает ей объяснять, что все это неправда, и рассказывает, как все было.

Беспокойство мое растет, я пытаюсь его прервать и тороплю домой, при этом открываю дверь на лестницу и слышу поднимающиеся по каменной лестнице шаги немецких сапог. В прихожую входит высокий сухопарый эсэсовец в чине. У него узкое лицо и длинный тонкий нос. Он подходит к зеркалу, и я вижу, как он медленно начинает стягивать кожаные перчатки, а в его маленьких глазах вспыхивает злоба. "Боже, он же все понимает" - пронесится в голове. "Уйдем!" - почти кричу я. Тут мой муж что-то начинает понимать. Он прощается, и мы выходим, спускаемся по лестнице, и я всей спиной чувствую опасность, ощущение такое, что мне сейчас выстрелят в спину. Молча выходим на пустынную и уже темную улицу Таллинна. Не говоря ни слова движемся дальше, через несколько минут слышим быстро приближающиеся шаги. "Стой!" - слышим приказ на русском языке. Перед нами тот же эсэсовец. "Покажите документы!" Муж протягивает паспорт. "Пройдемте за угол!" - приказывает немец. "Куда?" - спрашиваем мы. "В гестапо" - звучит ответ. Муж поворачивается ко мне и говорит: "А ты иди домой!" "Нет" - кричу я. "Я тоже пойду." "Иди домой к ребенку! - уже сердито повторяет он. И тут эсэсовец произносит: "Вам идти не надо." "Иди домой" - повторяет муж.

Я останавливаюсь, смотрю вслед, потом поворачиваюсь и начинаю бежать. Бесконечное отчаяние, беспомощность гонят меня к ребенку. В голове мелькают отрывки разговора с прислугой и вертится одна фраза, произнесенная мужем: "Не верьте тому, что пишут в газетах!"

Я знаю, что такое гестапо, знаю, что эсэсовцу отлично известно, как на самом деле обстояли дела в Усть-Нарове, и эстонская газета перепечатала статью из немецкой газеты. Но вот какой-то русский ходит по подъездам и говорит: "Не верьте газетам!"

Гитлеровцы обозлены, они отступают, но хотят до конца выглядеть "освободителями".

Знаю, что в такую минуту им нельзя попадаться под ноги.

Я врываюсь к нашим знакомым и кричу, что произошло. Мне кажется, что круг замкнулся, из него уже не выйти.

Машинально кормлю ребенка, укладываю его спать, а потом всю ночь хожу из угла в угол. Слез нет, одна мысль, что предпринять. На следующее утро бегу к Голубевым. Доктор Эллерт на работе, дома Екатерина Николаевна Голубева. Встречает она меня очень сухо и спрашивает: "Что я хочу?"

- Что я хочу? Хочу помощи, но ответить на такой злой вопрос не могу, не собраться с духом.

"Хочу поговорить с прислугой" - отвечаю я. Она высылает ко мне прислугу. Та на мой вопрос, что говорил мой муж, со злыми слезами отвечает: "Оставьте меня в покое, я старый человек и ничего не знаю".

Я покидаю дом и чувствую, что все кончено, что сделать я больше ничего не смогу. И вот тут приходят слезы. Через два дня мне сообщают, что мужа перевели в общую тюрьму и можно в какой-то день снести передачу. Все передачи омыты слезами, они текут, и я не в состоянии их сдержать. Слезы беспомощности. А потом вдруг наступает какое-то оупение. Ни слез, ни жалости, просто передо мною стена...

И вот, когда я уверена, что все кончено, вдруг появляется заросший бородой муж. Все-таки Голубевы и Эллерт повлияли на своего эсэсовца и убедили его, что муж не партизан.

Но во мне что-то надломилось, чувствую, что постарела лет на десять.

Мне все-равно, впереди темно...

А это только начало марта 1944 года...

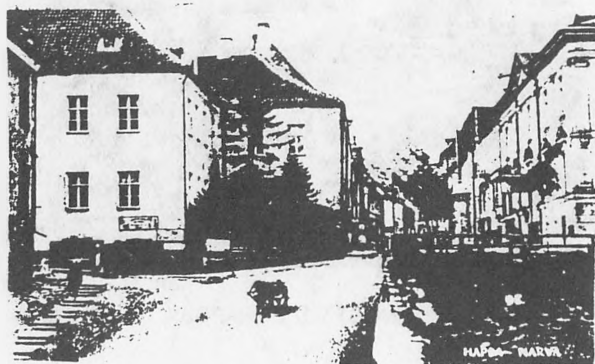
ФОТО-ВЫСТАВКА

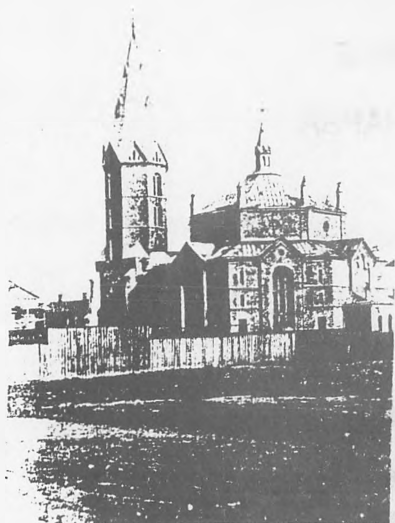
ИРИНА КИВИМЯЭ

ДОВОЕННАЯ НАРВА

НАРВА. БАШНЯ ГЕРМАНА.

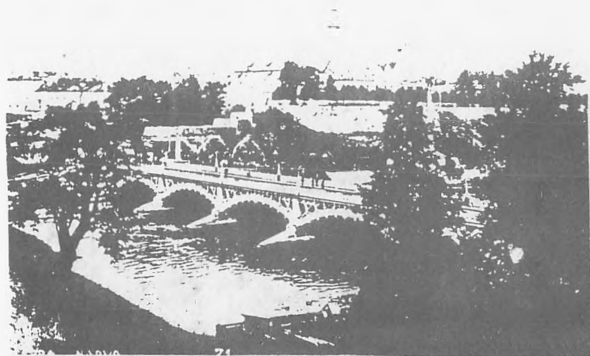

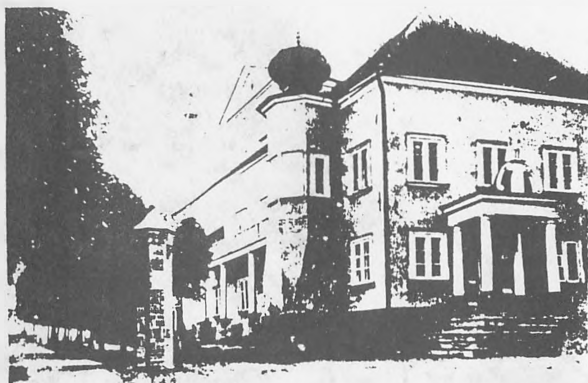
АЛЕКСАНДРОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

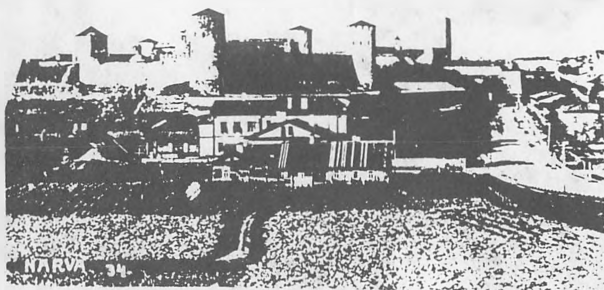
НАРВА. КИРОЧНАЯ УЛИЦА.

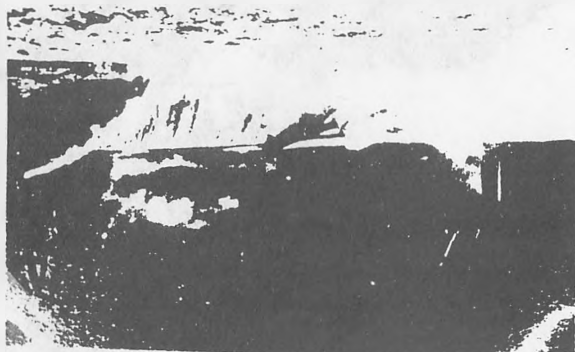
МОСТ ЧЕРЕЗ НАРОВУ.

НАРВА. ДВОРЕЦ ПЕТРА I.

НАРВА 1934 Г.

НАРВА. ВОДОПАДЫ.

ЦЕРКОВЬ ШТИГЛИЦА (НА ПАРУСИНКЕ).

170

ХРОНИКА

ИРИНА ИВАНОВА

ВСТРЕЧА С РУССКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ

Начало этого года в Нарве было отмечено необыкновенным событием. В одну из январских суббот на нашу землю высадился мощный творческий десант из 75 прозаиков, поэтов, художников. Их отправными точками были Москва, Санкт-Петербург, Нарва, Таллинн. Профинансировало встречу Министерство образования Финляндии.

Эстонских писателей на встрече в Нарве представляли: Пауль-Ээрик Руммо, Вийму Хярм, Теэт Каллас, Вайно Вахане, Лезло Тунгал, Юло Туулик, Маймо Берг. Русских - Андрей Битов, Виктор Кривулин, Михаил Веллер, Александр Ткаченко, Александр Скидан, Валерий Попов. А еще в библиотеке, где собралась творческая интеллигенция города, были художники, объединенные в содружество "Митьки".

Надо сказать, что народу набилось битком. Говорили о многом... Делились впечатлениями о сегодняшнем переживаемом времени, давали оценку состояния литературного творчества у нас и у них и, конечно, читали свои произведения.

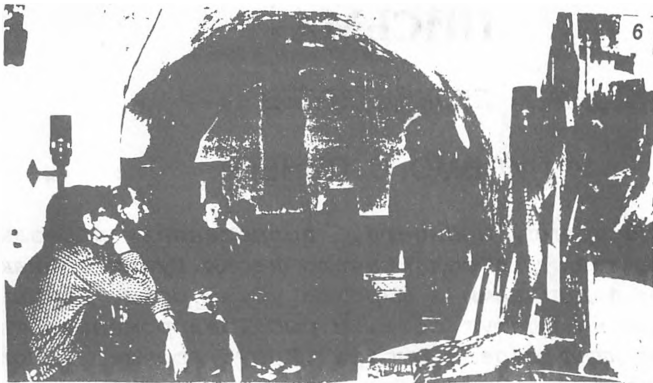
На снимках:

- 1 АНДРЕЙ БИТОВ. ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОГО ПЕНКЛУБА (МОСКВА).
- 2 АЛЕКСАНДР ФЛОРЕНСКИЙ.
- 3 ВАЛЕРИЙ ПОПОВ. ПОЭТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА.
- 4 ВИКТОР КРИВУЛИН. ПОЭТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА.

ФОТОАТЕЛЬЕ ПЕЭТЕРА ТООМИНГА

- 5 ПЕЭТЕР ТООМИНГ (СЛЕВА), КИНООПЕРАТОР, РЕЖИССЕР
ВАЛЕРИЙ БОЛТУШИН, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ФОТОКЛУБА "НАРВА".
- 6 ВСТРЕЧА В ТАЛЛИННЕ В ФОТОГАЛЕРЕЕ "ЛЕЕ".

НАРВСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ШКОЛА

3 февраля наша художественная школа, после экспонирования своих работ в Пярну, съездила на свою первую столичную выставку в Таллинн. 25 юных авторов и 5 преподавателей представили в этой коллекции живопись, графику и батик. А девиз выставки – „Учитель и ученик“ – как нельзя лучше определил ее содержание...

Расположилась выставка на трех этажах бывшего купеческого дома, который ныне представляет из себя Дом детского творчества и галерею одновременно. Необычная старинная архитектура и интересные творческие работы юных нарвских художников, соединившись, создали очень уютную и светлую обстановку в многочисленных залах галереи. ...Увидеть свои работы в таком павильоне – этап в жизни художника, а для маленького автора – вдвойне.

Хочется отметить, что в книге для отзывов нашлось немало добрых слов и пожеланий в наш адрес. В их числе и мнение искус-

ствоведов из Санкт-Петербурга, которые побывав на выставке, отметили высокий уровень детских работ Нарвской художественной школы.

Преподаватели ДХШ.

ПИСЬМА

ЛЕОНИД ЯРЦЕВ

ПИСЬМО С ПИНЕГИ

Пришло время, и Пинега, вознесенная образами моих размышлений, обрела начало весны. Ручьи стекают потоками и водопадами в широкое устье реки. Длинные рыбацкие песни плетут сети, и рыба, замороженная талым снегом, ищет своего рыбака. Иисус дремлет в лодке, что задержалась у берега, и видит сны о благочестивой волне и улыбается в ус. Мысли текут медленно и плавно. Свет растворяет огни на реке, освещая янтарное дно.

Видел нынче сон, как на поле твоём дом выстроили. И собрался народ на беседы-разговоры. Каждый говорит о своём источнике как о самом близком. Но близко ли то, что близоруко? Дальнее око видит мудрость — озаренную перспективу.

Пока мы восстанавливали в Десятикамне часовню, какая-то светлая сила вела обновление внутри нас.

Наломавшись за день, хорошо к вечеру присесть возле жаркой печи, под мерный бег ходиков попить чаек из трав и вести тихий разговор, хотя не разговор даже, а поведания душевные. О чём мы только не поведали друг другу в эти долгие осенние и зимние вечера. Старый охотник, одобрительно поглядывая на нас, иногда тоже вступал в беседу: тогда мы ушки топориком и слушаем, не пророним ни словечка. Он больше притчами любит говорить. Я, как успело обсесть, записываю за ним, но так, чтобы он не увидел.

Один раз зашел у нас разговор о церкви и о том, что мы, хоть и называем себя христианами, а по сути — язычники. Люди, построив церковь в миру, оголились внутри себя, и тогда мир вошел в человека и занял пустырь и построил дом каждому по его представлению. И узнали люди, что гораздо проще обожествить Любовь, Красоту, Церковь, и стали поклоняться им как идолам. Не смогли принять в себя Церковь, жить в Любви и Красоте. Не хватает решимости стать Бого-

Человеком и продолжают поклоняться Церкви, не имея ее внутри.

Дедок слушал нас, вздыхая о чем-то своем, а потом заговорил: "Эту сказку рассказал мне старый эвенк. Он был такой старый, что даже забыл, сколько ему лет. Послушайте и вы эту сказку:

Никто не знает, когда стала протекать крыша над Землей, только много, много воды разлилось по всем сторонам света. Но как-то раз вышел из воды Мамонт-Шели и пошел по следам человека. Коротко прошел он и увидел человека плачущим по среди одинокого острова.

- Ты почто плачешь, человек? Тебе не хватает воды?

- Не смейся, Шэли, я хочу кочевать и пасти оленей, но кругом вода.

И действительно, кругом стояла вода, даже воздух был водой, только на маленьком острове можно было дышать.

- Не горюй, человек, не успеет Большой Ковш трижды зачерпнуть за край дороги Голубой Рыбы, как твои глаза устанут вглядываться в даль земного края. И побрел мамонт по воде, пока не встретил Змея-Дябдара.

- Хватит лежать без толку, Дябдар, пойдём осушать Землю. Я сильный, ты гибкий. Вместе мы многое сможем. Ленив был Дябдар, но согласился на уговоры мамонта.

Тогда вонзил в илистое дно свои бивни Мамонт-Шэли и стал выворачивать на поверхность песок, глину да камни. Выросли по сторонам горы, равнины и утесы. Пополз Дябдар между гор и равнин, и потекла вода по его следу, так образовались на Земле реки, а где змей, останавливаясь на ночлег, сворачивался в клубок, возникали озера и моря.

Потревоженные работой мамонта, поднялись с воды птицы и полетели над освобожденной Землей. Удивились и обрадовались, увидев работу Мамонта и Змея. И стали сбрасывать они перья вниз, и там, где перья касались Земли, вырастали леса и дубравы.

Но мамонт не прекратил своей работы, пока не появилось Небо. И когда солнце сменилось луной и звездами, только тогда Шэли и Дябдар ушли в полночь."

Мы не поняли притчи старого охотника и стали спрашивать у него объяснения.

- Что ж, ребятаки, с острова надо начинать, найдите свой остров в Океане, а я пойду покудова.

И старый охотник ушел. Мы погалдели маленько, а потом вспомнили о письме Камира, которое получили как раз на Благовест, чудно подписанное: в селение Десятикамень, Ярцеву, в дом у дороги. И приписка: сыну твоему привет и поздравления. Крестины скоро ли?

Ты передай Камиру, что у нас часовня есть, но пока нет. Подождем, может как-то образуется. Однако Камиров текст: "Пришел человек в Церковь. Поздоровался, зажег лампаду—облако белое, пробужденный дух— и стал молиться. Вокруг толпятся, шумят люди. И спросил тогда человек у Церкви: "Где твоя середина?" Ответила Церковь: "Моя жизненная дорога — океаны и моря; солнца сплетение — воздух, где плавают белые птицы; лучи солнечные, греющие Землю, — сердце; месяц и звезды огненные — горло; то, что облаком белым над головой моей висит, — космическое дыхание Чистого Лебедя."

И сказал тогда человек толпившимся в Церкви: "Отпустите, люди, своих птиц, пусть плывут они к острову, что скрыт в Океане, а прилетев, встаньте по середине острова и смотрите на месяц и звезды, горящие мириадами лампад, — тогда смогу молиться." Собрались люди возле Белого Сада и пошли к Океану. Пропустил их Океан, и поплыли они на остров. Обрадовался человек — стал молиться. Подошел к нему Иаков и сказал: "Подготовь людей, чтобы встретились со мной, скажи также, чтоб берегли середину Церкви и пусть кланяются ниже Богу. Пусть ждут близкой встречи со мной и готовятся к полетам. Пусть уберут дом свой, чтобы каждой вещи назначение было строгое, ничего лишнего быть не должно. Пусть не боятся оставить дом, в котором живут, потому что превращу их в огненных птиц. Будут они работать в драгоценном сплаве космических знаний."

Кто войдет в новый Дом, тот не выйдет обратно, а плотно прикроет дверь и не убьется считать степени Башни. Груз каждый понесет большой и отвечать будет за поступки другого, как за свои.

Пространство, отвечающее колоколом Зову Всевышнего, поможет определить место в жизни. Но проявить Бога может только знание о Нем, все другие побуждения — искушение."

Егорка, разомлев от таких бесед и русской печки, кемарит потихонечку, а мы заговоримся другой раз, до

красных гребешков, что поутру выползают из-за Синих Гор. Но пора ложиться спать, предшествующие вихри сна распянуты, и мы, торопясь, укладываемся каждый в свою лодку. Черная дыра встречает нас на выходе из лабиринта и сопровождает: "Входи, - говорит она, - ты сам свой ученик и учитель Веры. Вопреки страданиям, жизнь движется благодаря сознанию Сына Мао-Дан-Ай-Йс. Наша молитва - радость. Холодной волей правят умы Космоса сознание того, кто хранит чистоту. Вода - слава." Шуришит лодка по гребням волн космического Океана, переворачивая страницу за страницей книгу вещей снов.

За зиму мы в нашем Десятикамне обросли всем необходимым, и времени у меня теперь хватает, а потому пиши мне старославянский текст, а я разберу буквы, как сердечные знаки, и отвечу тебе поклоном.

Днями случилась у нас история: Костя - петух куриный - поймал зайца блудного и заклевал бы его вконец, хорошо Егорка вовремя подоспел.

Всякому зверю тут свободно, но уже к вечеру за околицу не выходи - волки и другая шпана колобродят.

Баньку мы облюбовали у самой реки и один день из семи паримся с утра до позднего часу, после каждой парилки бухаемся в прорубь - очень хорошо. Хлебный квас, кому с клюквой, а кому с моршквой, разлитый в двух больших березовых утесах, научила нас делать тетя Паша из соседнего леспромхоза. А уж как охотник форельку или другую рыбку подсолить умеет, об этом я не напишу, это надо откусать. А копченного палтуса или отмоченную тресочку с рассыпчатой картошечкой, а птицу лесную, в глине запеченную, да с груздем хрустящим - это кое-что.

Словом, мы обжились и ждем вас в гости, а всерьез кто надумает - места хватит, даже с избытком. Леспромхоз работу дает. Вспомни, как зелеными пацанами валили мы лес в Уссурийской тайге. Втянулись и "привыкли руки к топорам", кстати, дедок наш на Пинегу пришел из Уссури. Лимонного отвару принял на ход ноги и через всю тайгу от Тихого океана до Ледовитого охотником прошагал. Он всю Жизнь в дороге. И с уйгурами жил, и с эвенками, и Памирцами и с Тувинцами, всех не перечесать - добрый дед.

Не обессудь за разнотолк, но когда пишешь о самом сокровенном, о своих исканиях Пути Земного, который сливается с тропкою Белого Оленя - шага Вечного Времени, то

мысли путаются следами весенних проталин и вспоминается день прожитый и хочется заглянуть в глаза и через край тому, кто стучится в дверь.

Мудрый охотник подошел сегодня ко мне и рассказал притчу о сестре своей, как о дочери и сыне загадочной страны МОИАМ: "Один Барс по прозвищу Осень, похожий беложелтым ворсом на солнце, взбирался долго в гору. Старый Дух той горы Аштам предупредил его: "Не буди огня; опалишь лапы." Но барс медлил слушать голос, внимая своему учащенному биению сердца, и настойчиво продолжал прудный путь к вершине. Три ступени, должен был преодолеть Барс: Мир, Любовь и Совесть. Преодолев названные ступени, пришел он к Вере и вскрыл письмо, долго ждавшее его. Письмо то было в знаках и символах Эпохи. Прочитал Барс письмо, и распустился цветок в его Душе. Призвал тогда Дух-Аштам Барса и дал ему имя: Огонь-Человек. Принял Барс Дорогу Человека-Бога и снял с себя шкуру ворсом в солнце и стал старцем семимудрым. А став старцем, стал он предупреждать солнечных странников и прояснять им путь, но не слишком настойчиво, а так, чтобы остановить необдуманно бредущих. Тех же, кого ведет ветер Северных Дорог, не останавливал он, ибо знал их сильный дух."

Так закончил охотник свою притчу и не сказав более ничего, ушел в тайгу. Мы с Егоркой долго смотрели ему вслед.

С весной охотник наладил свой путь. Я взял ружье и спрятал в сундук - Барс не придет больше.

P. S.

На Север летят птицы выводить птенцов: так и неловек полетит на Север, чтобы найти свой Остров, где он обретет нового себя. Не жди и ты времени, которое идет. То, что строит артель наша, живо будет, покуда не открыты двери разнотолкам. Разные прихожане будут совестить и хвалить нас, да не коснутся их уговоры дыхания нашего, и выйдем мы с пепелища здоровыми, но пока мы еще на пути к твоему храму, что зовется тобой Русалима. Привет Степану от меня и поток добрых мыслей. Завтрак готовлю в честь него, обед посвящаю твоей жене, ужин - вам всем. Приборы готовлю вместе с вами на семь

персон, которые придут с юга с перелетными птицами. И помни слова учителя: "Приду на помощь в ту минуту, когда пастух закроет большие ворота Старого города."

Адрес тот же: Пинега, с.Десятикамень, ул. Ветхого Завета, дом 1.

Леонид Ярцев.

Да, получил письмо от Ивана Мельникова. Заковыристо, но с большой любовью рассуждает Ванюша о Севере. При встрече обними его. Хочу прислать тебе рассказ для журнала.

Леонид Ярцев

